

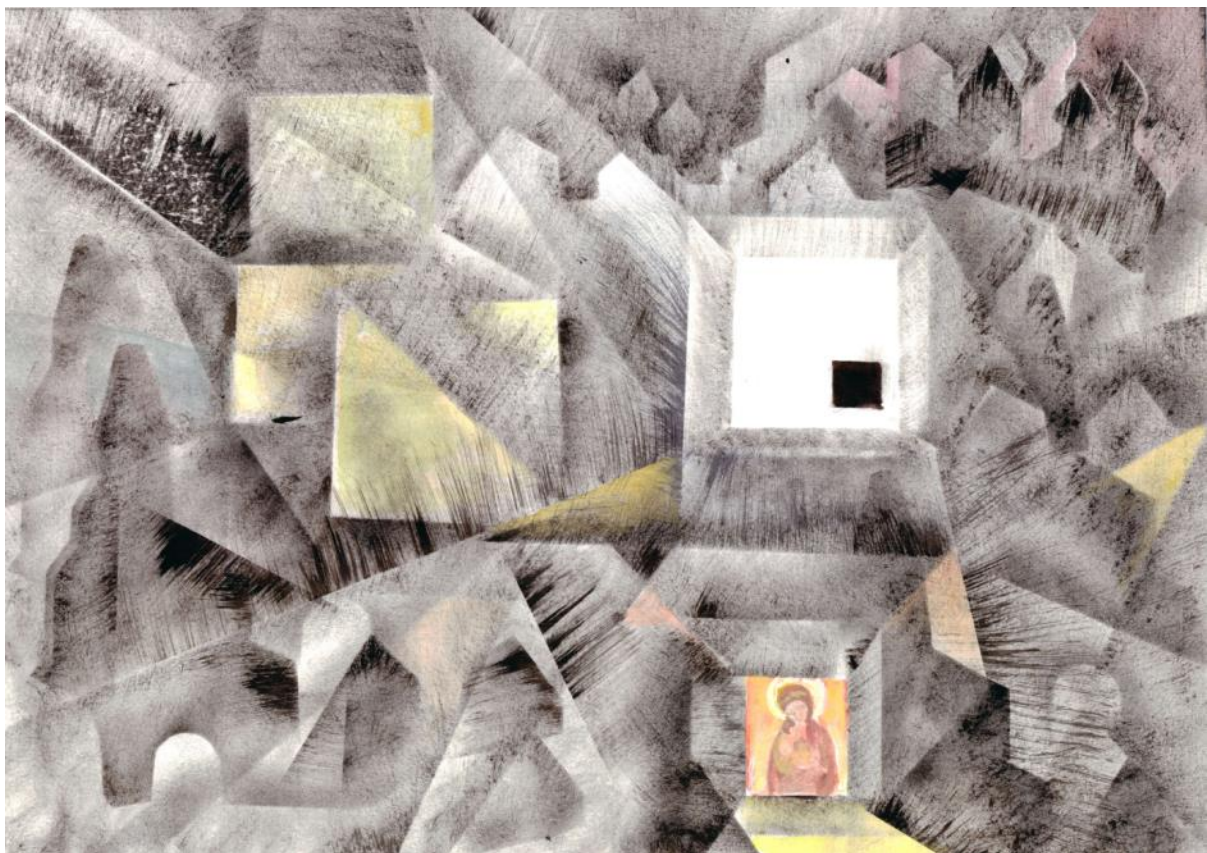


Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 1 (36) 2021

МОСКОВСКИЙ BAZAR



МОСКВА, 2021

Огурцы и чувства



Несколько лет назад в Европейском сообществе был принят закон об огурце. Закон строг и суров, но это закон – к исполнению обязателен. Согласно закону, огурец, попадающий на стол европейского потребителя, должен соответствовать определенным нормам – абы какой очутиться в салате не может. Размеры и форма строго регламентированы, огурчик обязан расти ровным, никаких изгибов и кривизны. А иначе – на свалку. О вкусе огурца в законе не сказано ни слова...

Раньше первые свежие огурчики появлялись в конце февраля. Длинные, с желтым цветочком на попке (да простят меня огурцы за столь дерзкое сравнение), они сметались с полок мгновенно. Пахли изумительно, вкус имели потрясающий, а вот на форму огурцы внимания не обращали, росли как вздумается. Первый салат из огурцов, который готовила моя мама, был гениален и прост, как все

гениальное: огурцы, зеленый лук, что рос на подоконнике в баночках из-под майонеза, яйцо, соль, сметана. Вкуснее этого салата придумать что-либо сложно. В этом незатейливом рецепте заключалось все: и стремительно надвигающаяся весна вместе с капелью, проталинами и веточками мимозы, многочисленные перспективы на лето, легкие сарафаны и новые босоножки, дача, шашлыки, море, звездопады, поцелуи под луной и мечты, мечты, мечты...

К апрелю огурцы занимали на столе прочное место, а вскоре к ним присоединялись помидоры и свежая зелень. ореол таинственности исчезал, зато в рационе теперь ежедневно присутствовали витамины.

Тем временем общество все больше погружалось в сферу потребления и огурцы желало потреблять круглогодично. Сейчас и огурцы, и помидоры продают в супермаркетах в любой сезон. Выращенные в многочисленных теплицах на биопонике, эти всеми любимые овощи больше не являются зимой редкостью. Потеснив соленья и квашеную капусту, они превратились в привычное зимнее блюдо. Правда, ни вкуса ни запаха у них нет, но мы все равно покупаем. И делаем салат, идентичный натуральному.

Эти внесезонные овощи уже не имеют аромата весны и надежды. Они сгладили наши ощущения, сделали ровнее и спокойнее. Времена года перемешались на столе, их невозможно отличить одно от другого. Нет больше *романтизму*, как говорил герой старого советского фильма.

В стремлении внести в жизнь как можно больше удобств человечество неизменно что-то теряет. Чем-то приходится жертвовать. И мы жертвуем чувствами. Чувства не так важны, как новый автомобиль, удобный диван или модный костюм. Чего уж говорить о чувстве весны! Нет, мы не стали эмоционально беднее, мы все так же влюбляемся, гневаемся, удивляемся. Мы перестали радоваться мелочам. Мелочи превратились в пережиток прошлого. Мы приняли законы о чувствах, теперь они соответствуют определенным строго регламентированным нормам. Быть внезапными и непредсказуемыми в современном мире не следует.

Раньше, возвращаясь в жаркий полдень из леса, я мечтала скорее добраться до колодца с водой, чтобы наконец напиться: опустить в темную глубину, откуда, говорят, и в полдень можно увидеть звезды, журавль, а затем прильнуть к ледяной воде и пить прямо из ведра. Теперь у меня всегда с собой маленькая пластиковая бутылочка с водой из водопровода. Ну ей-богу, вредно же томиться от жажды! Зато какая вкусная была тогда в колодце вода! Оторваться невозможно! А теперь она стала просто пресной.



Валентин Сидоров. Солнышко

А как здорово бывало зябкой октябрьской ночью, мучаясь от бессонницы, выйти на балкон городской квартиры покурить и вдруг увидеть Большую Медведицу и ощутить над головой бесконечность, заполненную звездами и планетами, на одной из которых, быть может, кто-то точно так же стоит на балконе, курит и смотрит в небо. Но ведь это оттого, что города были темными и мрачными, едва освещенными тусклыми желтыми фонарями, роняющими на асфальт бледные пятнышки света. Зато теперь города рекламно-сияющие, с разноцветной мерцающей подсветкой, экономичной и яркой. Особенно они хороши, если посмотреть на них оттуда, из космоса. Вот только Вселенная исчезла из поля зрения и стала дальше...

Ну что за радость, честное слово, отстоять пять часов в очереди за югославскими сапогами, а затем целый сезон чувствовать себя на седьмом небе от счастья, что удалось отхватить такие шикарные, удобные сапоги!

Теперь можно зайти в магазин, перемерить двадцать пар и выйти, ничего не купив. Кто скажет, что это плохо?!

Или что за ностальгия: в пятницу после работы прибежать на вокзал, где встретить всех дачных соседей в одинаковых стоптанных кедах и с одинаковыми рюкзаками цвета хаки, втиснуться в электричку, а потом добрых два с половиной часа трястись в прокуренном вагоне под бречание гитары и бородатые анекдоты, после идти через лес, чтобы – уставшим и голодным – открыть дверь холодного дачного дома, затопить печь и заварить чай с растущими у порога травами.

Куда лучше сесть в машину, бросить вещи в багажник и, минуя метро и троллейбус, везущие к вокзалу, оправиться на дачу. Немного пробок – и вот ты уже открываешь дверь дачного дома, где обогреватель подключен к специальной GSM-розетке, управляемой по телефону, чтобы к твоему приходу помещение прогрелось. Нужны ли нам эти утраченные чувства? Был ли в них смысл?..

Нет, я конечно не брюзжу. Все верно, так и надо. Правильным путем идем, товарищи! Мы сделали жизнь удобнее, комфортнее и значительно проще. Ощущения весны, снега и свежих огурцов отвалились как ненужный атавизм. Чтобы добыть необходимый материал, больше не нужно идти в библиотеку и в читальном зале под зеленой лампой конспектировать труды мыслителей прошлого – достаточно нажать пару клавиш на мобильном телефоне, который всегда при тебе. Да и сами мыслители как-то уменьшились в размере и больше не вызывают восторга. Кажется, они все же в чем-то ошиблись. Мы освободили уйму времени, пожертвовав этими, как оказалось, не особенно-то и нужными чувствами. Жить, без сомнения, стало лучше, жить стало веселее.

И все же...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

VazART

«А ЖИЛ Я ТАК, КАК Я ХОТЕЛ!». Интервью с Олегом Ивановым, архитектором, художником, графиком.

Беседу ведет Ольга Грушевская, специально для MB



7

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ХРОНИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОТОРЕПОРТАЖАХ С. М. ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО 15
- ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА 19

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- КАЧЕЛИ ВРЕМЕНИ



24

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР СИКОРСКИЙ (Москва), интервью

- «СКАЗОЧНЫЙ СВЕТ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО, или ДВА РУКОПОЖАТИЯ». Часть 2, продолжение. Специально для «Московского BAZARa»: интервью с Александром Сикорским, филологом, переводчиком, музыкантом 26



26

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ (Коломна)

- ЛОЖКИН 51
- ТРИ АВГУСТОВСКИХ ДНЯ 55

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- НЕЖНЫЕ ГРАБЛИ 61

БААДУР ЧХАТАРАШВИЛИ (Тбилиси, Грузия)

- MODERATO CONTABILE: УМЕРЕННО И ПЕВУЧЕ 63
- О ПОЛЬЗЕ НАГЛЯДНОЙ АГИТАЦИИ 68

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- ШУРКА 70



51

55

61

63

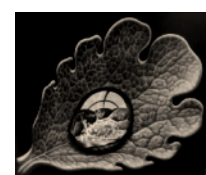
68

70

ПУБЛИЦИСТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО


ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН – ЗЕРКАЛО ПРОШЛОГО, В КОТОРОМ ОТРАЖАЕТСЯ БУДУЩЕЕ 71




71


ПОЭЗИЯ

ЮЛИЯ СОРОКИНА (МОССАЛИТ, Москва)		74
АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, Москва)		76
ЕВГЕНИЙ ХОРЕНКО (Барнаул)		78
ЕЛЕНА ПАВЛОВА (Москва)		80
ИРИНА САВИНОВА (Краснодар)		82
СЕРГЕЙ БАЛИЕВ (Ирбит, Свердловская обл.)		86
СЕРГЕЙ ВОРОШИЛОВ (Петрозаводск)		88

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)		
• <i>ВАРЕНЬЕ ИЗ РАЙСКИХ ЯБЛОК. Сказка</i>		90
МАРИНА ШАПОШНИКОВА (Астрахань). Стихи для детей		104
ЕЛЕНА ЛОПАТИНА (Омск). Рассказы для детей		105
ТВОРЧЕСКИЙ СЕМЕЙНЫ ПОДРЯД		111
АЛЕКСАНДРОВЫХ-СТРОКОВСКИХ (Королев)		

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Москва)		
• <i>ГОЛЛАНДИЯ. ЗАНДВОРТ</i>		115

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. Эшера, В. Сидорова, О. Иванова,
рисунки и иллюстрации А. Народицкой, Е. Александровой, Лены Строковой,
фотографии из семейных и авторских архивов
А. Сикорского, О. Иванова*

*На обложке:
Олег Константинович Иванов. Поиски*

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина



О. Иванов. Невеста

BazArt

«А ЖИЛ Я ТАК, КАК Я ХОТЕЛ!»

Интервью с Олегом Ивановым, архитектором,
художником, графиком

Специально для МВ

Беседу ведет писатель Ольга Грушевская



*Достичь небес – это нечто прекрасное и возвышенное,
но и на любимой земле несравненно прекрасна жизнь!
Поэтому оставьте нас быть людьми.*

В. А. Моцарт



Олег Константинович Иванов, архитектор, художник, график. Окончил Московский архитектурно-художественный институт (МАрХИ) в 1965 году, в 1980-е годы там же защитил второй диплом на факультете перспективных проблем градостроительства и архитектуры.

Имеет награды и премии, среди которых премия Совета Министров СССР, Золотой диплом международной выставки-конкурса «Зодчество», диплом 1 степени Союза архитекторов СССР, диплом 1 степени Министерства образования СССР и многие другие. Лауреат внутрисоюзной премии «Золотое сечение», номинант на Государственную премию СССР.

Автор проектов, участвовавших в пятнадцати различных конкурсах от международного до союзного значения, в тринадцати из которых были получены премии разных степеней.

Ольга Грушевская (ОГ): Олег Константинович, по традиции мы берем интервью у художников, которые выставляются в нашей галерее Салона. И это уже ваша вторая выставка, кстати. Но начать я хочу не с живописи, а с архитектуры. Все-таки вы в первую очередь архитектор, да еще с именем и регалиями.

Олег Константинович Иванов (ОИ): Я эти регалии никогда не ношу. Были интересные случаи, когда я даже не знал, что мои проекты где-то участвуют.

ОГ: Так может быть?

ОИ: Запросто. Мой проект жилого дома, который я делал на третьем курсе института, выставлялся в Праге, и удивительно то, что узнал я об этом лишь от своего родного брата Володи, который в то время в Праге учился, он-то и сообщил, даже прислал с выставки значок. Проект жилого здания – это уже пятый курс – вошел в учебник В. Ф. Кринского (в соавторстве с другими) «Введение в архитектурное проектирование», а дипломная работа участвовала на

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

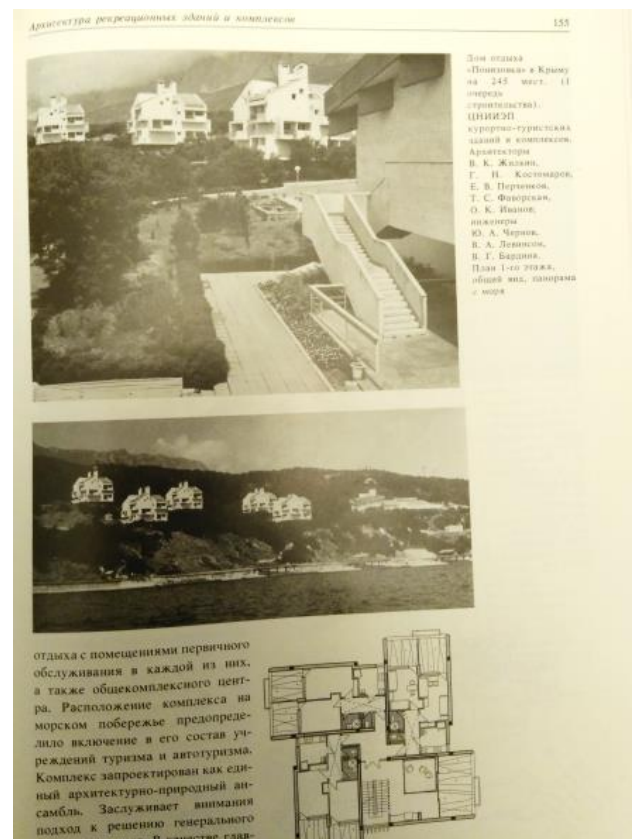
юбилейную дату института в выставке в Париже – мне рассказал Николай Харлампиевич Поляков¹, а сам я даже не знал об этом.

ОГ: Традиционный и неизбежный вопрос: как вы стали архитектором?

ОИ: Конечно. Ждал этого вопроса. Стать архитектором было мне предопределено: я родился в архитектурной семье, папа и мама были архитекторами. Дома вечные разговоры только об архитектуре, бесконечные папины аспиранты...



*Проект, в котором принимал участие О. К. Иванов.
Крым*



Фотографии дома отдыха «Понизовка», над которым работал О. К. Иванов в составе группы архитекторов. Крым

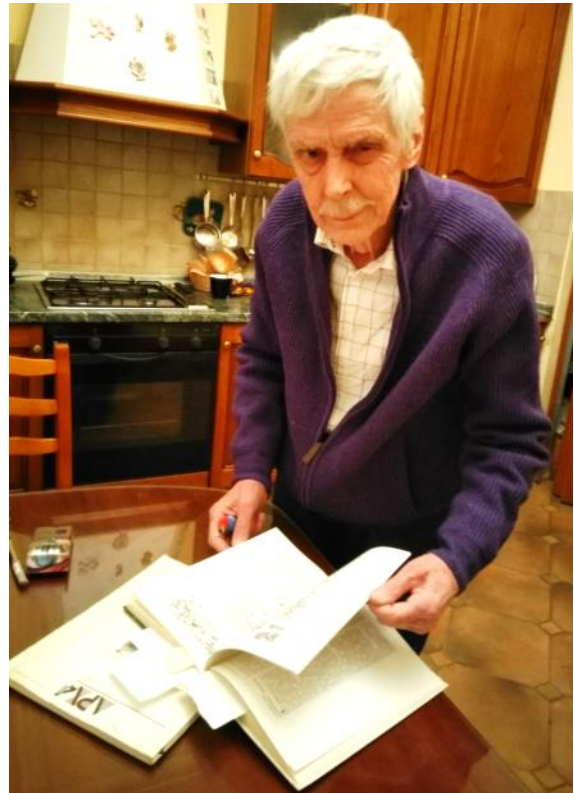
¹ Николай Харлампиевич Поляков (1898–1969) – советский инженер-архитектор, преподаватель. Член-корреспондент Академии архитектуры СССР

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Да и родился я в Доме архитекторов, это Дом на Ростовской набережной, построенный небезызвестным архитектором Щусевым², дом, который предназначался для молодых аспирантов, членов Союза архитекторов.

ОГ: Дом необычной формы, это неоконструктивизм?

ОИ: Да, дом необычной формы, построен на так называемом Ростовском подворье, где располагалась церковь Благовещения Пресвятой Богородицы XV века. Щусев снес полхрама, там осталась одна колокольня. Храм был знаменит тем, что в годы правления Ивана III в нем жил митрополит Вассиан, который написал труд «Послание на Угру». Он настаивал, чтобы Иван III не вел переговоров с Золотой Ордой, а выступил с войском. Тот послушал его, и Орда ушла, кончилось иго.



Олег Иванов дома, демонстрирует каталоги с фотографиями его архитектурных проектов

Дом до конца построен не был, хотя после войны его еще доделывали. Основное же строительство было приостановлено перед войной в 1939 году, и одна стена была сделана наспех, ее не утеплили, и комнаты с этой стеной были ледяными. Под дверью холодной комнаты была щель, и зимой ее закладывали разными одеялами. Знаете, есть строчки: «Меня воспитала полоска света, зажатая меж дверей...». И вот отец, одетый в шубу, валенки – утепленный, работал в этой ледяной комнате; это были уже военные годы, у него была бронь, так как он был главным художником в одном из павильонов ВДНХ. И в этой холодной комнате он писал бесконечные портреты Маркса и Энгельса – порознь и вместе.

ОГ: А какую школу вы оканчивали? В том же в районе?

ОИ: Тридцать первую школу, в здании которой сейчас расположен Хамовнический суд, а вообще она была некогда знаменитой Алферовской женской гимназией. В гимназии учились дочери Поленова, Мамонтова, Шаляпина, Гагарина, Серова... Некоторое короткое время там училась и Марина Цветаева. В 1919 году Алферовых расстреляли. Вот такая история...

А возвращаясь к теме, как я стал архитектором, могу только повторить, что был обречен им стать – мало того что вся семья архитекторы (мой старший брат Вовка тоже поступил в МАрХИ), так и во дворе меня окружали такие же, как и я, дети.

Правда, был момент, когда я учился еще в школе: так как я обладал способностью ясно выражать свои мысли, внутри меня затеплилась идея поступить на журфак МГУ, но я писал чудовищно неграмотно, совершал самые невероятные ошибки. Почему?.. Сам не знаю. Мне

² Алексей Викторович Щусев (1873–1949) – русский и советский архитектор. Действительный член Императорской Академии художеств (1908), академик архитектуры (1910). Академик АН СССР (1943).

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

тогда наняли какого-то педагога с факультета журналистики, который научил меня грамотно писать, и вскоре я смог мгновенно видеть ошибки в любом тексте. Это мне помогло в дальнейшем, я работал без черновиков.

ОГ: Говорят, архитектура – это застывшая музыка. Вы согласны? И что для вас архитектура?

ОИ: Нет, не согласен, категорически. Архитектура – вторая, искусственная природа общества, которая управляет этим обществом. Вот строит архитектор коридор, и все люди, толпа, идут по коридору. Строят площадь – все собираются на площади. И так далее. На это обратили внимание еще американцы во время холодной войны, заявив, что лучшее средство борьбы с коммунизмом – это строительство индивидуальных жилых домов, которые тут же разобщили общество! Архитектор создает искусственную среду протекания биологических и социальных процессов человека, вдумайтесь в это, эта среда и руководит человеком.

ОГ: А различные архитектурные стили? Украшения на фасадах тоже оказывают свое влияние?

ОИ: Это уже «одежка», наносное, скрывающее внутреннюю задачу. Возьмите, например, как появилась капитель – соединение колонны с верхней плоскостью надо было украсить каким-то орнаментом, чтобы не было видно соединительного материала, который выползал по краям колонны. И так далее.

А вот музыка... Она не может быть застывшей, никогда. Вообще, я считаю музыку самым величайшим из искусств. Она берется из ниоткуда. Из пространства.

ОГ: Есть любимые композиторы?

ОИ: Шёнберг³, Мессиа⁴, Пендеревский⁵... Но и в их произведениях нет той четвертой пространственной точки, которая существует в музыке.

ОГ: А у кого-то она есть?

ОИ: У Моцарта. Он не то что мой любимый композитор, я его даже не причисляю к любимым – любить можно земные вещи: яблоко, море, коньяк, женщину. Моцарт просто живет во мне, это четвертое измерение.

ОГ: Наверное, вы не случайно взяли цитату из Моцарта, которую мы поставили эпиграфом к интервью.

³ Арнольд Франц Вальтер Шёнберг (1874–1951) – австрийский и американский композитор, педагог, музыковед, дирижер, публицист. Крупнейший представитель музыкального экспрессионизма, основоположник новой венской школы, автор таких техник, как додекафония (12-тоновая) и серийная техника.

⁴ Оливье Эжен Шарль Проспер Мессиа (1908–1992) – французский композитор, теоретик музыки, педагог.

⁵ Кшиштоф Пендеревский (1933–2020) – польский композитор, дирижер и педагог.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

ОИ: Верно. «Достичь небес – это нечто прекрасное и возвышенное, но и на любимой земле несравненно прекрасна жизнь! Поэтому оставьте нас быть людьми», – Вольфганг Амадей Моцарт. Да... Мы все люди несовершенные, которые совершают множество поступков – плохих, хороших, безобразных. Мы остаемся людьми. Моцарт мог исполнить нечто прекрасное, удивительное произведение, и тут же после исполнения мог совершить самые



*Художник Олег Иванов с писателем Ольгой Грушевской.
Выставка в библиотеке им. А. П. Платонова*

неприглядные, неестественные поступки. У каждого есть скелет в шкафу... Образ Моцарта совпадает с моим представлением о человеке. Знаете, иногда мне снится сон, что я играю на рояле. Просыпаюсь, смотрю на свои пальцы и удивляюсь: как я мог ими играть?

ОГ: А вы на чем-то играли, учились?

ОИ: Нет, не учился, но играл на мандолине – досталась от дедушки. Но это было чисто технически, у меня нет никакого слуха. Еще играл на аккордеоне, у нас был вельтмайстер⁶, и во дворе под мою игру даже танцевали.

ОГ: Олег Константинович, вы удивительно тонкий человек, прекрасный архитектор, ценитель музыки, могли быть журналистом... Но ведь, наверное, не каждый архитектор еще и художник.

ОИ: Конечно нет. По ученикам я заметил, что те, кто хорошо рисовал, становился плохим архитектором. Конечно, во время учебы так или иначе мы все рисовали. Архитекторами становились не все, мы знаем того же Андрея Вознесенского – он ушел в поэзию. Андрея Макаревича – тот ушел в музыку... Да, к слову, об архитекторах! Расскажу вам забавнейшую историю.

У нас был прекрасный карикатурист Миша Ушац⁷, его работы были и в газетах, и в журналах, он некоторое время работал в «Крокодиле». Однажды, еще во время учебы, чтобы занять себе место⁸ в аудитории, он написал прямо на столе «Ушац» и отошел. А на следующий

⁶ Weltmeister – известная немецкая фирма, которая изготавливает только качественные инструменты. Они изготавливают аккордеоны и баяны.

⁷ Михаил Лазаревич Ушац (1927–2012) – советский художник-график, карикатурист, художник театра, киносценарист.

⁸ В интернете гуляет история, что это было не место, а мольберт, но сам он вспоминал именно о столе. На самом деле шутка эта превратилась в мем и использовалась в ряде случаев: в мультфильме «Незнайка на Луне», в притомке «Это просто ушацъ какой-то!».

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

день его сокурсники в шутку подписали все места его фамилией «Ушаць» – с твердым знаком. Так и повелось: везде, где бы ни побывали бы студенты-архитекторы, оставалась надпись «Ушаць» – на стенах, книгах, столах, уличных лавках, столбах и фасадах, в аэропортах, горах, на кораблях, даже где-то в Париже – везде! Такая визитная карточка студентов МАрхХИ.

Но вернемся к нашей теме. Нет, я не считаю себя художником. Это просто сидит во мне профессионально потребность держать в руке что-то рисующее или пишущее. Это может быть ручка, карандаш, тушь, обгоревшая спичка.

ОГ: Вы отдаете предпочтение какому-то стилю? Первая ваша выставка была – живопись маслом, сейчас – графика, почти геометрическая.

ОИ: У меня есть самые простые карандашные рисунки, простые до натуралистичности, есть жесткая кисть, абстрактные, есть пейзажи. Это зуд малевать. Но в Москве я писать не могу – темно, пишу только на даче.

ОГ: А как приходит тема?

ОИ: По-разному, конечно. Если это живопись, то я думаю, что я хочу сказать. Но бывает, что я беру просто белый лист и создаются картины абстрактно, как лягут линии. Меня интересует процесс.

ОГ: Есть вещи, которые заставляют вас глубоко задумываться?

ОИ: Да. Вот время... Удивительная вещь. Как вы думаете, как, в какую сторону оно течет?

ОГ: Поступательно... Не знаю... Знаю только, что это совершенно не существующая единица, которую используют как инструмент, как измерение, оно имеет конкретные задачи. Время может раздвигаться и спрессовываться и так далее.

ОИ: Думаю, время течет из будущего. Вот, например, человек родился – состоялось событие, и оно ушло в прошлое; человек окончил школу – состоялось, ушло в прошлое...

ОГ: Интересно, логично, но тогда мы приходим к предопределенности и полному фатализму.

ОИ: Да. Скорее всего.

ОГ: И тогда, получается, мы не можем влиять на будущие события.

ОИ: Получается так.

КОРОТКИЕ ВОПРОСЫ



О. Иванов. Свеча горит



О. Иванов. Одиночество

ОГ: Ваш любимый цвет?

ОИ: Охра.

ОГ: Форма?

ОИ: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!»

ОГ: Напиток?

ОИ: Кофе! Безусловно. Я знаю в округе все кофейни, у меня тысячи знакомых там, где есть кофе.

ОГ: Чего не любите в быту?

ОИ: Терпеть не могу, до дрожи и чесотки, пить водку из пластиковых стаканчиков, органически не переношу.

ОГ: Мужчины и женщины – это разные существа, совсем-совсем?

ОИ: Да, конечно, и к женщинам я отношусь более уважительно.

ОГ: Что для вас ценно в людях?

ОИ: Доброта и естественность, дружеская верность.

ОГ: Чего вы не простите?

ОИ: Предательства. Можно расходиться во мнениях, взглядах, можно ссориться, но предательство – это самое страшное. Я с этим сталкивался.

ОГ: Существует ли любовь? Или это что-то придуманное, химия?

ОИ: Думаю, биологические потребности и особенности человека играют не последнюю роль. А иногда вмешивается и что-то иное. У моей жены, например, мне понравилась походка. Нелепая, смешная, не как у модели на каблуках, а что-то свое, особенное, – вот понравилась походка, и только потом я стал приглядываться к другим ее чертам.

ОГ: Любимые писатели?

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

ОИ: Аркадий Гайдар – «Голубая чашка», «Судьба барабанщика»; Рэй Бредбери – «Вино из одуванчиков», это моя любимая книга. А среди поэтов, наверное, Рубцов, Шпаликов, Заболоцкий.

ОГ: Я знаю, что в 2015 году у вас вышел сборник стихов под названием «Сжимаю время в кулаке», очень, кстати, символическая фраза. Прекрасные стихи у вас, очень пронзительные.

Жизнь неделима. Мир един.
И каждый день – бесценный дар,
И осени лесной пожар,
Июльский дождь, январский снег,
Собаки взгляд и человек.

Эти строки начинают вашу выставку. А когда вы начали писать стихи?

ОИ: В детстве. Прекрасно помню свое первое стихотворение, мне было... пять лет, наверное. Отец получил свою очередную зарплату, но освободился поздно и не успел ее забрать (*в кассе*). Мама спросила его, а он ответил, что опоздал. Вот я и сочинил.

Ну конечно, как всегда,
Папа опоздает,
Ну конечно, как всегда,
Деньги прозевает.

ОГ: Олег Константинович, мы обычно знакомим наших читателей с картинами художников, публикуя их работы на страницах нашего журнала. Этот номер украшен вашими выставочными графическими произведениями. На выставке многие обратили внимание на то, что ваши картины – загадки, почти в каждой скрыт особый дополнительный посыл. Так, отражение свечи в окне превращается в силуэт женщины, отражения куполов меняют форму и количество, деревья напоминают танцующих людей, одиночество передается крошечной фигуркой бродячего кота на пустынной вечерней улице. Хочется не просто смотреть на созданные вами сюжеты, а разглядывать и находить ответы на непроизвольно возникающую в голове вереницу вопросов и образов. Это такая игра со зрителем. Удивительная!

Я надеюсь на новую встречу с вами и в Галерее нашего Салона и на страницах журнала «Московский BAZAR», а закончить беседу позвольте словами из ваших же стихов, которые вынесены на выставке в качестве финальной точки на отдельный лист:

...И скромный огонек свечи,
Что я оставил у порога.
Что мне еще просить у Бога?
Бог дал мне жизнь и мой удел.
А жил я так, как я хотел!

Спасибо!

BazArt

Светлана Сударикова

(МОССАЛИТ, Москва)



ХРОНИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОТОРЕПОРТАЖАХ С. М. ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО

Фотография проникла почти во все области человеческого знания. Очень большой круг лиц применяет в настоящее время фотографирование не только ради удовольствия, но весьма часто с целями научными и художественными. Всем известно, насколько облегчила фотография многие прикладные знания. Ни одна более ли менее хорошо снаряженная экспедиция не обходится без фотографии. Почти у каждого путешественника есть с собой фотографическая камера (С. М. Прокудин-Горский).



С. М. Прокудин-Горский. Обед на покосе

На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от северо-западного входа, среди прочих могил русских эмигрантов есть одна довольно скромная. Под белым мраморным крестом покоится Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Его имя вы не найдете на информационном стенде с указанием размещения могил известных людей, хотя благодаря именно этому человеку сегодня мы можем увидеть дореволюционную Россию на цветных фотографиях. Глядя на его фотографии сложно представить, что они сделаны в начале XX века. Точность изображения, яркость красок, невероятная детальность поражают, впечатляют и вызывают восхищение. Они не просто не уступают современным фотографиям, а во многом даже превосходят их.



С. М. Прокудин-Горский. На покосе

Путешествуя по России, он фиксировал жизнь империи в мельчайших деталях, снимал монастыри, церкви, городские и сельские пейзажи. В объектив его фотоаппарата попадали не только люди дворянского сословия, но и крестьяне, помещики, заключенные, рабочие. Именно он сделал единственные цветные фотографии Льва Толстого незадолго до 80-летия великого писателя.



С. М. Прокудин-Горский. Крестьянские девушки

18 (30) августа 1863 года в имении Фуникова Гора в Покровском уезде Владимирской губернии родился Сергей Михайлович Прокудин-Горский, пионер цветной фотографии в России, фотограф, химик, обучавшийся у Дмитрия Менделеева, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель, член Императорского Русского географического, Императорского Русского технического и Русского фотографического обществ, последний хроникер Российской империи.

Свою задачу Прокудин-Горский видел в том, чтобы зафиксировать в цвете и передать красоту, многообразие и самобытность великой империи, поэтому называл свои снимки «родиноведением». «Цель моей работы – дать возможность наглядным обучением школе и народу ознакомиться со своим государством, – знать его промышленность, кустарную и в широком смысле, – народности и т. д. Понятно, знание своей родины – это первая задача каждого живущего в государстве человека», – говорил Сергей Михайлович.



С. М. Прокудин-Горский. Дагестанские типы

С 1903 по 1916 год Прокудин-Горский создал «Коллекцию достопримечательностей Российской империи», куда помимо снимков Российской империи вошли снимки Дании, Италии, Франции, Швейцарии и Австро-Венгрии. В этой коллекции запечатлена жизнь различных губерний, а также Туркменистана и Дагестана. В Средней Азии имя Прокудина-Горского хорошо известно, именно он сделал фотографию Сейида Мира Мухаммед Алимхана, эмира Бухарского, и оставил множество великолепных снимков Самарканда и Бухары.

По высочайшему повелению Николая II в 1909 году министр путей сообщения Российской империи Рухлов Сергей Васильевич выделил Прокудину-Горскому пульмановский вагон, оборудованный самой современной на тот момент лабораторией. Таким образом, Сергей Михайлович не только занимался фотосъемкой, но и выполнял поручения министерства – снимал плотины, шлюзы, мосты. Все материалы Прокудин-Горский лично показывал министру.



Всю жизнь Сергей Михайлович посвятил изучению и развитию фотографии в России. Особенно его интересовала цветная фотография. После обучения в фотомеханической школе в Шарлоттенбурге (Германия) у Адольфа Мите⁹ Прокудин-Горский в 1902 году создал свою модель камеры для цветной съемки и проектор для демонстрации цветных снимков на экране. Он не просто перенес в Россию технологию использования цветных

**С. М. Прокудин-Горский.
Неизвестная на веранде в Лугано**

⁹ Адольф Мите(1862–1927) – немецкий ученый, один из пионеров цветной фотографии.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

диапозитивов по методу трехцветной фотографии А. Мите, но и усовершенствовал значительно, а в 1905 году запатентовал собственный сенсibilизатор¹⁰, значительно превосходивший иностранные аналоги, в том числе сенсibilизатор Мите. Состав нового сенсibilизатора делал бромосеребряную пластину одинаково чувствительной ко всему цветовому спектру. Кроме того, Прокудин-Горский сократил время выдержки процесса фотографирования до 1–3 секунд вместо 15 секунд, именно поэтому люди на его фотографиях выглядят естественно – им не приходилось долго и напряженно позировать. Перед нами живые люди с их



С. М. Прокудин-Горский. Лугано

естественными эмоциями, выхваченные из потока времени.

Будучи гениальным фотографом, Сергей Михайлович лишь фиксировал эти эмоции, никоим образом не вмешиваясь в течение жизни. Летом 1916 года Сергей Михайлович совершил последнюю фотоэкспедицию, в объектив его камеры попали южный участок Мурманской железной дороги и Соловецкие острова.

Революция коренным образом изменила жизнь последнего хроникера исчезнувшей империи. В августе 1918 года Прокудин-Горский по поручению Наркомпроса отправился в командировку в Норвегию с целью закупки проекционного оборудования для низших школ, однако так и не вернулся, поскольку на родине началась гражданская война, царская семья была расстреляна, и перспективы заниматься любимым делом были весьма призрачны.

Вскоре за границу выехали и родственники фотографа. Почти все снимки фотографу каким-то мистическим образом удалось вывезти, как он говорил, «благодаря благополучному стечению обстоятельств». Это были 32 ящика, всего 1902 стеклянные пластины, занимавшие два товарных вагона. Впоследствии Прокудин-Горский сначала перебрался в Англию, а затем во Францию, где и прожил до конца жизни. В Ницце он занимался просветительской деятельностью и работал с братьями Люмьер.

Умер Сергей Михайлович Прокудин-Горский 27 сентября 1944 года.

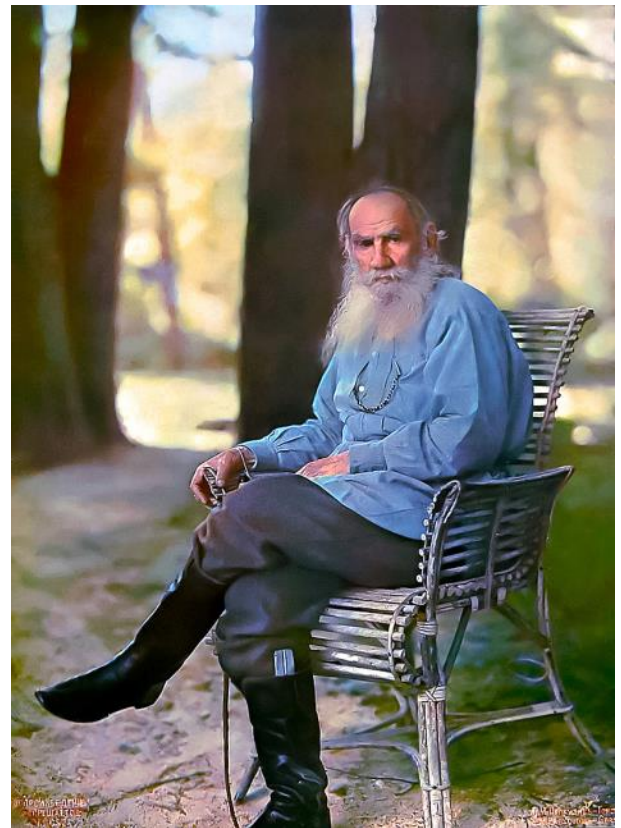
Коллекцию пластин Прокудина-Горского в 1948 году наследники фотографа продали представителю Рокфеллеровского фонда Маршалла за 5000 долларов. С этого момента пластины хранятся в библиотеке Конгресса США. В 2001 году снимки отсканировали и выложили в интернет для всеобщего доступа. И теперь каждый имеет возможность посмотреть, как выглядела когда-то великая империя...

¹⁰ Сенсibilизация, химическая сенсibilизация – повышение светочувствительности фотоматериала введением химических веществ в фотоэмульсию на этапе изготовления, или повышение светочувствительности готового фотоматериала.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

В 1908 году в августовском номере журнала «Записки Русского Технического Общества»¹¹ к 80-летию Льва Николаевича Толстого был опубликован большой цветной портрет великого писателя. К портрету прилагалась вступительная статья.

«В день 80-летия Гр. Льва Николаевича Толстого вся русская повременная печать приветствует великого писателя земли русской, посвящая ему статьи, воспоминания о нем, характеристику его литературной деятельности. Наш журнал, как чисто технический, не может по своей программе почтить специальными статьями маститого представителя русской мысли и слова; желая, однако, и со своей стороны присоединиться в этот день к общему торжественному привету и выразить в своем издании участие в праздновании, редакция «Записок РТО» решила поместить в августовском номере новейший портрет Графа Л. Н. Толстого, составляющий последнее слово



С. М. Прокудин-Горский. Лев Николаевич Толстой

фотографической техники, – портрет с натуры в натуральных красках, исполненный лишь техническими приемами, без всякого участия кисти и резца художника, портрет тем более соответствующий торжественному дню, что он составляет торжество русской техники: съемка портрета в красках с натуры стала возможною лишь благодаря усовершенствованиям, сделанным в России С. М. Прокудиным-Горским в отношении цветочувствительности и верности передачи красок».

Портрет поручили сделать Сергею Михайловичу Прокудину-Горскому, который был хорошо известен РТО, поскольку являлся председателем Фотографического отдела общества. Сам Прокудин-Горский в жанре портрета работал не так много, однако относился к этому очень серьезно. Описывая в своем журнале «Фотограф-любитель»¹² работы мастеров портретной фотографии, Сергей Михайлович отмечал: фотографы «стремятся передать человеческое лицо и фигуру в положении, возможно близком к его обычному, естественному положению при “обычном” нормальном освещении, невзирая на то, будут ли выработаны все детали в глубоких тенях. Можно было позабыть, что видишь перед собой “фотографию” – видишь

¹¹ Журнал Русского технического общества; основан в 1866 году, издавался с 1867 по 1917 год в Петербурге (Петрограде). Публиковал статьи технического содержания, обзоры технических изобретений и усовершенствований по литературным источникам, описания всех привилегий, выдаваемых в России на изобретения (русские и иностранные), с объяснительными чертежами. «Записки» издавались также многочисленными отделениями РТО в Москве, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Тбилиси, Баку, Грозном и др. городах и назывались иногда «Трудами». Бакинское отделение РТО вместо «Записок» в 1800–1866 гг. издавало газету «Бакинские известия».

¹² Журнал, издаваемый С. М. Прокудиным-Горским с 1890 года.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

самого человека, чувствуешь его. Портретная фотография в данном случае может быть сравнима с такой же живописью».

23 марта 1908 году Прокудин-Горский пишет в Ясную поляну письмо:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич,

Недавно мне пришлось проявлять цветную фотографическую пластинку, на которой кто-то вас снял (фамилию забыл). Результат получился весьма плохой, ибо, видимо, снимавший плохо знаком с делом. Фотография в натуральных цветах моя специальность и возможно, что вам случайно попала моя фамилия в печати. В настоящее время мне удалось, после многих лет работы, достичь превосходной передачи изображений в истинных цветах. Мои цветные проекции известны как в Европе, так и в России.

Теперь, когда процесс фотографирования по моему способу и на моих пластинках требует от 1 до 3-х секунд, я позволю себе просить Вас разрешить мне приехать на один или два дня (имея в виду состояние Вашего здоровья и погоду), дабы сделать несколько снимков Вас и Вашей Супруги. Передача всех малейших оттенков получается совершенно правильная. Мне думается, что, воспроизведя Вас в истинных цветах в окружающей обстановке, я окажу услугу всему миру.

Эти изображения вечны – не изменяются. Достичь таких результатов никакая передача красками не может.

Если Вы, Лев Николаевич, пожелали оказать эту услугу не только мне, но и бесчисленному количеству ваших почитателей, то разрешите мне приехать до 2 апреля, ибо 5 апреля я должен уехать на химический съезд в Лондоне. Если это невозможно, то позвольте приехать в первой половине июня.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАПИСКИ“

„ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

1906. (СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ) 1906.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Дятловское Общество. Журнал Общества Сибиряков Общества в земской Съезде Общества и его Отделовъ: I-го—Химическаго, II-го—Металлическаго, III-го—Строительнаго, IV-го—Военнаго и Морскаго, V-го—Фотографическаго, VI-го—Электротехническаго, VII-го—Воздухоплавателя, VIII-го—Железнодорожнаго, IX-го—По Техническому образованию. Журналы земской и городской Обществъ, издаваемыхъ въ Россіи. Говоря о пути и деятельности Общества и его отрасляхъ Отделовъ. Труды Общества: Доклады, читанные въ заседанияхъ Общества, и работы его членовъ. Техническаго литературнаго. Статьи и заметки по различнымъ отраслямъ техники. Библиографія. Промышленности, разносторонности, итѣнныя отношенія къ технике и технической промышленности. Ученныя труды, изданныя Отделомъ Промышленности Императорскаго Техническаго Общества, для работы, справки, разсужденія по по поводу изобретѣнъ, а въ случаяхъ — по представлѣнныя изобретѣнъ.

Изъ вышедшей программы видно, что главный ацкъ журнала — служить органомъ деятельности И. П. Т. О. и трудомъ его членовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкой за границу.
На год	12 руб.	16 руб.
На полгода	7 „	9 „

Подписка принимается въ Россіи: С. Петербургъ, Пастырьевскій, № 2, и у издательства Г. Г. Шенорова въ Петербургѣ обратитесь преимущественно въ Россію.

„Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества“ за прошлыя годы можно приобрести въ Россіи. Съ 1867 по 1883 г. по 4 р., а за послѣдшше годы по 8 р., за годъ; за отдельный выпускъ 1 р. 50 к. За текущій и предстоящій ему годы по 12 р. за годъ и по 2 р. за выпускъ. За 30 лѣтъ (1867, 1880—83 и 1880—1903) цѣна въ среднемъ опредѣлена въ 100 руб. съ доставкой и пересылкой, а для школьных, общественныхъ и частныхъ библиотекъ 40 р. За годы 1868 и 1884—1889 „Записки“ все разошлись.

Редакторъ А. Н. Сигуновъ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

Полное изданіе трудовъ съезда для выработки мѣропріятій къ возможно широкому распространѣнію желѣза въ Россіи во всѣхъ его провинціяхъ.

Изданіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, въ шести томахъ, 1904—1905 гг.

Отдѣленіе I. Строительное (гражданскія сооруженія и сельскія постройки). — Отдѣленіе II. Судостроеніе и паротехническаа сооруженія. — Отдѣленіе III. Железныя дороги, шоссе, мосты и средства передвиженія по нимъ. — Отдѣленіе IV. Машиностроеніе, электротехника и протнпожарныя средства. — Отдѣленіе V. Научно-техническое, профессиональное, экономическое и законодательное. — VI. Общая часть (туть-же помѣщено оглавленіе всѣхъ томовъ).

Цѣна за всѣ 6 томовъ, безъ пересылки, 3 рубля (всѣхъ всѣхъ 6 томовъ 18 фн.).

ФОТОГРАФИЮБИТЕЛЬ № 9

ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ АВГУСТА 1908 ГОДА ПОСТУПАЕТЪ ВЪ ПРОДѢКУ БОЛЬШОЙ РОСКОШНО ИЗДАННЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ „СОЛНЦЕ“

Портретъ Л. Н. ТОЛСТОГО

снимокъ въ „Солнцѣ“ 23 Мая с. г. истинными способами на цветной фотографии С. М. Прокудина-Горскаго. Портреты многи, сдѣланныя впервые въ Россіи съ цѣлью къ краскамъ при помощи цветной фотографии и выведенной на особый пазуръ, даятъ полное представление о Л. Н. ТОЛСТОМЪ, съ тонкой и соответствующей действительности передачей цвѣтовъ и тоновъ.

Форматъ портрета вмѣстѣ съ паспорту 34x30 см., форматъ рисунка 26x36 см.

Цѣна портрета 2 р. съ пересылки 2 р. 25 к.

Давать могутъ быть высланы марши. При выкупѣ отъ 10—25 экземпляровъ скидка 10%, отъ 25—50 экземпляровъ—20%, отъ 50—100 экземпляровъ—25%, 100 и выше—30%. Продажа и выкупъ исключительно черезъ издательство „СОЛНЦЕ“ Сиб. М. Московска, 2.

СКЛАДНАЯ КАМЕРА ГЕРЦЪ-АНШЮЦЪ-АНГО

ДЛЯ ВСѢХЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ЦѢЛЕЙ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ

для фотографированія профессиональн. и фотографами-любителями.

Новая модель. Регулируемый съпускъ, при выкупѣ не открывающійся, иллекторный затворъ, допускающій съемку съ выдержкой и моментальной (1/100 секунды).

Объективъ: Двойной Ахроматич. Герцъ-Аншюцъ-Анго. „Везеръ“. „Сигора“ или „Патара“.

Одной изъ главныхъ задачъ объективовъ новою работами при помощи своей протнвки къ камерѣ, при отключеніи линзификаціи объектива, съ двойнымъ приближеніемъ, фокуснымъ расстояніемъ. Камеры можно приближать къ предмету и съ теле-объективомъ для фотографированія на большихъ расстояніяхъ.

КАТАЛОГИ фотографическихъ принадлежностей и приспособленій библиотекъ высылаются безплатно.

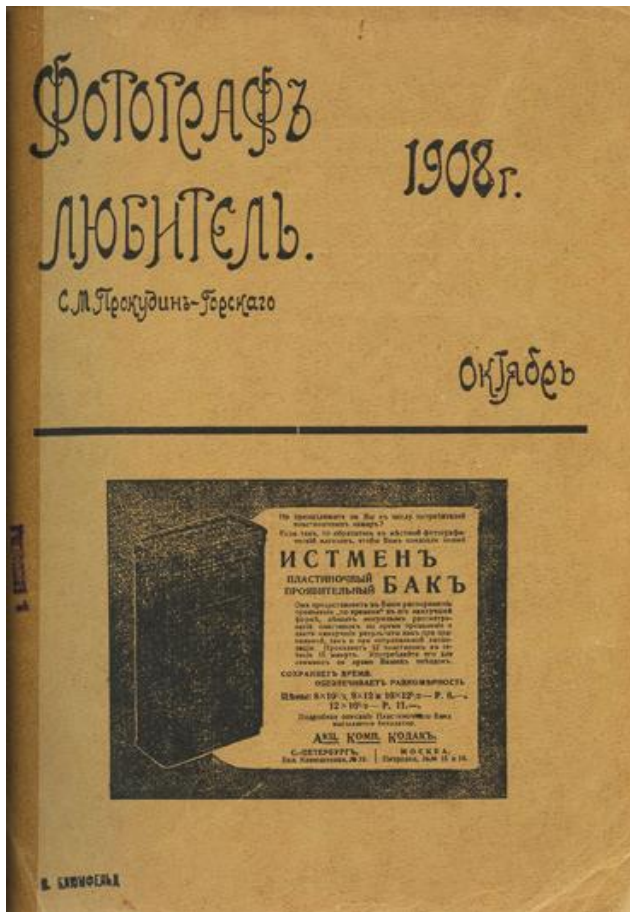
ОПТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА **К. П. ГЕРЦЪ** АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

BERLIN-FRIEDENAU 34.

ЛОНДОНЪ. ПАРИЖЪ. НЬЮ-ЙОРКЪ. ЧИКАГО.

1—6 Holborn Circus E. C. 22, W. Union Square. New York Bldg.

35 ил 40



Как я уже упомянул, для фотографирования мне нужно 1-3 секунды и потому это не будет вам утомительно.

*С глубоким уважением
С. Прокудин-Горский».*

Секретарь Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкий так описывает реакцию писателя на письмо фотографа: «Советовались, что ему ответить, Лев Николаевич: “Отмолчаться. Мне нежелательно фотографирование, но Софье Андреевне будет желательно”. Лев Николаевич не решил, а сказал: “К вечеру выхожу весь, сколько бы часов ни было. А утром на все смотрю совершенно иначе”. На следующее утро в 7 часов Лев Николаевич пришел и продиктовал свое согласие».

Получив одобрение, Сергей Михайлович приезжает в Ясную Поляну во второй половине мая, где он проведет три дня. Знаменитая фотография была сделана 23 мая 1908 года и позднее появилась на страницах журнала «Записки Русского Технического Общества», а также в издаваемом Прокудиным-Горским

фотографическом журнале «Фотограф-любитель». Горский так вспоминал работу в Ясной Поляне: *«Несмотря на некоторые неблагоприятные условия фотографирования, вследствие проходившего в мае месяце циклона, который принуждал в значительной мере увеличить время экспозиции, я тем не менее мог ограничиться экспозицией всего в 6 секунд, включая сюда и время, потребное для передвижения очень большой кассеты. Съемка была сделана один раз, и кассета была доставлена мною на руках в Москву, где только возможно вынуть из нее пластины для упаковки их. Проявление пластин произведено в Петербурге.*

Эта крайне трудная работа могла быть выполнена с такой короткой экспозицией исключительно благодаря чрезвычайной чувствительности моих пластин к спектральным лучам и правильной их передаче, что поймет каждый, знакомый с техникой цветных воспроизведений.

Мысль снять в большом размере портрет Гр. Л. Н. Толстого пришла мне в голову совершенно случайно, и работа эта выполнена мною скорее по настоянию моих друзей, чем по моей личной инициативе.

Дело в том, что я давно уже собирался просить разрешения Гр. Л. Н. Толстого снять его портрет для демонстрирования на моих цветных проекциях и с просьбой обратился вначале мая месяца письменно к Гр. Л. Н. Толстому. На мое письмо я получил любезное согласие Льва Николаевича.

Перед самым отъездом многие из близких мне лиц, узнав, что я еду с маленькой камерой, уговорили меня взять что-либо более солидное по размерам, дабы впоследствии можно было изготовить портрет в большом масштабе и отпечатать его для общего пользования.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Несмотря на большую громоздкость прибора и большие технические трудности, я решил сделать этот опыт и в середине мая отправился в Ясную Поляну. Лев Николаевич был весьма ко мне любезен, и, несмотря на крайне малое свободное время, провел в разговоре со мною несколько часов за трехдневное мое пребывание в Ясной Поляне. Особенно живо интересовался Лев Николаевич всеми новейшими открытиями в различных научных областях, а равно и вопросом передачи изображения в истинных цветах.

Сравнительная слабость здоровья с одной стороны и преклонный возраст, в совокупности с постоянной работой и различными посещениями Льва Николаевича, не позволили мне сделать какой-либо предварительный опыт съемки, и потому пришлось возложить надежду главным образом на свой многолетний опыт и чувствительность пластин.

Вследствие крайне невыгодного положения местности для фотографирования, оно было сделано в саду, в тени, падающей от дома, причем задний план был ярко освещен солнцем. Фотографирование произведено в пять с половиною часов вечера, тотчас после верховой прогулки Льва Николаевича.

Супруга Льва Николаевича, Софья Андреевна, принимала со своей стороны все меры, дабы способствовать успеху этой работы, за что приношу ей искреннее спасибо.

В печати портрет воспроизведен без всяких поправок и прикрас, чтобы сохранить всю ценность подлинного воспроизведения».

Работа с Толстым произвела на Прокудина-Горского сильное впечатление. Вот как описывал он внешность Л. Н. Толстого:

«Лицо очень добродушное – лицо хорошего русского крестьянина средней полосы. Словом, внешность не представляла чего-либо поражающего, пока вы близко не видели глаз Толстого. Вот тут только сразу чувствовалось нечто необычное, становилось ясно, что перед вами не обыкновенный человек. Глаза Толстого сине-голубые, глубоко сидящие, вдумчивые, тотчас же изучающие вас и, как глаза великого психолога, сейчас же вносящие вас к той или иной категории людей».

27 мая 1908 года Сергей Михайлович пишет в Ясную Поляну письмо, из которого видно, насколько теплые отношения установились между фотографом и великим писателем:

«Глубокоуважаемый и дорогой Лев Николаевич, только сегодня вернулся я домой, ибо задержался в Москве у Н. С. Бакуниной. С величайшим удовольствием вспоминаю два дня, проведенные в Ясной Поляне. Большое Вам спасибо – все у Вас такие хорошие. Последний портрет, снятый в красках (большой камерой), вышел превосходно, и я приложу все усилия, чтобы возможно скоро послать Вам копию.

Сегодня я послал Вам издаваемый мною фотографический журнал, и хотя Вам нет времени поинтересоваться им, но мне приятно, что он будет в Вашем доме, а кроме того, там есть много картинок, исполненных в моих мастерских с моих негативов. Не все удачны, но есть недурные.

Мне очень приятно показать Вам мои работы, ибо я уверен, что Вы порадуетесь моим успехам.

Десять лет, помимо чистой научной области по фотохимии, я трудился над постановкой цветного дела в России. До сих пор все делалось исключительно за границей, а теперь и мы пошли вперед. Было трудно особенно потому, что я единственный русский, работающий в этой области, и все меры принимались, чтобы задушить меня, но не вышло.

Через недельку или полторы пришлю Вам кое-что в красках, снятое в Ясной Поляне.

Простите, что много наболтал и отнял Ваше время. По временам закрываю глаза и вижу, что происходит в Ясной Поляне.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Вероятно, в конце июня мне придется ехать по делу мимо Тулы, и тогда буду просить Вашего разрешения хотя бы на несколько часов заехать в Ваш дом.

От всего сердца желаю Вам здоровья и всего самого лучшего.

Глубоко уважающий Вас

С. Прокудин-Горский».

К сожалению, снимков этой, как бы сейчас сказали фотосессии, не сохранилось. Их нет ни в архивах Государственного музея Л. Н. Толстого, ни в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Хамовниках, ни в Ясной Поляне. Куда они пропали, неизвестно. Но знаменитый цветной портрет великого русского писателя, единственный в своем роде, сохранился благодаря публикациям и стал достоянием мировой культуры. Впоследствии портрет неоднократно издавался значительными тиражами в трех различных форматах в виде настенных картин и открыток, вскоре открытки стало выпускать и находящееся в Москве стереоскопическое издательство «Свет». Эти открытки до сих пор можно найти в лавках букинистов.



С. М. Прокудин-Горский. Сирень

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

КАЧЕЛИ ВРЕМЕНИ



Нам не приходится выбирать время, в котором жить. Времена не выбирают – они раздаются в каком-то строгом, неведомом нам порядке. Находясь здесь и сейчас, мы, возможно, жалеем, что не родились, например, в конце просвещенного девятнадцатого века или же не успеваем насладиться технологическими чудесами двадцать второго столетия. Нет смысла печалиться о невозможном, хотя соблазн, конечно, велик.

Все относительно: то, что одному поколению кажется ужасным ужасом, для другого – райское блаженство; то, что в одни времена было ценным, в другие обесценивается. Любопытно, что на таких оценочных качелях в истории человечества раскачивается буквально все: мораль, этика, эстетика и даже гастрономия.

Возведение на пьедестал, как, впрочем, и свержение с него, – процесс длительный и трудоемкий, требующий разнообразных ресурсов. Многие советские люди, не избалованные гастрономическим разнообразием во второй половине двадцатого века, знали о существовании и даже догадывались о вкусе черной икры. Это был деликатес, изредка появлявшийся в меню среднестатистического гражданина – по большим праздникам или в качестве лекарства для восстановления после тяжелой болезни. Конечно, существовала в те времена отдельная категория людей – партийные и номенклатурные работники, которым этот праздник живота был доступен на ежедневной основе, но что говорить: что положено Юпитеру, то не положено быку.

Советский кинематограф не смог пройти мимо «икорного вопроса». Не зря ведь в беседе с А. В. Луначарским вождь мирового пролетариата В. И. Ленин подчеркивал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», хотя он вряд ли предполагал, что отдельные эпизоды будущих фильмов будут смотреться как акты гражданского протеста.

Фигу в кармане припрятали два отличных режиссера – Владимир Мотыль и Леонид Гайдай. Исторические декорации на съемках отдельных эпизодов фильмов официально оправдывали гротескную картинку – огромные по размеру блюда, заполненные до краев черной икрой. Эти кадры встречались понимающим хохотом зрительской аудитории. Цитаты из фильмов до сих пор в ходу. В фильме Мотыля «Белое солнце пустыни» таможенник Павел Верещагин укоряет жену: «Опять ты мне эту икру поставила! Не могу я ее каждый день, проклятую, есть. Хоть бы хлеба достала». У Гайдая в картине «Иван Васильевич меняет профессию» герой Савелия Крамарова безразлично перечисляет стоящие на царском столе блюда: «Икра красная, икра черная...» И только на крохотной порции неопределенной бежевой массы оживленно сглатывает слюну: «Да! Заморская икра... баклажанная!» С учетом того что на полках магазинов в то время стояли только банки с баклажанной и кабачковой икрой, зрители принимали этот эпизод на ура.

Но вот прошло полвека, и икра перестала быть дефицитом. Были бы деньги – и можно ни в чем себе не отказывать. Даже в скромном продовольственном магазине под окнами дома

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

всегда найдется место для холодильного шкафчика с банками икры: в нем с десятков разных производителей красно-икорной продукции пытаются бороться за внимание покупателя. Черная икра скромно представлена парой баночек – маленькой и еще меньше – с ценниками противоположного характера: большой и еще больше. Но интрига ушла. Больше никаких кинематографических откровений не ожидается.

Еще один связанный с морем продукт удивляет историей своих взлетов и падений. Мода на устриц в России распространилась не так уж давно – настоящие знатоки и ценители появились после того, как наши соотечественники распробовали устриц в заграничных ресторанах. Всего пару десятилетий назад этот съедобный моллюск считался атрибутом роскошной жизни, доступной только тем, для кого, например, Париж – это не призрачный город-мечта, а домашний адрес. Так, ничего особенного: скромный особнячок в квартале Маре. И нельзя было не поверить великому Хэму, так доверительно поделившемуся с тобой: «Я ел устрицы, сильно отдававшие морем, холодное белое вино смывало легкий металлический привкус, и тогда оставался только вкус моря и ощущение сочной массы во рту; и глотал холодный сок из каждой раковины, запивая его терпким вином, и у меня исчезло это ощущение опустошенности, и я почувствовал себя счастливым и начал строить планы» (из романа «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя).

Устрицы – символ изысканной жизни, их поедание связано со строгими правилами и ритуалами. Этаким гастрономический шик. Но всегда ли так было? Что нам делать с диалогом из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса:

– Очень замечательное обстоятельство, сэра, – сказал Сэм, – что бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку.

– Я вас не понимаю, Сэм, – отозвался мистер Пиквик.

– Вот что я хочу сказать, сэра, – пояснил Сэм, – чем беднее место, тем больше спрос на устриц. Посмотрите, сэра, здесь на каждые пять-шесть домов приходится лоток с устрицами. Улица завалена ими. Провалиться мне на месте, но мне кажется, когда человек очень беден, он выбегает из дому и в регулярном отчаянии поедает устрицы.

До середины девятнадцатого века устрицы были очень дешевой едой. В XVIII–XIX веках в Англии дюжина устриц стоила вдвое меньше буханки хлеба. Беднякам устрицы заменяли мясо. Купленные с лотков уличных торговцев устрицы уносили домой или же лакомились ими, не отходя от прилавка. Их заедали хлебом, который сдабривали растительным маслом, но вот только за хлеб приходилось платить дополнительно. Зато перец и уксус предлагали бесплатно. В Лондоне, например, улицы бедных кварталов были завалены раковинами от съеденных устриц. Башмаки прохожих и колеса телег крошили хрупкие домики морских обитателей, постепенно превращая их в пыль.

К середине девятнадцатого века популяции устриц резко сократились из-за того, что устриц ели в огромных количествах, поэтому цена на них начала расти. К XX веку устрицы стали дорогим деликатесом. Конечно, здесь речь идет об устрицах из естественной морской популяции. Современные индустриальные фермы по разведению устриц – это уже совсем другая история.

Все относительно в этом мире. Вспомним слова великого русского писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина: «...не все вкусы одинаковы, а следовательно, трудно угадать, кому... нравится арбуз, а кому – свиной хрящик».

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Александр Сикорский
(Москва)

Специально для МВ



СКАЗОЧНЫЙ СВЕТ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО, или ДВА РУКОПОЖАТИЯ...

Интервью с Александром Сикорским – филологом, переводчиком, музыкантом

ЧАСТЬ 2¹³

Если хочешь что-то делать, то нужно это делать хорошо



Что ж, продолжаем разговор. В интернете можно найти много информации об Александре Вадимовиче (Алике) Сикорском, о прекрасном талантливом музыканте, джазмене, который стоял у истоков российского рока. Неслучайно Сикорского называют легендой – это закономерно, если учитывать ту творческую атмосферу, которая царила в семье и в которой Александр рос. Случается, и достаточно часто, что на потомках природа отдыхает. Здесь же все наоборот: с уверенностью можно сказать, что многие таланты семьи объединились и усилились в нашем замечательном госте, общение с которым – один большой праздник!

Беседу ведет писатель Ольга Грушевская

Ольга Грушевская (ОГ): С огромным удовольствием и особым щемящим чувством ностальгии вспоминает Андрей Макаревич о своей первой встрече с Александром, когда группа «Атланты» в 1969 году приехала на новогодний вечер для старшеклассников. Александр, а вы помните эту первую встречу?

...«Атланты» одеты в черные битловские костюмы, у них органоло «Юность», гитара «Фрамус» с четырьмя звукоснимателями (лучше, чем у битлов! – в ужасе думаю я). И только барабанщик, певец и руководитель Алик Сикорский одет не по форме – он в драных вельветовых портках и ковбойке. Он шикарно проходит через зал, садится за барабаны, дает отсчет, и... Пожалуй, вот этого божественного экстаза, этого животного восторга я уже больше никогда не испытывал...

...В антракте мы набрались смелости и попросили «Атлантов» дать нам сыграть пару песенок на их волшебных гитарах. ...Сикорский поинтересовался, кто у нас на чем. Узнав, что у нас нет бас-гитары, он страшно удивился, и сказал: «Без баса,

¹³ Часть 1 – см. «Московский BAZAR», выпуск 5 (35) 2020 г.

ребята, у вас ничего не выйдет. Ну ладно, повернись ко мне грифом, я подыграю». Я согнулся под тяжестью «Фрамуса».

Сам Сикорский подыгрывал мне на бас-гитаре! Мои неверные аккорды у меня за спиной превращались в мощный, бриллиантовый, невообразимый звук...

...Думаю, что мы играли ужасно. Одноклассники смотрели на нас сочувственно. Но жизненный выбор был сделан. Сейчас я часто думаю, насколько наша судьба зависит от каких-то, в общем, мелочей. Алик ведь мог и не дать нам сыграть...»

Андрей Макаревич. Все очень просто. М., 1994

Александр Вадимович Сикорский (АВС): Это была единственная школа, в которой был свой музыкальный коллектив, по крайней мере, выразивший желание что-то сыграть в перерыве. К тому же хорошие инструменты были редкостью в нашей музыкальной среде, и передавать свой, а тем более не свой – а гитары принадлежали Ване Лактионову – инструмент кому-либо было не принято. Но представитель их ансамбля, Андрюша, был так вежлив, а в коллективе были девушки, поющие юные леди – моя слабость. А главное, они хотели исполнить песни в стиле кантри, которые я, разумеется, знал. Да и поиграть на басу хотелось. В общем, мне было интересно. Мы старше-то всего на два года. Хотя в юности эта разница кажется большой.

...Ваня Лактионов был сыном известного академика живописи Александра Ивановича Лактионова, жил он на Маяковке в доме, где находится метро. У Вани была своя просторная комната.

Семья была большая, мы долгое время даже не знали, кто конкретно живет в этой громадной квартире и сколько их. А поскольку отец был вторым мужем Ваниной матери-цыганки, вместе жили и ее дети, и их общие дети...

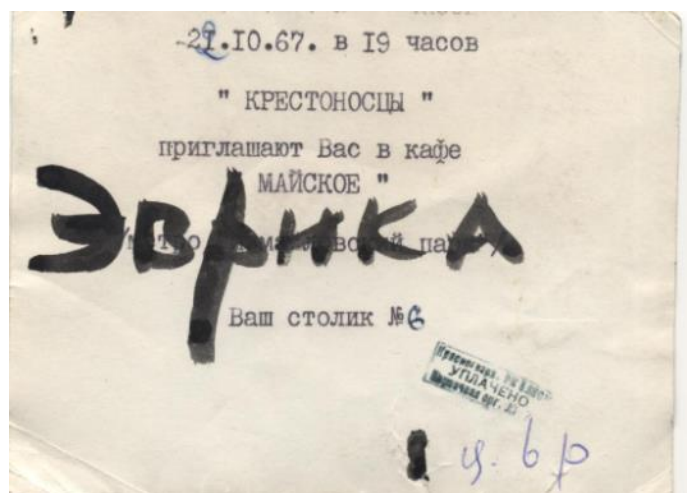
Старшая сестра Вани жила в Швейцарии, и вот от этой заграничной сестры Ваня получил великолепную гитару «Фрамус» и бас-гитару «Хоффнер» (в Москве тогда больше ни у кого не было таких гитар), плюс настоящий усилитель, что тоже было немаловажно, поскольку здесь почти все было самодельное, на базе «кинапов». Имелась еще магазинная ритм-гитара «Музима». Так что гитарами Ваня был упакован. И вот таким образом в районе Патриарших появилась наша команда.

Ваня Лактионов и Сережа Извольский занимались у Иванова-Крамского, который был приятелем Лактионова-старшего. В общем, наступило время, когда музыка начала в мире играть ту же роль, что раньше играла поэзия в России. И мы тоже влились в общий ряд популяризаторов новой музыкальной волны.

Из воспоминаний Алика Сикорского



Наши первые билеты, 1967 г. «Крестоносцы» приглашают на свой концерт в кафе «Майское»



Москва тогда была маленькой и уютной, ничего общего с тем мало понятным человекиком, забитым автомобилями и существами, плохо понимающими, где они находятся. Например, я неоднократно пробовал спрашивать (просто так, для подтверждения своей догадки) прохожих, как пройти на улицу (и называл ту, по которой они шли), и только один раз, в районе Елоховской церкви, женщина с явными признаками настоящей москвички дала обстоятельный и, естественно, правильный ответ. Остальные либо мотали головой, либо пожимали плечами, или просто буркали «не знаю», не поднимая глаз. Жена интересовалась: «Зачем ты это делаешь?» (я просил ее спрашивать в открытое окно, когда мы ехали в автомобиле, и ей это не нравилось), а я всегда отвечаю: «В этом городе нет москвичей». Я до сих пор почти не пользуюсь навигатором.

Из беседы с Аликом Сикорским

ОГ: Вы знаете английский, об этом мы говорили в нашем первом интервью. А музыкальная грамотность – это ведь тоже занятия с профессионалами и музыкальная школа?

АВС: Просто для информации: тогда я учился в 20-й школе с преподаванием ряда предметов на английском языке. Продолжил обучение в инязе на Кропоткинской на факультете испанского языка, второй язык был французский. Работал же я переводчиком португальского языка, считавшегося редким.

Параллельно со средней школой я проучился семь или восемь лет в музыкальной школе на Арбате, в Плотниковом переулке. По классу фортепьяно. Способности к игре на пианино у меня очень средние, приходилось ездить для дополнительных занятий домой к Нине Гавриловне, моей преподавательнице по фортепьяно... До сих пор помню эту добрейшую, несмотря на строгость, даму,

худую как скелет, со смуглой кожей, курящую папиросы, с низким прокуренным голосом. Помню ее квартиру в доме напротив планетария, на внутренней стороне Садового кольца, со старинными креслами; одно кресло стояло в прихожей. В этой же школе учился мой до сих пор близкий друг Боря Белау. Вот он – одаренный человек, музыкант прирожденный. В музыкальном мире, огромном, как ни странно, нечего делать человеку, не имеющему очевидных для специалиста качеств, называемых способностями. Я об этом упоминаю именно потому, что здесь это наиболее очевидно. С возрастом также понимаешь, что нельзя «сделать» голос хриплым, а тембр – красивым. Он или есть, или нет. Есть громкие примеры: Луис Армстронг, Джо Кокер, Леонард Коэн, Рэй Чарлз, Адриано Челентано, Элвис Пресли, Том Джонс, Фредди Меркьюри, Майкл Макдоналд, Майкл Болтон и так далее.



*«Крестоносцы»
на концерте
в художественной
школе.
Алик Сикорский
за барабанами*



*В Московском бит-клубе
(кафе «Молодежное» в Москве на ул. Горького, ныне ул. Тверская):
Алик Сикорский за барабанами (левое фото), у микрофона (правое фото).
Фотографии для шведского журнала*

ОГ: Я так понимаю, что в те времена молодые музыканты – группы – свои первые шаги делали в школах, клубах. У вас началось все с группы «Крестоносцы», и было всем участникам по пятнадцать лет, верно?

АВС: На углу Малой Бронной и Садового находился небольшой клуб. Названия не помню. Сейчас эта история мне кажется невероятной именно потому, что можно было вот так просто, с улицы, что называется, прийти и репетировать в просторном помещении, там же хранить аппаратуру, да еще использовать какую-то, пусть и плохонькую советскую, клубную.

Я тогда занимался боксом в секции – в похожем помещении на Никитских воротах, в переулке справа от известной церкви. Удивительно, но мне выдавали перчатки, как и всем, кто ходил заниматься. Инвентарь был, и ринг был. И как-то это казалось само собой разумеющимся. И тренировал нас чудный дядька. И без всяких родителей, все сами, вот так. Но сейчас не об этом.

Из беседы с Аликом Сикорским

Так вот, я каждый божий день ходил в школу мимо этого клуба, на другой стороне от которого, в начале Малой Бронной, находилась булочная, куда мы заходили на обратном пути из школы, чтобы полакомиться чудесной свежайшей калорийной булочкой с изюмом за десять копеек. Стояли у двери булочной и болтали с набитым ртом. Вот тогда я и заметил этот клуб. Там уже репетировала одна группа с названием «Русь». Не помню, что именно они играли, но, судя по названию, что-то на русском. Позже мы даже выступали в одни и те же вечера в одних и тех же местах. С двумя названиями на афишке.

Вот тогда мы и решили стать в шутку «Крестоносцами», хотя две песни на русском у нас уже к тому времени были – «В этом мире ты одна» и «Осень мчится» Вани Лактионова. Но мы



В отцовской рубашке и галстуке. Александр Сикорский за барабанами, 1967 г.

недолго так назывались по вполне понятным причинам. Быстро выросли, группа ведь дело серьезное.

ОГ: Вы рассказывали, что свой первый барабан «Премьер» за сто шестьдесят рублей купили на собственные деньги, когда работали курьером в «Литгазете». И это все в шестнадцать лет! И как раз песня «В этом мире ты одна» исполнялась на этом барабане и прекрасно звучала.

АВС: А играл я в отцовской белой рубашке с галстуком.

ОГ: А затем «Крестоносцы» повзрослели и стали «Атлантами», я так понимаю. Откуда такое пафосное название?

АВС: Я тогда, как, впрочем, и сейчас, росту был среднего, а Ваня Лактионов, Изволя (Сергей Извольский) и Костя Никольский были под два метра. Вот такие три орла впереди стояли, а я сидел за барабанами. Потом уже Боря Белау стал играть на клавишах – он тоже невысокий. Запомнился один концерт «Атлантов» в школе № 711, что на Кутузовском, где обвалился потолок, когда мы начали играть «I'm Not Your Stepping Stone» группы Monkeys. Причем нас предупредили: быстрых не играть! Эта песня не была быстрой, но очень мощной и заводной. Шейк, одни словом. Мы начали. И у них обвалился химический кабинет. Концерт остановили, мы вышли на улицу, а там – толпа людей. Просто громадная! Перед школой все запружено! Крики, визги! Передали нам две семиструнки, перестроенные на шестиструнки, и мы с высоких ступеней этой школы запели «Барбару Энн». Beach Boys знали, что нужно, чтобы завести публику. Народ стал танцевать, просто вакханалия началась, и нам сказали: «Скажите всем, чтобы расходились. Вызвали милицию, и будет плохо». Мы сказали, но тут в воздух полетели наши фотографии. Их где-то взял мой дачный приятель Леша Кеменов, журналист, и попросил на



Концерт в школе № 711. На переднем плане Алик Сикорский, далее Сережа Извольский и Костя Никольский (с маракасами). Руки на клавишах – Бори Белая

них расписаться, что мы и сделали. И эти фотки он бросил в толпу, и там началась страшная давка, как в фильме «Blow Up» Антониони.

ОГ: Я знаю, что достаточно долгое время вы вместе играли с Константином Никольским¹⁴,



Слева направо: Алик Сикорский, Костя Никольский и Володя Окольздаев с саксофоном. Столовая МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы. 1971 г.

¹⁴ Константин Николаевич Никольский (1951) – российский рок-музыкант, певец, гитарист, автор песен. Известен как сольной карьерой, так и участием в ансамблях «Атланты», «Осколки Сикорского», «Счастливое семейство», «Цветы», «Группа Стаса Намина», «Фестиваль», «Воскресение», «Зеркало мира». Никольского называют «голосом поколения».



Концерт «Старой гвардии» в «Ритм-блюз кафе», Москва.

Левое фото: Валера Гелюта, Алексей Шачнев.

Правое фото: Алик Сикорский, Костя Никольский, Кристина Сикорская (дочь). 1990-е гг.

вашим ритм-гитаристом. Да вы и сейчас тепло дружите, я бывала на ваших потрясающих совместных выступлениях. А как вы встретились с Константином?

АВС: С Костей Никольским мы познакомились в 67-м на вечеринке у соседки Саши Зелинского, к которому я приехал в гости, в писательском доме на Университетском проспекте у кинотеатра «Прогресс». Я играл на пианино «Леди Мадонну». Мне сказали: «Тут парень есть, который может подыграть». Я говорю: «Зовите!» И пришел парень – и действительно подыграл. Да как!

В ансамбле тогда как раз возник кризис. На ритм-гитаре играл паренек, что называется, из другого профсоюза – он был рабочим: Коля Арсентьев, тихий, спокойный, в очках. Когда мы впервые вышли в большой зал ДК «Дукат», где выступали в тот раз и Градский, и «Наследники», и «Скифы», я просто обалдел... Зал казался бесконечным. На восемьсот человек!

...И когда Коля вышел на сцену и увидел громадное количество людей – конца зала не было видно, в темноте терялся народ, он сказал: «Я играть не буду!» – и ушел. Вот так просто! И мы играли без него. А потом, когда на освободившееся место ритм-гитариста пришел Костя, выяснилось, что он умеет все играть именно в новом стиле, то есть в стиле «Роллинг стоунз», то есть струны подтягивает. Из-за этого, кстати, на прослушивании на телевидении в программу «Алло, мы ищем таланты!» нам сказали, что так нельзя играть. Кроме того, у Кости был высочайший фальцет, он всегда клал мне второй голос сверху, но Масляков нам сказал, что так нельзя петь.

Короче говоря, на телевидении нам сказали, что играем мы неплохо, но песни наши никуда не годятся, а манера исполнения просто невозможна, и если мы хотим еще раз попасть на телевидение, вот вам телефон молодежного композитора Бинкина, созвонитесь, и он вам даст программу, которую вы выучите, после чего приходите... Позже с «Машиной времени» история повторилась точь-в-точь, вплоть до Бинкина.



Алик Сикорский исполняет песню «Музыкант»



На институтском вечере. На переднем плане Алик Сикорский, на заднем плане – публика, которая не танцует, но стоит и слушает. Фойе. Тогда играли где угодно!

А мы к моменту приглашения прослушаться в «Алло, мы ищем таланты!» в Москве были уже известные люди. Для того чтобы попасть на наши, и не только, концерты, люди лезли через заборы, каждый раз все было облеплено так, что «скорые помощи» приезжали на концерты. Вопли, визги, постоянные звонки поклонниц, из-за которых приходилось не подходить к телефону. Да все знают, что такое поклонницы! Поэтому и был создан Московский бит-клуб в кафе «Молодежное», чтобы нас «упорядочить». С одной стороны, все это было, конечно, весело... К счастью, у меня, вернее, у деда с бабкой, была на Пахре, в писательском поселке, дача, на которой мы большую часть времени и проводили. Зимой там никто из родственников не жил, и мы чувствовали себя вполне независимыми, то есть было место, где порепетировать, а главное – там никто нас не доставал. Там можно было спокойно работать, и мы с Костей там подолгу зависали. Там побывало много друзей!

Из беседы с Аликом Сикорским

ОГ: А что вы пели? Только на английском? На русском что-то пели?

АВС: У нас полно было Костиных песен: «Алёна», которая была посвящена моей первой жене, «Ты девчонка хорошенькая». А песня «Спокойной ночи, дорогая миледи» и сейчас будет хитом, если ее выпустить – такой романс под гитару, который вышибал слезу и женщинам нравился очень. У Кости достаточно песен, которые он так и не записал, и не выпустил.



Костя Никольский играет на институтском вечере



«Осколки Сикорского»: Константин Никольский и Алексей Коллодий (за барабанами)

выпустил. Еще были песни «Воздушные замки» и «Я думал о многом и разном». «Летний дождь», которую в начале 1970-х взяла себе в репертуар певица Гюлли Чохели. Для одной песни текст написал – мне показалось, минут за пятнадцать, после того как понял мелодию, – мой отец:

Чайка над волной, ты идешь со мной – яркое море голубой.
 Прямо у воды на песке следы – это наши с тобой.
 Парус вдалеке, и ветер гонит облака,
 А в моей руке твоя горячая рука.

А дальше, вместо припева, модный тогда «па, па-пара-па» и так далее. Очень стильная. Прямо «Тремелоуз» или «Тёртлс»:

Imagine me and you, I do,
 I think about you day and night
 It's only right
 To think about the girl I love
 And hold her tight
 So happy together.... Pa-pa-pa...

До сих пор помню как вчера эти песни, могу нашу программу написать. Шикарная была программа – ни у кого такой не было. Потом я исполнял «Ты хотел увидеть мир», «Россия», «Музыкант», «Бури и метели» и другие, уже написанные тогда и ставшие позже в исполнении Кости культовыми. Костя шутливо называет меня «Александр Сикорский, первый исполнитель песен Константина Никольского».

ОГ: Как юношеское увлечение музыкой превратилось в постоянное хобби, в страсть, без которой уже жизнь не была возможной?

АВС: Это со стороны кажется, что музыка – это так, увлечение. Сегодня есть, а завтра увлечет что-то другое. Однако если хочешь что-то делать, то нужно это делать хорошо, а то ведь засмеют. Да и брать с людей за концерт деньги (хотя это, как позже выяснилось, было



Слева направо: Костя Никольский, Алик Сикорский, Стас Намин. 1972 г.

запрещено), а подсовывать халтуру было стыдно, да и не позовут больше, а играть очень хочется. А чтобы хорошо получалось, нужно репетировать. Музыканты знают. Художники знают. Авторы знают. Это и называется работой. И она требует уйму времени и сил. После школы, в выходной, в каникулы. Это становится образом жизни. Охота пуще неволи. Результат появляется позже, иногда значительно позже. А иногда и не появляется вовсе. Конечно, смотря что понимать под результатом...

1972 год – было время, когда мы с Костей (Никольским) выступали вдвоем: две гитары, один или два микрофона, бубен под ногой и иногда губная гармошка на самодельной проволочной держалке перед губами. Стасик (Намин)¹⁵ часто помогал с концертами (совершенно безвозмездно). Иногда играл тоже.

Из беседы с Аликом Сикорским

ОГ: И все же, что именно послужило толчком для такого страстного увлечения музыкой? Атмосфера в доме, индивидуальные качества или модные тогда веяния?

АВС: Откуда взялось такое увлечение музыкой? *(Задумывается с улыбкой.)* Надо сказать, семейка моя была весьма необычная, если не сказать – странная.

Здесь я отвлекусь и расскажу чуть подробнее о своих родителях. Надомник папашка (поэт), просыпавшийся позже большинства граждан, отправлявшихся утром на работу. Затем все шло ежедневно в таком порядке: после умыванья и чистки зубов утренняя гимнастика, включающая эспандер, гири, приседания, повороты и так далее, затем пробежка в Тимирязевском лесу (в километре от дома), водные процедуры в ванной – отец подтыкал полотенце под резинку трусов и обливался с фырканьем, затем обтирался и выходил из ванной, забрызгав все ее небольшое пространство. Мать это выносила с трудом. Перед *выбегом* в лес в кухонном кране открывалась горячая вода, под которую ставилась бутылка кефира – раз в неделю отец покупал их семь штук. По возвращении с пробежки кефир, разделившийся к тому времени на фракции, выпивался. После водных процедур отец завтракал яблоками, которые хранил в авоське на ручке двери в лоджию. Одно окно на лоджии было всегда открыто: чтобы «было чем дышать», говорил отец.

¹⁵ Стас Намин (Анастас Алексеевич Микоян) (1951) – российский музыкант, композитор, продюсер, художник, режиссер. Создатель группы «Цветы». Автор многих популярных песен. Организатор первого независимого продюсерского центра «SNC», откуда вышли многие отечественные рок- и поп-звезды.

Его одержимость этой необходимостью «дышать» была столь сильна, что зимой он сидел за своим огромным письменным столом в теплом лыжном костюме и черной шапке-ушанке, а спал под двумя одеялами и тоже в шапке. Дверь в лоджию была всегда приоткрыта, как и окно на улицу. Кроме письменного стола в комнате помещалась только огромная двуспальная кровать, специально удлиненная (видимо, его сильно угнетала в молодости необходимость подставлять к короткой кровати ночью табурет в коридор, чтобы иметь возможность вытянуть ноги в маленькой каморке в коммуналке). Поэтому его кабинет назывался «кабинет-кровать». Остается добавить, что в ненастные дни отец бегал дома. Бег трусцой из комнаты через коридор в кухню, из кухни по коридору в комнату матери, там два круга и обратно – сорок минут! Отношений между родителями это не улучшало.

Из воспоминаний Александра Сикорского

Позже, когда отец стал работать в «Новом мире», его рабочие часы были с одиннадцати утра, но, разумеется, он не успевал, и приходил – хотя очень спешил – только к часу дня. Зато сидел допоздна, впрочем, никто не жаловался, так как поэты – народ безалаберный и живут без распорядка. Потом он шел «пешочком» ужинать к бабушке в Брюсов переулок. Там часто бывали гости, как я уже говорил, и отец играл на пианино. Семейной песней был «Сен-Луи блюз». Потом ее научился играть брат, а позже и я тоже. Дед с бабушкой пели под гитару – как можно собираться и ничего не петь! Ну а если присутствовала мать, то ее просили спеть обязательно, и она пела что-нибудь из оперетт, чтобы отец мог аккомпанировать. Получалось очень красиво, с шуточками и хохотом.

ОГ: Хорошо, а мама ваша была певицей (мы о ней говорили в первой части нашего интервью). Колоратурное сопрано. И вы говорили, что она истинный трудоголик.

АВС: Трудоголик-чка. Музыкант – раб профессии. Как спортсмен. Или цирковой. Он не может не заниматься ежедневно по несколько часов.

Сейчас есть электронные инструменты и наушники. Тогда этого не было. Да и теперь для тех, кто играет на духовых инструментах или ударных... Спросите, это я к чему? У богатых, известных музыкантов есть свои студии, частные или государственные. Понятно, что для оркестров или хоров имеются репетиционные помещения, в учебных заведениях – классы с роялем, пюпитрами (пультами), стульями и так далее. Но каждому нужно еще готовиться к этим репетициям или заниматься с аккомпаниатором для сольных выступлений. Понимаете, к чему я? Квартира превращается в репетиционное помещение! Семья потерпит. А соседи? Комната матери выходила на балкон, который в свою очередь выходил на улицу, не очень большую, но по ней ходили автобусы, ездили автомобили, то есть имелся городской шум, заглушавший пение с третьего этажа. Между ее комнатой и соседней квартирой был коридор, который тоже снижал громкость при закрытой двери в комнату. С третьей стороны была кухня, за ней внешняя стена дома (квартира угловая). Кабинет-кровать выходил на противоположную сторону и был отделен двумя дверьми (между ним и коридором имелось помещение, приспособленное под кладовку с книжными полками) – там почти ничего не было слышно. Оставался я! До сих пор помню все главные арии из всемирно известных опер. Но, с другой стороны, я тоже мог слушать свою музыку (разумеется, не оперную), и мне никто не мешал.

Музыка оказывалась рядом все время. Как-то так получалось. Когда я учился в интернате, нашим классным руководителем был Андрей Андреевич Безверхий, высокий, крупный мужчина с прекрасным баритоном. Помимо обязательных уроков балетных танцев и хора, вполне,

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

впрочем, необременительных, на праздничных концертах в школе он выступал в дуэте со своим напарником-тенором. Оказывается, были артисты, выступавшие дуэтом. Было очень красиво.

А вторая моя бабушка не расставалась с гитарой, и, когда мы уезжали на Украину на лето, там она занималась с местными девушками. А как на Украине поют, когда застолье! На голоса! Чудесно, и такие красивые песни. Петь на голоса вообще сложно, но очень красиво.

Мы с друзьями даже в более взрослом возрасте специально выучивали на голоса песни наши



Брат Алексей Сикорский в первом составе «Старой гвардии», 1988 г. Благодаря ему в 1989 г. к нам присоединился шестнадцатилетний Денис Мажуков¹⁶

или «Битлз» и встречались на станции метро «Площадь Революции», где очень хорошая акустика, и пели. Даже люди иногда собирались. В то время ансамбль «Аракс» славился пением на голоса сложных песен «Битлз», например Noweg Man. Вообще, если хочешь исполнять песни «Битлз» или других групп, учись класть второй и третий голос как минимум. Это многократно обогащает общее звучание. Но заниматься этим нужно дома самому. Есть люди, которые прекрасно умеют как-то сразу класть второй или третий голос, например мой давний приятель Миша Меркулов, с которым мы перепели дома массу песен, а однажды на студии в районе Никитских ворот, где «машинисты» записывались, а мы ждали, когда они закончат, чтобы ехать выпивать и закусывать, они так долго не могли записать голоса «Да, да, да, у-у-у!» в песне «Пятый год шла война на целый белый свет», что мы не выдержали и предложили свои услуги. Песня была записана с одного дубля, и мы поехали гулеванить. Пару-тройку лет назад у нас с Мишей было несколько совместных концертов в рамках джазового проекта. И мы исполнили, например, Sound of Silence Саймона и Гарфанкла. А с Андреем Макаревичем спели его песню «Где мой дом?».

ОГ: Понятно. Папа бегаёт сорок минут по квартире, мама репетирует... А соседи сверху и снизу что говорили, когда приходили вечерами после работы?

АВС: Вечером мать не занималась: концерты, гастроли, либо отдых, чтение, редко – телевизор. Отца вечерами не бывало, меня почти всегда тоже – красота! Наверху жил Вася с женой. Он преподавал в МАДИ. Человек очень вежливый и покладистый. Выпивающий. А добрейший Кагарлицкий, сосед снизу, все терпел! Лишь однажды, в 76-м году, ночью, когда Боря Белау, которого мы провожали на ПМЖ на Запад, громко играл на пианино гимн Советского Союза в стиле фокстрот, позвонил Кагарлицкий и, извиняясь, попросил играть потише, так как его больная жена не могла заснуть. Конечно, мы прекратили это наше свинство,

¹⁶ Денис Алексеевич Мажуков (1973) – российский пианист и певец, композитор, радиоведущий, выступает в жанрах rock'n'roll, boogie-woogie, rhythm'n'blues.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

и я извинился потом, сказав, что это больше не повторится, так как мой товарищ уже не сможет никогда больше играть в нашей стране. Так, собственно, и вышло.

ОГ: А у вас в квартире жил еще один необычный обитатель, насколько я знаю.

АВС: Да, восемь лет жил Марсик, который вносил посильное разнообразие в нашу жизнь, – зеленая, или королевская мартышка. Марсик перешел к матери по случаю 8 Марта. Если животное не родилось в неволе и не привыкло к рукам, а именно таким был Марсик, он уже в руки не дается, а хозяина выбирает исключительно сам. Он выбрал мою мать. Всем остальным, включая даже бывшего хозяина, Марсик строил бандитскую рожу. Его многие боялись, включая, кстати, моего отца. Таким образом, отец перестал забегать в комнату матери, когда трусил по квартире. Но это другая история...

А повлиял больше всех на мое приобщение к рок-н-роллу мой старший брат Леша, человек уникальный во многих отношениях. Его заводили две вещи: рок-н-ролл и женщины, эти вещи, если можно их так назвать, иногда менялись местами, но суть оставалась та же. Все остальное было второстепенно. Лучшее определение его жизни дал на его похоронах один его друг детства Миша Звягин: «Леха делал всю жизнь только то, что ему нравилось!»

ОГ: Значит, все-таки кому-то это удается, это же здорово!

АВС: Я уже рассказывал, что брат жил в доме в Брюсовом переулке, который называли композиторским или консерваторским, так как многие жильцы работали в Московской консерватории, расположенной неподалеку на улице Герцена (сейчас вновь Большой Никитской). Так вот, если выйти из подъезда и пойти налево – метров через пятьсот упрушься в памятник Петру Ильичу. Но брату туда было не нужно, и он поворачивал направо и метров через семьдесят выходил на улицу Горького, или «Стрит» – на жаргоне стилиг. По «Стриту» опять направо вниз до Центрального телеграфа и в переход на противоположную сторону, выйдя из которого и, сделав несколько шагов, он открывал дверь заветной и, по-моему, единственной студии звукозаписи, известной всей Москве.



«Старая гвардия» в составе: В. Гелюта, А. Шачнев, В. Мажуков, А. Сикорский, М. Соколов (Петрович). Гастроли в Юрмале, 1989 г.

Впоследствии, когда уже появились профессиональные дорогие бобинные и кассетные магнитофоны из Японии и Европы и возник класс «писателей» – предпринимателей, распространявших большие тиражи записей во все уголки СССР, мой брат Алексей так и оставался кустарем-одиночкой, но одиночкой элитным, так как делал подборки на заказ и на свой вкус и только в стиле рок-н-ролл, твист.

С ним консультировались, интересовались его мнением. Да, он был авторитетом. И, конечно, пытался сам что-нибудь играть на пианино, барабанах, саксофоне, которые приносил домой из институтов, в которые исправно поступал и из которых его через пару лет отчисляли, так как он редко там появлялся. Да каких институтов! МИХМ, Медицинский (не знаю, первый или второй). Одна его страсть помогала удовлетворять вторую: однажды он устроился медбратом в «Склиф», впрочем, ненадолго, но анатомию женщин он выучил быстро в нужных пределах.

Затем перебрался в Театр эстрады рабочим сцены, где знакомился с артистической жизнью слабого пола, затем нашел работу полегче и попроще – стал береговым матросом. То есть сидел в будке на причале напротив Театра эстрады, куда к нему начали приходить после или вместо занятий друзья с журфака Университета. Мой брат не расставался с магнитофоном, и у него было тепло, светло и приятно. В служебные обязанности входило наматывать канат на швартовую тумбу, или кнехт, когда прибывал прогулочный или экскурсионный теплоход. В неслужебные – «снимать» девушек. Затем – будка, музыка, напитки и так далее. Вот напитки-то и оказались сильнее всех...

Из беседы с Аликом Сикорским

Конечно, была еще Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», тоже находившаяся в пяти минутах ходьбы от того же подъезда в здании бывшего протестантского храма, но записываться в ней могли только заслужившие это право.

А в студии звукозаписи вы могли заказать песню на выбор, и вам ее записывали на гнувшийся пластик, чаще всего на уже не нужные никому рентгеновские снимки, откуда и взялось оригинальное название «на костях». Конечно, это была не такая многопрофильная студия, как та, в которую зашел Элвис напеть песенку в подарок для мамы и где его попросили попеть, а потом и записать еще. Но именно отсюда новый особо заразный музыкальный штамм, выражаясь современным языком, а именно *рок-н-ролл*, распространялся среди особо подверженных молодых обитателей города. Билл Хейли, Литл Ричард, Пэт Бун, Элвис Пресли, Джеки Уилсон, Челентано (да-да, он до сих пор один из лучших исполнителей этого стиля, посмотрите его черно-белые записи), Джонни Холидэй, Бо Дидлей, Чак Берри – можно продолжать и продолжать, и это только мужские имена, которые грели сердца любителей.

ОГ: Да, название «на костях» историческое, использовалось достаточно долго и заключало в себе почти философский смысл. Получается, ваш брат Алексей внес свой вклад именно в распространение музыки, которая тогда была, да и остается до сих пор, безусловно, потрясающей, гениальной. Наверное, он был в Москве очень популярным человеком. Своего рода «авторитетом» в музыкальном мире.

АВС: Можно было принести свою фирменную пластинку, и тебе делали дубликат на костях, который ты мог оставить себе или подарить. Леша законтачил с людьми со студии, да и не он один, так что вскоре образовался круг фанатов, в котором мой брат занимал одно из почетных мест. Его знали в Москве, и он долгие годы занимался переписыванием для своих и для поддержания штанов, но не больше.

ОГ: А у вас был продюсер или кто-то, кто занимался бы административными вопросами?

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Это ведь отдельное и непростое дело.

АВС: В 67-м мы перебрались в помещение клуба газеты «Известия» благодаря бесценной помощи Сережи Лактионова, старшего брата Вани, роскошного человека, взявшего на себя роль директора, или, как тогда говорили между собой, *импресарио* – звучало солидней. Зал «Известий» был человек на сто пятьдесят на первом этаже известного здания на Пушкинской площади, со сценой и киноэкраном, с помещением за сценой, гримерками даже, если не ошибаюсь. Этот зал был базой «Театрального отряда имени Светлова», в который мы и влились.

Кстати, благодаря Сереже Лактионову мы однажды получили сто пятьдесят рублей за концерт, когда играли в МГИМО: он два раза получил деньги с организаторов вчера, которые настолько перепились, что, заплатив нам деньги перед концертом, потом забыли об этом. Когда мы отыграли свою программу, к нам подошел страшно пьяный комсомольский вожак и сказал: «Играйте еще!» Мы говорим: «Да мы уже все отыграли!» – «А если вы не будете играть еще, тогда я вам не заплачу!» Сережа Лактионов ответил: «Мы поиграем!» И мы поиграли, пока они совсем не умерли, тогда они еще заплатили нам. Ну, денег, наверное, эти ребята не считали. Так мы получили сто пятьдесят рублей за концерт – это были кошмарные деньги! Помню, мы обратно ехали на «Икарусе».

Однажды мы были на гастролях во Львове, в Доме офицеров. Волосы у меня были длинными, что считалось неприемлемым. Была зима, я носил дубленку и фирменную кепку, из-под которой красиво, как мне казалось, выбивались мои пшеничные локоны. Встречные оборачивались и слышалось: «Олег Попов». Озадачивало.

Так вот, во Львове меня не пустил метрдотель в ресторан – артисты театра питались в ресторане, – приняв меня за девушку в брюках. Все прошли, а я – нет. Тогда я еще не брился. Пришлось предложить ему пройти со мной в туалет, чтобы доказать, что я уже не девушка. Так поверил...

Из беседы с Аликом Сикорским



*Армейская
жизнь. 1976 г.*

ОГ: А потом?

АВС: А потом, много позже, уже в Крыму, где я служил в армии и параллельно продолжал музицировать, обнаружил в симферопольском университете потрясающего гитариста-сибиряка. Само-родок! Знал все, что знал я «по музыке», а музыкой мы называли рок. Там же, на университетском вечере, я познакомился с басистом и ударником. На вечер меня привели друзья и попросили что-нибудь спеть.



*Основной состав «Старой гвардии», уже без Дениса Мажукова.
Конец 1990-х гг.*

Впоследствии мы начали играть для «поддержания штанов» даже в деревенских клубах, коих оказалось немало. Ивановка, Тепловка... Пришлось расширить программу, так как дедушкам с внуками на коленках в первом ряду рок-н-ролл был не нужен. Мы делили программу на два отделения: в первом песни на русском, романсы, для этого пригласили даже профессиональную певицу, и я анекдоты на публике рассказывал, а во втором – стулья убирались, и начинались танцы. Просили больше медленные. Девушки в клубах иногда спрашивали, почему мы играем в рабочих спецовках, а не в красивых костюмах. Джинсы не везде успели войти в моду.

ОГ: Да, вот это интересный момент. Понятно, что в столице и крупных городах был доступ к информации, которая удивительно быстро распространялась: кто был выездной, привозили пластинки, джинсы – кстати, это сочетание всегда шло неразрывно. Я помню, когда мне было двадцать, мои первые Levi's мне купила, не поверите, бабушка у своей знакомой фарцовщицы, ездившей в Польшу. Муж коллекционировал рекорды (пластинки) – приобретал у фарцовщиков в универе, да и сам продавал, менялся. Весь этот круговорот наблюдался повсеместно, все крутилось одновременно, всеобщее и под музыку рок-н-ролл. Потом все требовало и определенного стиля одежды, причесок. Да, и танцевать рок-н-ролл, мне кажется, умели многие. Но все же это касается крупных городов. А что было в провинции, принимали ли музыку и всеобщий стиль там?

АВС: Однажды мы играли на танцплощадке в Николаевке – это местечко на песчаном побережье, ближайшее от Симферополя. Дело было летом, ко мне приехала жена из Москвы и начала танцевать рок-н-ролл с моим симферопольским другом под наше исполнение. Закончить танец не получилось: милиция их увела в отделение. Тогда мне стало ясно, что страна большая и это нужно всегда иметь в виду.



**Алик Сикорский
и Ринго Стар в
«Ритм-блюз кафе»,
2008 г.
«Я тогда был там
арт-директором,
а команда Ринго
All Starr Band
там столовалась».**

С годами внутренняя разница цивилизаций становилась все больше, хотя одно время, в новой жизни, казалось, что она может исчезнуть. Именно она, эта разница, породила и питала долгое время циничный юмор эстрадных артистов, избороздивших от края до края нашу необъятную.



**2008 год.
Слева направо: Олег
Пузаков, Юрий Титов,
Полина Касьянова, я,
Сергей Пчелов,
Михаил Ольшаницкий.
«Я любил этот
состав «Старой
гвардии». Похоже,
остальным тоже
нравилось то, что мы
делали».**

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Москва – большой аквариум, сосредоточение различных ведомств, властных структур, один из политических и экономических центров мира. Но и мира спорта, науки, искусства. Здесь живут известные и выдающиеся деятели в самых разных сферах. Но у них есть дети, а дети стремятся к новому, интересному. А их родители бывают в разных странах и привозят разные цацки, диво дивное. Наши всегда чешут репу и дивуются заморским чудесам. А дети любят танцевать и модно одеваться. И какой родитель устоит и не привезет дитятке что покрасивее, моднее и от чего там с ума сходит молодежь. В Москве мир ближе, он дышит ощутимо, его сердце бьется рядом, и так хочется жить прямо сейчас красиво, как там! Именно в молодости это ощущение особенно острое! И в Москве появляется всё. У некоторых раньше. Но вскоре большинство тоже приобщается. А это – наш час, наша стихия! Мы – можем вам дать то, чего вы так хотите. Приходите – и услышите. Те самые песни, на том самом языке. Почти с тем же звуком.



«Еще один дивный проект в рамках “Старой гвардии” – стиль немного другой, более камерный и ближе к джазу».
Слева направо: Валерий Гелюта; Михаил Соколов (Петрович) (губная гармошка, стил-гитара, барабаны); Владимир Глазунов, ведущий программы «Рожденные в СССР» канала «Ностальгия»; Александр Сикорский; Григорий Орджоникидзе (гитара, бас-гитара, юкльель, или укулеле – маленькая гитара)



На плакате – наш музейный джазик. Мы четверо (Петрович, Гелюта, Орджоникидзе и я) плюс Михаил Аркадьевич Брызгалов (играет на трубе), директор Музея музыки им. Глинки.

Как правило, в концертах принимают участие и другие артисты и музыканты

Здесь, конечно, можно пуститься в подробности о том, как этого добивались. Но мне нечего добавить к тому, что показал и о чем рассказал мой друг Макс Капитановский¹⁷ в своих бесподобных документальных фильмах на эту тему, после которых я уже не могу смотреть без критической гримасы другие фильмы

этого жанра. Жаль, что его нет с нами. Тембр его голоса и юмор как нельзя лучше соответствуют содержанию, а тонкость понимания и внимание к важным мелочам делают эти фильмы уникальными. Там всё есть. Мне нечего добавить.

ОГ: А сегодняшняя музыка впитала музыку ту – вашу? Вернее, нашу, мою, в том числе. Для меня-то рок-н-ролл жив всегда, и я эту музыку слушаю постоянно, но насколько это актуально в сегодняшнем мире с совершенно уже иными, смещенными ориентирами и при нынешнем высоком уровне звука и технических возможностях?

АВС: Забавно, я, когда готовился к интервью, решил освежить в памяти нашу программу – названия песен, и обнаружил, что за последние несколько лет появилось столько *нового*, если можно так выразиться, видеоматериала приличного качества и звука – материала о теперь уже таком, казалось, далеком времени. Оказывается, *там* помнят всё и очень ценят. Организуют трибьюты – концерты с участием знаменитых и не очень молодых музыкантов, которых вдохновили артисты тех наших лет, где они исполняют для старых артистов, если они живы, их песни. Подобные трибьюты проводятся В Альберт-холле в Лондоне и в Кеннеди-центре (Центр исполнительских искусств им. Дж. Кеннеди) в Вашингтоне. Есть Зал славы рок-н-ролла, куда одни знаменитости вводят других, то есть включают их имена в список самых-самых, которых теперь не забудут. И играют, разумеется, песни новичков. Люди создают поводы для радости и памяти. Но это все где-то не здесь. Мы не участвуем и в этом празднике жизни. Впрочем, интернет помогает любознательным.

ОГ: Безусловно, в интервью сложно охватить всё, и, может быть, наш с вами материал, будет некой рекламой или анонсом к чему-то более основательному. Отсюда вопрос: наверное, впору писать целую книгу, не планируете? И конечно же, хотелось бы снять документальный или даже художественный фильм. Никто не предлагал? Это же не просто интересно, а отражает большой временной срез – молодежные нравы, интересы, да и просто музыкальную грамотность.

¹⁷ Максим Владимирович Капитановский (1948–2012) – барабанщик ранних составов «Машины времени» с 1972 по 1973 годы, звукорежиссер, режиссер-документалист, сценарист, писатель, поэт, продюсер.



Александр Сикорский с женой Галиной

АВС: Мне странно сейчас слышать подобные вопросы. Я понимаю, это литературный журнал. Все, что связано с литературным творчеством, особенно в доинтернетные времена, осталось на бумаге. А вот для подобной музыкальной деятельности – чтобы остались следы, нужны студии, записи и прочее.

В начале и почти до середины девяностых все эти темы обсуждались

на ТВ в разных программах – была даже одна с названием «Музыкальный троллейбус», кажется, – в которых все эти вопросы задавались, ответы получались, но уже тогда все это, пожалуй что, было интересно только очень узкому кругу, так что все затухло. Тухло, тухло и затухло.

Пытались создать программы с живой музыкой в попытке уйти от повсеместной фанеры. Фанера – вещь, конечно, вынужденная, но она угробила живую музыку на долгие годы. И до сих пор у нас скорее исключение качественно записанный живой концерт. Хочу рассказать про один эпизод из нашей с братом жизни, который мне открыл глаза на многое в том, что касается разницы между нашей и западной музыкой. Я говорю не о классической музыке. В Москву приехала джазовая певица Вилма Реддинг (Великобритания), которая пела даже с оркестром Дюка Эллингтона. Она выступала целую неделю – с 17 по 24 апреля 1979 года – в Государственном Центральном концертном зале, то есть в уже несуществующей гостинице «Россия». Зал был прекрасный. Мы пошли на самый первый концерт. Брат сидел в первом ряду, я немного подальше. Публика была изысканная, именно та, которая должна ходить на подобные мероприятия: хорошо одетые мужчины средних лет с красивыми и нарядными женами, среди которых я заметил чудную Жанну Болотову, одну из моих любимых актрис, разумеется с мужем, не менее известным Николаем Губенко (такая пара украсила бы любое мероприятие).

Зал был полон. На сцене стояли стулья и нотные пульта для оркестра. Перед выступлением гости вышел квартет, кажется, во главе с Георгием Гараняном и исполнил, неожиданно для меня, песню Стиви Уандера. Эта песня была про юность Стиви, когда царил сэр Дюк Эллингтон – Sir Duke. Понятно почему: Эллингтона звали Эдвард Кеннеди. Среди своих – Дюк, что переводится как «герцог». Подобные музыкальные прозвища были обычным делом: Нэт «Кинг» (король) Коул, Стиви Уандер (Wonder – чудо), Принц (перевод не нужен), Б. Б. Кинг, Элвиса называли королем, но среди белых артистов это не переходило в прозвище.

Исполнение было, прямо скажем, так себе, певца не было. Последовали еще два или три произведения, после чего квартет удалился под вежливые аплодисменты.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

То, что произошло дальше, до сих пор у меня в памяти: сначала вышли наши со скрипками и прочим необходимым, уселись, стало тихо. Затем появились трое. Сама смуглая красавица и двое мужчин, один из которых тут же направился к ударной установке, а второй пошел в оркестр и из толстой кипы под мышкой стал извлекать и ставить на пульт ноты перед каждым музыкантом. Удивление вызвало прежде всего то, что это происходило непосредственно перед началом. Ноты же могли раздать раньше... К тому же оказалось, что музыканты наши. Я приуныл. Но... Этот человек оказался не раздавальщиком нот, а дирижером. Он встал перед оркестром, поднял руки (без палочки) и... Мы как будто перенеслись в Карнеги-холл. Оказалось вдруг, что наши музыканты играют ничуть не хуже, когда ноты правильные. Дальше было почти два часа наслаждения с выходом артистки в зрительный зал и предложением подпеть в микрофон, который она протягивала разным людям из публики. И – о чудо! – никто не осрамился. Публика знала музыку, которую пришла слушать. И слова знала.

Конечно, присутствовали в зале сотрудники посольств и просто иностранцы, но в подавляющем большинстве это были наши москвичи, которых набралось столько, что она каждый вечер пела целую неделю. Мой брат зацеловал ей руку до плеча, народ не отпускал. Это было счастье!

Когда я успокоился, через несколько дней, я вспомнил, что этого дирижера, который дальше, после начала каждого произведения, садился за рояль, и вставал опять перед оркестром на коду, представили не дирижером, а аранжировщиком! И сразу вспомнил, что Том Джонс в конце своих концертов представлял такого же человека, помню даже его имя – Джимми Смит, говоря «He arranges all the music for me» (Он аранжирует всю музыку, которую я исполняю). Я заинтересовался вопросом и вскоре понял, что аранжировщик – важная фигура в музыке. В современном мире его еще называют музыкальным продюсером, так как нередко он активно участвует в записи музыки. Что очень ее обогатило. Добавлю дальше – у них. Я приведу лишь три примера.

Джордж Мартин – пятый (или нулевой, как иногда говорили) участник ансамбля «Битлз», благодаря которому они остались непревзойденными в мире музыкального и звукозаписывающего искусства. Как тонко определил Денис Бояринов, он помогал «им лучшим образом формулировать не всегда внятные музыкальные идеи». Он был виртуозом в своем деле. Сотрудничал со многими знаменитостями, среди которых Селин Дион, Пол Маккартни и Элтон Джон. С последним он выпустил в 1997 году ставший феноменально популярным хит «Свеча на ветру» (Candle in the wind). Изначально песня была посвящена Мерилин Монро, а впоследствии переосмыслена и оказалась как нельзя более созвучной настроению англичан в дни после трагедии с принцессой Дианой. Вклад Мартина трудно переоценить.

Второй (а по положению, может, и первый, но точно равный) – это великий, без преуменьшения, Куинси Джонс, хотя у нас его меньше знают, ведь число поклонников «Битлз»



Почетная грамота Александру Сикорскому от участников группы «Машина времени» за «проявленное в 1969 г. великодушие, определившее дальнейшую судьбу коллектива»



**Джазовый проект с Михаилом Меркуловым, квинтетом под управлением Владимира Нестеренко.
На фото наш концерт с участием Андрея Макаревича в его клубе «Jam». Март 2017 г.**

превышает всех остальных. Он начинал как джазовый трубач и преуспевал в этом. Пока врач не огорчил его известием, что играть на духовом инструменте ему больше нельзя – аневризма головного мозга (позже оказалось, что их две). Так он стал аранжировщиком... Фрэнка Синатры! Такого раньше не было. Чернокожий музыкант – аранжировщик. Таких вроде еще не было. В

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Лас-Вегасе цветных не селили в гостиницы для белых. Проблема. Куинси позвонил Фрэнку – и проблема была решена.

Куинси создал свой оркестр, к тому же он был композитором и работал со звездами. Есть альбомы с целым созвездием имен исполнителей. Но самым известным он сделал, фактически создал, Майкла Джексона – идола 80-х и 90-х. Он записал музыку и создал самых-самых для создания, совместно с Лайонелом Ричи (автором музыки) и Майклом Джексонном, клипа We Are The World, ставшего мегахитом в начале 80-х. Впоследствии создал школу для одаренных детей афроамериканцев, а потом и ставший знаменитым Музей искусств афроамериканцев.

Третий титан жанра – Дэвид Фостер. Он написал, например, хит After the Love has gone, который сделал знаменитой группу «Земля, Ветер, Огонь» (Earth, Wind & Fire), создал саундтрек для фильма «Телохраниитель», его аранжировка старой песни Долли Партон I Will Always Love You сделала мегазвездой Уитни Хьюстон и принесла ему «Грэмми» и звание лучшего музыкального продюсера года. Таких званий у него три и 16 «Грэмми». В 1984 году записанные им для Chicago (Chicago 17) и Лайонела Ричи (Can't Slow Down) альбомы выиграла целый букет «Грэмми», в том числе за лучший альбом года. Он работал в 90-х с Натали Коул (Unforgettable) и в особенности Селин Дион (Falling into You), каждая из которых добавила в его копилку по «Грэмми» за альбом года. Он также записывал суперхиты для Мэрайи Кэри (Heartbreaker), Тони Брэкстон (Un-Break My Heart) и Мадонны (You'll See). Вместе с Бэйбифейсом написал песню The Power of the Dream, которую на открытии Олимпийских игр в Атланте исполнила Селин Дион.

У нас аранжировщики есть, но они не пользуются таким спросом и оплата их работы не превращает их в титанов, помогающих создавать суперхиты, находить и продвигать молодые таланты и превращать их в любимых народом исполнителей. А там они обогащают и разнообразят музыкальный ландшафт, как архитекторы и скульпторы городскую среду. Исполнитель может с помощью аранжировщика превратить шуточную песенку в такую нетленку! Как это сделал Джо Кокер с песенкой-шуткой про стриптиз Рэнди Ньюмана, выпущенной еще в 1972 году. Рэнди известен также музыкой для знаменитого детского мультфильма «История игрушек». А версия Джо Кокера прозвучала в 1986 в фильме «Девять с половиной недель» под стриптиз в исполнении потрясающей Ким Бейсингер. После него этот хит исполнял, в его версии, например, Том Джонс, и тоже сначала для фильма. Ни Джо Кокер, ни Том Джонс не написали ни одной песни, но в их исполнении и без того известные произведения становились хрестоматийными. То же самое полностью относится и к обожаемой мной Тине Тернер.

Этот список я могу продолжать и продолжать. С юности моим любимейшим занятием (и моего брата) было ошарашивать людей либо новыми песнями (не нашими, разумеется), либо их обработками (синоним аранжировки) в другом исполнении. И спрашивать: знаешь кто это? Говоря о нашей жизни, могу привести один пример: песню «Лето – это маленькая жизнь» Олега Митяева в исполнении чудных ребят из «Ума Турман». Она сразу вдруг мне очень понравилась.

К сожалению, в нашей музыкальной жизни фигура аранжировщика играет роль значительно более скромную, что ее не обогащает. Да у нас и нет такого количества оркестров, исполняющих легкую современную музыку для танцев или на концертах, с участием известных исполнителей или инструментально, для чего требуется такой специалист. Клубные же команды обходятся своими силами. Я всю жизнь просил ничего не менять в оригинальной аранжировке, так как так называемое «свое виденье» оказывалось сильно хуже. Хотя, безусловно, есть одаренные музыканты и настоящие хиты. Для меня эталоном остается «Позови меня с собой», а подлинным откровением песня «Там далеко-далеко есть земля» из

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

сериала про дальнобойщиков. Специально написать подобное невозможно. Такие жемчужины – тот самый «message», послание сверху.

Есть еще один аспект, связанный с музыкой, вызывавший мой живейший интерес и оказавшийся настолько любопытным, что я мог бы вести раз в пару месяцев передачу о звездах кино, являющихся еще и музыкантами. Можно далеко не ходить – например любимый мною Брюс Уиллис. Он хорошо поет джаз, блюз и играет на губной гармошке, у меня есть его диски и записи выступлений. А главный герой «Дня сурка» и других комедий Билл Мюррэй – прекрасный банджист. Среди исполнителей кантри, куда перешел стиль рок-н-ролл, много киноактеров. И есть еще немало примеров, уже не говоря о Челентано. Исполнитель роли Рэя Чарльза в фильме «Рэй» Джейми Фокс (Jamie Foxx) виртуозно играет на рояле и поет...

Это то, чем я интересуюсь до сих пор и что не перестает меня удивлять. Ведь в американских и английских фильмах актеры поют сами. (Не всегда, правда.) Поражает еще разнообразие и обилие молодых артистов-виртуозов, создающих стили, голосовые обработки оркестровок. Такое богатство! Веселое и буйное. Show действительно must go on!

ОГ: Александр, в нашей беседе затронуто множество параллельных тем, которые сами по себе являются отдельными мотивами для отдельных встреч. Я очень благодарна за состоявшуюся беседу, бесконечно люблю и уважаю вас как музыканта, личность и вообще доброго друга. Спасибо!

АВС: Спасибо за внимание.



Михаил Меркулов, Андрей Макаревич, Александр Сикорский. Март, 2017 г.

В продолжение разговора...

Истории о Марсике (из воспоминаний Александра Сикорского)



Марсик Марсик на берегу Десны

В долгих скитаньях, простите, гастроях по великой родине и соцлагерю состав бригады артистов менялся, и однажды в ней появился фокусник, точнее, бывший мясник, накопивший деньжат и решивший внести разнообразие в свою жизнь. Видимо, в детских книгах он почерпнул убеждение, что шарманщики, факиры, фокусники имели компаньона, вызывающего интерес публики, чаще всего обезьянку. Не мудрствуя особенно, он последовал примеру вдохновивших его артистов и приобрел внешне эффектного зеленого зверька с красивой белой шерстью на груди. Единственное, что мог делать зверек (мужского пола) – гасить ладошкой спичку.

Характер Марсик имел дурной, любил есть фрукты, за неимением которых довольствовался белым хлебом и сильно толстел, если фокусник в холода оставлял его дома с родителями. Впрочем, и без зимних холодов Марсик предпочитал сидеть, обняв лампу, так как на гастроях всегда мерз. Позже мы обнаружили, что Марсик предпочитает еще хорошие запахи и поэтому – комнаты артисток. Так он попал в номер матери и не захотел больше ее покидать. Короче, он стал жить у нас.

Стали возникать забавные эпизоды. Обезьяны, как и птицы, в природе не чувствуют связи с экскрементами. И те и другие в основном живут на ветвях. Все, что они выделяют, падает и используется природой. Проблема! Мать, обладая, несмотря на красивую внешность и нежность к Марсику в обычных условиях, проявляла свою тигриную сущность, когда дело касалось грязи и беспорядка. Обучить обезьяну правильно гадить невозможно, но дать понять, что утром нужно сразу бежать и садиться на унитаз она все же смогла. Проснувшись поутру в материной постели, Марсик бежал в туалет, а мать прикрывала дверь и включала свет, и он там сидел. И все происходило, как положено, как у всех. А пока мать суетилась на кухне, выходил из своего кабинета-кровати отец и пытался попасть в туалет. Но тут его ждала грозная бандитская рожа. Марсик, видимо, считал, что должен охранять «вазу». Отец ретировался, обезьяну выводили в кухню, и на некоторое время проблема снималась. А бывало и наоборот. Отец выходил раньше, заходил в туалет и уже было собирался запереть дверь изнутри, как маленькая, но мощная черная ручка снизу тянула дверь на себя. Дальше, понятно, бандитская рожа, отец выпрыгивал из сортира, а Марсик водружался на троне.

Когда мать уезжала на гастроли, то приходилось следить за обезьяном, который без присмотра начинал интересоваться материным трюмо – там стояли всякие приятно пахнущие розовые, красные и прочие флакончики с лаком для ногтей, духами, кремами и острыми пластиковыми крышечками, такими удобными для отгрызания. Излюбленным местом Марсика, не любившего делать лишние телодвижения и предпочитавшего сидеть на своих двух круглых черных кожаных нашлепках на ягодицах, было пианино, угнездившись на краю, которого он мог свесить то одну ногу, то другую. Иногда он сидел на подоконнике и смотрел на улицу или нюхал и очень осторожно, не нанося вреда, пробовал на передний зубок листик какого-нибудь домашнего растения, которых у матери была уйма – всяких горшков и горшочков с кактусами, геранью, монстерой; по мере разрастания часть из них отдавалась в школу, лифтершам или знакомым.

ПРОЗА

Алексей Курганов

(Коломна)

ЛОЖКИН



*Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя...*

(Из поэмы «Анна Снегина» Сергея Есенина)

Иван Степанович Ложкин не без труда поднялся по косогору, отдышался, после чего обернулся (река в это предзакатное время была особенно хороша) и, перейдя вымощенную модной цветной плиткой небольшую площадь, остановился перед Домом Поэта. Иван Степанович был крепок телом, волосат головой, несколько одутловат лицом, возрасту был сорока восьми лет и работал пескоструйщиком на цементном заводе, бывшем имени Бонч-Бруевича, а сегодня безымянном, потому что некогда известный большевик не соответствовал современным политическим и экономическим требованиям. Совершенно рабочая, откровенно мужественная и прозаическая до отупения профессия (попробуй-ка каждую смену, с восьми до трех, по стой по самые яйца в цементной пыли и с респиратором на запотевшей морде!) тем не менее не убила в Иване Степановиче творческих позывов: он недурно рисовал, искренне любил народную музыку и баловался рифмоплетством. Именно творческие позывы и подвигали его порой на неожиданные, казавшиеся окружающим совершенно экстравагантными поступки. Хотя что такое экстравагантность? Понятие весьма относительное. Что экстравагантного было, например, в том, что сегодня он проснулся еще затемно, тщательно побрился, побрызгался одеколоном «Шарите» (сто пятьдесят рублей флакон), причесался, надел праздничный костюм – и на шестичасовом автобусе поехал сюда, в село, к Поэту? Ведь ходят же мучимые похмельем люди по ночам в круглосуточную пивную, и ничем экстравагантным и даже демонстративным это не считается даже в приличных человеческих кругах, не говоря уже об алкашеских. Обычная жажда неудачно алкоголизировавшегося накануне организма, только и всего.

Страсть к сочинению рифмованных строк захлестнула Ивана Степановича три года назад, захлестнула неожиданно, как-то сразу, и от этой неожиданности повергла его в растерянность, смущение и даже какую-то боязнь. Впрочем, такие чувства весьма характерны для изначально творческих натур, обнаруживших тягу к творчеству уже во взрослом возрасте. Именно тогда, три года назад, Иван Степанович за пару недель все с тем же торопливым и каким-то отчаянным испугом написал сразу штук сорок стихотворений. Как раз очень вовремя подоспела

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

премия за полугодие, и он, набравшись храбрости (вот чудак!), пошел в местную типографию, сделал заказ – и уже через месяц держал в руках довольно симпатичную, в коленкоровом переплете книжечку, на обложке которой были написаны его имя и фамилия, а чуть ниже – название: «Печальная страна». Почему печальная и почему страна, он и сам не мог объяснить, но именно это название сразу пришло ему на ум. А что? Нормально. Печальная так печальная. Страна так страна. Никакой пошлости, никакой вычурности, но с намеком на глобальность, масштабность – и одновременно романтическую таинственность и даже легкое, ни к чему не обязывающее литературное кокетство. Да, хорошее название! Молодец! Сообразил, как озаглавить свой поэтический дебют!

Впрочем, не стоит обольщаться совершеннейшей положительностью Ивана Степановича! Немало таилось в нем и отрицательного. К примеру, временами он становился невыносимо ехиден, а свой капризностью порой превосходил перезревающую в половом отношении девицу, которую упорно игнорируют кобелирующие женихи. Трудно сказать, к каким качествам отнести его равнодушие к алкоголю, поскольку давно доказано, что алкоголь в умеренных дозах приносит несомненную пользу в первую очередь для нервной системы и возбуждения аппетита. Зато Иван Степанович питал необъяснимую слабость к кефиру и вареной кукурузе, а вообще в гастрономическом отношении был человеком удивительно покладистым и совершенно неприхотливым.

Что же касается отношений с женщинами, то здесь все было одновременно и просто, и сложно. В ранней юности он скоропалительно женился, но, узнав, что супруга изменяет ему с соседом-парикмахером, моментально развелся. Странно, но никакой душевной боли от развода он не испытал, наоборот – даже почувствовал какое-то радостное облегчение, из чего сделал вывод: семейная жизнь – не для него. При этом Иван Степанович не был убежденным женоненавистником и женщины в его жизни периодически появлялись, но, конечно, не для исполнения священного гражданского долга, а исключительно в виде физиологических утех. Вот и сейчас он периодически встречался с некой Кланей, женщиной положительной во всех отношениях, однако не настолько положительной, чтобы идти с ней под венец. Кланы работала буфетчицей в привокзальном буфете, периодически кормила Ивана Сергеевича великолепными беляшами, подносила «соточку» и была совершенно убеждена, что лучше нее Ивану Степановичу не найти ни за что и никогда. Наивная Кланы! А зачем искать-то, если совершенно не хочется, и чего просить, если само дается!

Так что если суммировать все стороны ивансергеичева характера, то смело можно сказать о нем как о натуре многогранной, одухотворенной, несомненно творческой, иногда увлекающейся, иногда неожиданной, иногда даже вздорной, но никогда не опасной. И на том, как говорится, спасибо. И такие индивидуумы имеют полное право на существование, тем более что таковых среди нашего населения – подавляющее большинство.

Обойдя Дом Поэта вокруг, Иван Степанович задумчиво поглядел на сарай, в котором Поэт уединялся, чтобы творить свои гениально-бессмертные строки, осторожно-недоверчиво, словно для того, чтобы убедиться в их настоящести, потом потрогал кусты бузины, бестолково разросшейся вдоль деревянного штакетника. Затем он вышел на другую сторону улицы и почти нос к носу столкнулся с неким низкорослым старичком. Судя по багровой физиономии, сизым прожилкам на бургристом носе, заискивающему взгляду, а также мятым брюкам и стоптанным ботинкам, тот был большим любителем выпить, а поскольку с собственной наличностью у таких субъектов всегда бывают большие проблемы – выпить за чужой счет.

– Из города? – сооротив веселую улыбку, поинтересовался старичок.

Иван Степанович кивнул.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Да, ездют, ездют... – и старичок почему-то обиженно поджал бескровные губы. – У вас ливерушка не подорожала? – задал он очередной вопрос.

Иван Степанович подумал и пожал плечами: вроде нет. Как стоила сто двадцать за килограмм, так и...

– А у нас подорожала, – сказал его неожиданный собеседник. – На целых двадцать рублей. А у меня пенсия – восемь с копейками! – выкрикнул он с похмельным надрывом. – Собаки! Скоты! Педоразы помойные!

– Кто? – не понял Иван Степанович.

– Все! – с надрывом выкрикнул старичок в пространство и промокнул глаза не первой свежести платочком. – Чиво? – подмигнул он неожиданно. – Из этих, что ль? – И повел головой в сторону Дома Поэта.

– Из каких? – растерялся Иван Степанович. Временами он был, чего греха таить, туповат. Что есть, то есть.

– Известно каких! – И старичок весело засмеялся. – Из писателей, каких!

– Кто? Я? Нет! – вскричал Иван Степанович и, поскольку скрывать своих чувств не умел совершенно, неожиданно покраснел.

– И-и-и-и! – тоненько заверещал неожиданный собеседник и, интимно подмигнув, запанибратски погрозил ему корявым и совершенно игрушечным пальчиком. Дескать, знаю я вас, пиитов недогребанных! Все стрóчите, стрóчите, бумагу мараете, гонорарии лопатой загребаете! А тут с такой смехотворной пенсией хоть ложись и помирай голодно-мученической смертью!

– Seriously говорю! – покраснел Иван Степанович еще больше, словно собеседник попытался уличить его в чем-то совсем уж непристойном. – Пескоструйщики мы. Пятого разряда. Песок струячим на цементном производстве бывшего Бонч-Бру...

– Значит, пролетарий? – расцвел старикан. – Значит, друг и зашшытник трудового крестьянства? А я, грешным делом, подумал: если не этот... – и опять повел головой в сторону Дома, – ...то бизнесмен! Тогда очень приятно! Я тоже скотоводом работал, пока совхоз не развалился. Говно с-под коров выгребал на ферме номер восемь. Сейчас на заслуженной пенсии. Никанор Никодимыч! – представился он и по-гусарски прищелкнул стоптанными каблуками.

Ивану Степановичу не оставалось ничего иного, как ответно представиться.

– А с чего вы, Никанор Никодимович, решили, что я литератор или бизнесом занимаюсь? – спросил он.

– А сюда сейчас эти бизнесмены слетаются как мухи на все то же говно, – пояснил старичок, пропустив объяснение насчет литератора, и сделал рукой широкий жест. – Места-то великолепные! Поэтические, можно сказать, места! – И, прикрыв глаза сухопарой ладошкой, процитировал: – «Косогоры, буераки, все до фени, все до сраки...» Да! Участки себе присматривают, собаки потные. Некоторые уже и строиться начали. Вон видите! – И показал рукой на чудо современной архитектуры, стоящее справа от Дома Поэта и вызывающе сверкавшее модными тонированными окнами. – Миллионщик строит. Колбасный король. Что морда, что жопа – все одного впечатлительного размера! Одно слово: член общества, ыбеньт! Не чета нам, честным скотоводам!

– У меня, помнится, был один знакомый колбасник, – напрягши память, сказал Иван Степанович. – Может, он?

– Может, – охотно согласился старичок. – Этот может все! – И кивнул на особняк.

– Господин Ебахлыстов. Гурген Беатрисович.

– Гурген? – удивился Иван Степанович. – Из грузинов, что ли?

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– А кто его знает, – пожал собеседник плечами. – Может, из грузин, может, из румын. Хотя по отчеству вроде бы поляк.

– Поляк? – еще больше удивился Иван Степанович.

– Ну а кто же? – резонно возразил старичок и неожиданно дурашливо хихикнул. – Беатрисович! Не удмур же! Вон как отстроился! – И завистливо прицыкнул языком. – Точно поляк! Больше некому! Голубей развел – а какой от них толк? Летают и серут, летают и серут. Вот и вся ихняя жизненная философия. А у меня – пенсия! На булку не хватает! На зеленый на горошек!

– Да, пропали пейзажи, пропало село... – вздохнул Иван Степанович. – А ведь считается историческим памятником... – кивнул он на Дом Поэта.

– Ага! – охотно согласился старик. – Конечно, пропало. А как же! Эти колбасники чего хошь засерут. Одни только деньги на уме. – На его прекрасном лице появилось озабоченно-холуйское выражение. – Никакой прям совести перед людьми искусства!

Он, к сожалению, прав, подумал Иван Степанович. Кому сегодня нужен Поэт? Для чего, для каких целей? Впрочем, это уже голая меркантильность – «кому», «для чего»... Для чего нужен воздух? Да ни для чего! Просто так, само по себе! Чтоб дышать! Хотя колбаса, конечно, важнее. Поскольку ощутима и осязаема. И именно она сегодня движитель всей нашей сугубо прагматической жизни и такого же совершенно прагматического бытия.

– Эй! – вывел его из задумчивости веселый голос. – Уснул, что ли, лошадь? – И вслед за этим послышалось визгливо-довольное хихиканье.

– Почему лошадь? – удивился Иван Степанович.

– А кто же? Если не бизнесмен, то обязательно! На тебе и сеют, и пашут, и плотют столько, чтобы только на овес хватило. В смысле, чтобы не сдох. Так что лошадь и есть! В самом натуральном виде!

Новый знакомый опять визгливо-довольно хихикнул. Его неожиданная хамская выходка, как это ни странно, совершенно не смутила Ивана Степановича. За свою долгую пескостуйную жизнь он насмотрелся и наслушался столько разного хамья, что на хамство у него выработалось что-то вроде иммунитета. Тем более что это такая черта человеческого характера, которая не поддается никакому гуманному перевоспитанию. Перевоспитать хама можно только предельно жесткими, карательными методами, а Иван Степанович терпеть не мог насилия ни в каких проявлениях и ни в каких, даже самых благородных целях.

Впрочем, старичок, как истинный прощелыга, тут же понял свою оплошность.

– Шутканул я, шутканул! – постаравшись изобразить на лице совершенно искреннюю дружелюбную улыбку, пояснил он. – Что ж, друзья и пошутковать, что ли, между собой не могут? – И этак приятельски подмигнул. Дескать, ну, чего ты, лошадь, в самом-то деле? Шутки не понимаешь? Тяжелый случай! Требуется срочное лечение!

– Кстати, освежиться не желаете? – продолжил он, обнажив наконец свою истинную суть. – Могу составить ненавязчивую компанию. Правда, у меня денег нету. Пензию приносят в недостаточном количестве.

– В каком смысле «освежиться»? – насторожился Иван Степанович.

– В прямом. Острограммиться. Пивная прямо за церковь. С удовольствием провожу и развлеку приятным душевным разговором.

– Вот вы о чем! – улыбнулся Иван Степанович. У него сразу потеплело на душе. – Нет, спасибо! Не употребляю.

– Что, совсем?! – у старичка от удивления вытянулось лицо. – Категорически?

– Да как-то так... Ну, если, например, изредка, на день рождения...

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– А у меня сегодня как раз оно и есть! – обрадовался старичок, и по его совершенно искреннему взгляду сразу стало понятно: врет, собака! Он вообще еще не родился! Он только собирается! Даже еще и роддом тот не построили, в котором такое моральное уродство должно появиться на свет! – Этого как раз числа!

– Ну хорошо, хорошо... – смущенно пробормотал Иван Степанович и достал из кармана кошелек. – Вот вам сотенная... Так сказать, в подарок и вообще... Поздравляю!

– И я вас! – с армейской готовностью откликнулся старичок (разве что под козырек не взял).

– А меня-то с чем? – не понял Иван Степанович.

– А ни с чем! А с просто с таким! – не растерялся шустрый алконавт, цепко выхватывая из его руки банкноту. – С тем, что живы и здоровы! Что приятный человек! Бывайте и дальше не хворамши!

После чего приветственно махнул рукой и поспешил в пивную, где на сотенную можно было купить сто пятьдесят граммов водки, кружку пива и беляш, любовно разогретый в микроволновке буфетчицей Тамарой, женщиной положительной во всех отношениях, матерью пятерых детей.

Иван же Степанович бросил прощальный взгляд на Дом Поэта, вздохнул и, смешно подпрыгивая, побежал к автобусной остановке. До автобуса оставалось восемь минут, и Иван Степанович как раз поспевал в продуктовый магазин, чтобы купить на ужин пакет кефира, батон хлеба и котелку пока еще не подорожавшей у них в городе ливерной колбасы...

ТРИ АВГУСТОВСКИХ ДНЯ

– У тебя отпуск когда кончается? – спросил Федор.

– Через неделю, – ответила Марина. – А что?

– Ничто. Хочешь в Ялту?

– А... – она даже растерялась. Какая Ялта? При чем тут Ялта? Она не собиралась ни в какую Ялту!

– Как это в Ялту?

– Очень просто. Мне надо дня на три в Ялту. По работе, ну и искупаться, позагорать.

– А я тут при чем?

Федор в ответ то ли недовольно, то ли раздраженно поджал свои толстые губы.

– Поясняю для тупых: приглашаю. За компанию, – и нахмурил брови, дескать, нельзя же быть такой бестолковой! Чего непонятного-то?

– Интересно, – все так же растерянно усмехнулась Марина. – А я-то в качестве кого?

– А без всякого качества, – ответил он вроде бы совершенно нейтрально, но получилось, как всегда, с этойкой самодовольной хамоватостью. – В качестве бывшей жены и любимой женщины. Тоже, понятно, бывшей! – добавил он, чтобы сразу внести ясность и не давать никаких совершенно ненужных, долгоиграющих намеков.

– Ты серьезно? – задала она следующий вопрос, который по уровню идиотизма как раз и не требовал никакого серьезного ответа.

– А что такого-то? – Вот теперь он действительно начал сердиться. – Может, хочу сделать тебе такой вот незатейливый подарок. Просто подарок! В память о былом! Могу я сделать или нет?

Марина пожала плечами.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Сделать, конечно, можешь (Федя – три медведя! Фокусник чертов!), – и все же не удержалась, хотя все и так давно понятно: – Ты по новой, что ли, предлагаешь?

– Чего?

– Ну... – она на секунду замешкалась, – сойтись, что ли?

– Ничего *такого* я тебе не предлагаю. – Он нарочно выделил это слово – «такого», потому что, похоже, уже и сам был не рад, что затеял весь этот дурацкий разговор. – Я. Тебе. Предлагаю. Поехать. Черт – полететь! В Крым. Просто так. Приставать не буду. Обещаю. Хочешь, расписку напишу?

– Да... То есть – нет! – спохватилась она. Какие расписки? О чем? Ну дурдом! Настоящий! – А если мне самой... Понимаешь?

– Не понимаю. Чего еще?

– Ну... захочется.

– С какой это стати? – Он даже удивился. Или сделал вид?

Нет, он не только фокусник, но еще и артист! И беспардонный хам! «С какой стати?» С той самой!

– С той самой! – разозлилась теперь уже она. – Если ты не забыл, я все-таки женщина! С нормальными гормонами!

– А-а-а... – догадался он и сделал такую физиономию, словно только что совершил какое-то грандиозное, уму не поддающееся открытие. Потом немного помолчал, чего-то сообразил и решительно-отрицательно замотал головой. Свою голову Федя всегда любил. Холил, лелеял и вообще тайно гордился. Своей головой он был похож на кубинского лидера Фиделя Кастро Руса в дни его боевой молодости на Плайя-Хирон.

– Не, Мариш, это вряд ли! – Ее запрос он понял по-своему, по-«медвединому». – Там в августе столько баб собирается... И таких, что тебе до них... – он махнул рукой, – как до Луны. И то голодными ходят. Мужики там в это время – большой дефицит! А уж тебе-то, с твоей внешностью... – И он огорченно и, кажется, вполне искренне махнул рукой еще раз.

Ну не сволочь, а?

– Хам! – рывкнула Марина. – Никуда я с тобой не поеду!

– Как знаешь... – Он, казалось, ничуть не огорчился. – Было бы предложено. Ты это... новый купальник себе, что ли, купи. Вот деньги.

Нет, ну как с таким медведем можно о чем-то серьезно разговаривать? С таким можно только бороться!

– Номер будем общий брать или отдельные? – спросил он уже не подходе к гостинице.

– Общий, – сказал Марина и обиженно надулась. – Нечего деньгами разбрасываться.

– Ох ты, ах ты, какая хозяйственная! Да не жмись! – Федор довольно похлопал себя по нагрудному карману. – Монета есть! Гуляй, рванина, от рубля и выше! Разрешаю!

Море весело и беззаботно плескалось совсем рядом – минут пять ходу. Шикарное место отель «Палас»! Хорошо быть молодым, богатым и глупым медведем без ревнивой супруги-медведицы, от которой шаг вправо – шаг налево приравнивается к попытке побега из родимой берлоги!

– Пойдем пожрем, – предложил он, как всегда, незатейливо, когда они наконец оформились, поднялись в номер и распаковались.

– Да, – поморщилась Марина. – Лексикон как на скотном дворе.

– При чем тут скотный двор? – удивился он.

– При том, что *пожрем*. Нормальные люди уже давным-давно кушают. Или едят.

– Это точно, – согласился он. – Правильно я все-таки сделал, что с тобой развелся. Умный я мужик.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Ты не умный. Ты богатый, – уточнила Марина и не удержалась, съязвила: – К сожалению, часто это очень разные вещи.

– Интеллигенция! – с удовольствием произнес он иностранное слово. – Где уж нам, лапотным... Ну, ты идешь или нет?

– Заказывай! – протянул он ей меню таким барственно-ленивым жестом, словно дарил корону Российской империи, и повернулся к почтительно склонившемуся официанту. – Водка у вас какая есть?

– Любая, – не моргнув глазом соврал официант. Он был профессиональным хамом высокого полета и тонкости курортной жизни знал в совершенстве. За это его, собственно, здесь и держали.

– Тогда двести, – согласился Федор.

– Какую прикажете?

– Любую. Только чтоб прямо с холодильничка. Со слезой чтоб.

– Ты чего это с утра-то? – недовольно сказала Марина, когда официант, отметив заказанные блюда, изогнулся своим беспозвоночным телом и неслышно испарился в глубине колонн.

– Хотца, – нахально ответил бывший муж. – Имею право.

– А я тогда тоже выпью, – неожиданно заявила она. – Тоже водки.

– А чего молчала? – недовольно прищурился Федор. – Надо было больше взять.

– Ага! Бутылку!

– Ух ты, ох ты! – ехидно ответил он. – Прямо заучила всего! Захочу и возьму! Имею право!

– Вот я и говорю: алкаш поганый! – согласилась Марина. – А нажрешься, я тебя в номер не пушу!

Глаза у Федора как-то сами собой округлились, а зрачки начали вращаться в разных направлениях.

– Да! Знал я, что ты нахалка, но до такой степени...

– А тебя, между прочим, никто и не просил меня с собой брать!

Федор задумался.

– Эт точно, – вынужден был согласиться он. – Инициатива наказуема. А вот и графин! – обрадовался он, когда у стола опять нарисовался почтительно-хамоватый официант с подносом, уставленным закусками и графином. – Ну, чего? Поехали? За наше случайное знакомство!

– Я тебя предупредила, – повторила Марина.

– Да, любовь – штука сложная, – согласился Федя и быстро разлил водку по рюмкам. – Не дай, как говорится, бог никому – и дай бог каждому!

«Эх, ма, тру-ля-ля, они толсты как сосиски!» – запел на сцене эстрадный певец, поразительно похожий на подходившего к ним официанта. Публика в ответ одобрительно зашумела. Певец залоснился взглядом и, не прерывая разудалого пения, радостно затряс своими брыластыми щеками. Он был уже немолод и походил на старого сытого кота-пройдоху.

– Хорошо сидим! – похвалил окружающую обстановку Федор. – Хоть иногда так вот отдохнуть, по-человечески! А то ворочаешь, ворочаешь – а для чего? А, Марин? Ребенка бы мне, что ли, родила!

– С какой это радости? – поморщилась Марина. – И вообще, мы с тобой, если ты уже позабыл, два года как в разводе. Безотцовщину рожать?

– Вот только не надо! – протестующе затряс головой Федор. – Я человек порядочный! Я от своего ребенка никогда не откажусь! Не то что некоторые!

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Ишь ты, какой благородный, – услышал он в ответ усмешку. – Прямо такой завидный дядечка жених – куда там! Может, посвататься?

– А вот этого не надо! – решительно возразил Федор и в очередной раз почти твердой рукой ухватился за горлышко графина. – Да, порядочный, и этим, между прочим, всегда гордился и горжусь!

– Хватит хлебать! – опять не выдержала Марина. – Запомни, Михайлов: я тебя на себе в номер не потащу! Хватит, натаскалась в свое время! Ты же за эти два года еще больше пожирнул! В тебе же сейчас, наверно, килограммов сто!

– Девяносто пять, – уточнил Федор. – А таскать меня никуда не надо. Я и сам еще в состоянии. Ну, чего, будем?

– Мне полрюмочки, – предупредила Марина, и в этот момент у их столика нарисовался здоровенный негр.

– Разрешите вас пригласить на танец? – галантно полусклонившись, спросил негр, вопросительно кося лошадиным лиловым глазом на Федора.

Федор тут же обиженно надулся. Марина с любопытством глядела то на негра, то на Федора.

– Да пожалуйста, – буркнул наконец обиженный. – Окажите уважение. Сделайте любезность.

– Извиняюсь, – сказала Марина. – Их бин не в настроении. Да и муж у меня очень ревнивый, – ядовито добавила она и опять стрельнула глазками в Федора. Тот насупился еще больше.

– Какой я тебе, на хрен, муж! – зашипел он на нее, когда вежливый негр отошел на неслышимое расстояние. – Ты завязывай с такими шуточками! Я тебя уже не один раз предупреждал!

– Ага! – понесло и Марину. – А ты хочешь, чтобы этот черный подумал, что я обычная проститутка?

– При чем тут проститутка? – опешил Федор. – Ты чего вообще о себе воображаешь-то?

– А ты разуй глаза, посмотри вокруг! Кто здесь с мужиками сидит?

Федор ничего непонимающе огляделся. Да, картина была более чем очевидной: то ли день был такой... игривый, то ли сезон в самом своем эротическом разгаре, но милыми семейными парами здесь сегодня даже и не пахло.

– М-да-а-а, – только и осталось сказать ему. – Тогда извиняюсь. Срочно надо выпить.

– Предупреждаю, – в третий раз повторила Марина.

– Не, ерунда это все! – продолжил Федор, хрустя маринованным огурцом. – Какая из тебя... На тебя только один раз взглянуть, сразу поймешь: обычная ба... женщина. Какой дурак на тебя клюнет?

– Ты-то клюнул, – ядовито напомнила Марина.

– Отставить! – рявкнул бывший муж. – И опять же, когда это было!

– Все, хватит пить! – решительно сказала бывшая жена. – Поднимайся! А то еще, как в прошлый раз, песни начнешь орать. Стыдись тут с тобой перед людьми.

До номера добрались довольно быстро: и десяти минут не прошло, хотя в трезвом состоянии там ходьбы – меньше минуты.

– Эх! – довольно крикнул Федор. – Хорошо посидели! Я, пожалуй, с тобой лягу!

– С какой стати? – удивилась Марина.

– Для продолжения знакомства, – пояснил тот, игриво позыркивая пьяными глазами. – Опять же на хрен, вдвоем теплее.

– А я, между прочим, не замерзла, – возразила бывшая супруга.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Вот всегда ты такая вредная, – горестно заключил бывший супруг. – Попросишь тебя о какой-то ерунде, дел-то на копейку – а нет, ты раздуешь на целый рубль!

– Только не пристраивайся, – сразу предупредила Марина. – Знаю я тебя! Тихой сапой, не успею и опомниться...

– Ох ты, ух ты! – притворно загоревал Федор. – Пожалела девство нетронутое! Чего тебе, жалко, что ли? Разочек-то?

– Так, все понятно! – разозлилась он уже не на шутку. – Иди на свой диван! Ишь ты, какой хитренький!

– Да ладно! Все пучком будет! – успокоил ее Федор, вылезая из штанов. – Я, может, и не смогу сразу-то... Навыки растерял! Все эта работа! Ну, чего ты стоишь как статуя! Ложись, не отсвечивай!

– Кстати, общая постель – не повод для продолжения, – сказал он уже утром – И вообще, хватит меня соблазнять. Тоже мне, нашлась... обольстительница!

– Во-первых, ты сам ко мне в койку первым полез, – возразила она, и была, конечно, права. – Никто тебя за уши не тянул.

– Так пьяный же был! – удивился Федя. – И вообще, нечего тут голой передо мной расхаживать! – вдруг рявкнул он. – Это ты нарочно! Я тебя сразу предупреждаю: никаких далеко идущих планов! Мы с тобой в разводе, и опять замуж я не собираюсь!

– Жениться, – сказал она.

– Чего жениться?

– Мужики женятся, а не замуж выходят. Дожил до седых му...ей, а так и не...

– Все! – И он решительно поднялся с кровати. – Мне по делам пора! Вот тебе деньги!

Развлекайся!

– Подожди, – тихо сказала она.

– Тебе чего, тысячу раз надо повторять?

– Да я не об этом... Надо тебе в трусах резинку подтянуть. Как маленький, ей-богу...

Остальные два дня прошли для Марины просто прелестно: пока Федор мотался по своим рабочим делам, она с утра до вечера купалась, загорала, сидела в кафешках, ходила по магазинам – в общем, отрывалась по полной. Отрываться было приятно и необременительно: Федор в деньгах ее не стеснял, да плюс к тому она прихватила сюда и собственных. Все правильно: праздность – это естественное состояние благополучного человека, а вот работа, что бы ни говорили разные ученые умники, всегда насилие над свободной личностью. Может быть, поэтому сегодняшние олигархи так отчаянно воруют?

Федор лишь вечером вваливался в номер заметно уставшим, тем не менее преувеличенно бодрым голосом звал ее в ресторан.

– Только без выпивки! – строго предупреждала Марина.

– Ну, двести граммов...

– Иди один!

Федор обиженно шмыгал носом, бормотал что-то вроде «Пропала жизнь!», но все-таки соглашался на «сухость».

– Вот знаю тебя, Федюк, сто миллионов лет, – задумчиво сказала Марина, – и до сих пор не пойму, когда ты врешь, а когда говоришь правду.

– Это почему же? – спросил Федор. Было понятно, что загадочность приятно тешила его самолюбие.

– Потому что физиономия у тебя уж больно рабоче-крестьянская.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

– Зато ты как акула! – вспыхнул оскорбленный в лучших чувствах и подло оскорбленный таким неслыханным коварством рабоче-крестьянин. – Тоже не поймешь: то ли ты просто пугаешь, то ли сейчас действительно укусишь.

Посидели, помолчали. Солнце плавно закатывалось за горизонт, и этим плавным и неторопливым движением создавало настроение, при котором так хорошо говорить друг другу безобидные, ни к чему не обязывающие гадости.

– Да, и с тобой не сахар, и без тебя какой-то хрен... – вздохнул Федор. – С такими бабами, как ты, жить нужно вахтовым способом: пара месяцев вместе, месяц – отдых. Как нефтяники на буровых.

– Это, Федя, не мы такие, – ответила Марина, – это жизнь такая. Постоянно напрягаться – помрешь раньше времени. Постоянно отдыхать – помрешь от скуки. Нету середины. Обидно! Да ладно, Федюк, чего понапрасну напрягаться-то! – продолжила она беспечным тоном, чтобы разрядить обстановку, и нежно-ободряющим движением погладила его по лысеющей голове. – Все равно ведь ничего не изменится. А если не изменится, то... – и опять дотронулась до его плешины. – Парик, что ли, тебе купить? Я видела, здесь есть недорогие и довольно современные. Китайцы делают. Ох уж эти китайцы! Чего они только не производят в своем Китае...

Три дня – не три года, хотя не так уж и редко бывает, что и три года пролетают как три дня. В родной город они прилетели уже поздним вечером.

– Ладно, разбежались, – сказал Федор, когда они подъехали к Марининому дому.

– Ага, – ответила она. – Спасибо за доставленное удовольствие. Привет жене и детям.

– Черт! – выругался Федор. – Я же подарки забыл купить!

– Ох, Михайлов! – покачала головой Марина и, перегнувшись, достала с заднего сидения большую полиэтиленовую сумку. – Вот твоей Марусе махровый халат, а ребятам – игрушки.

– Когда же ты успела? – удивился он.

– Успела... Я всегда все успеваю.

– Да... – Казалось, он даже расстроился. – Я иногда думаю, может, зря мы разбежались-то?

– Да брось! – легкомысленно махнула она рукой. – Ничего не зря! И жалеть ни о чем не надо! У тебя семья, детишки. У меня... – она на мгновение замолчала, потом преувеличенно бодро продолжила: – ...тоже все нормально.

Посидели, помолчали. Да, пора расставаться!

– Федь, я знаешь, чему удивляюсь? – вдруг спросила Марина. – Почему она тебе не изменяет? Или все-таки погуливает? А?

– Да ты что! – он даже испугался. – Какая гульба! Два пацана!

– Нет, не два, – ядовито поправил Марина и ткнула пальцем в его сторону. – Три!

– Я... – «якнул» возмущенно Федор, но она не дала ему договорить.

– Ну, все! Звони, если чего!

Она вышла из машины и пошла в свою квартиру. Федор нажал на газ и поехал к себе. Дома его ждала супруга и двое очаровательных сыновей-двойняшек, правда, не родных, а рожденных Марусей в первом браке. Впрочем, Федор был им неплохим отцом, а Марусе – нормальным мужем, к тому же и на работе его тоже ценили и уважали.

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)



НЕЖНЫЕ ГРАБЛИ

Николай Петрович купил новые грабли для уборки мусора с газона своего дачного участка. Покупка оказалась удачной: грабли не рыли землю, не рвали траву, а как будто нежно гладили газон, снимая только то, что нужно: прошлогодние листья, веточки, окурки и бумажки, принесенные ветром. Даже когда Николай Петрович по рассеянности наступал на грабли, они не били его по лбу, а будто нежно гладили по щеке и причёсывали поредевшие волосы.

В инструкции было написано, что грабли сделаны по современной нанотехнологии в рамках программы конверсии оборонной промышленности. «Надо же», – подумал Николай Петрович и освободил в кладовке угол от грязных лопат, заржавевших вил и допотопных мотыг. Тщательно вымел пол, постелил коврик, смахнул пыль со стен и аккуратно поместил в угол новые грабли.

Шло время. Газон сверкал свежей зеленью и искрился первыми цветочками. Вроде бы и нужды уже не было, но Николай Петрович каждое утро доставал из угла грабли и нежно гладил ими траву. Так ему это понравилось. Даже само прикосновение к гладкой, теплой на ощупь поверхности черенка было приятным. Время на даче тянулось медленно, делать было нечего, и Николай Петрович иногда доставал свои грабли даже днем, а то и вечером. Просто держал их в руках, проводил пальцами по черенку и осторожно касался тонких прутьев, сделанных из неизвестного конверсионного материала. Прутья под его пальцами слегка вибрировали.

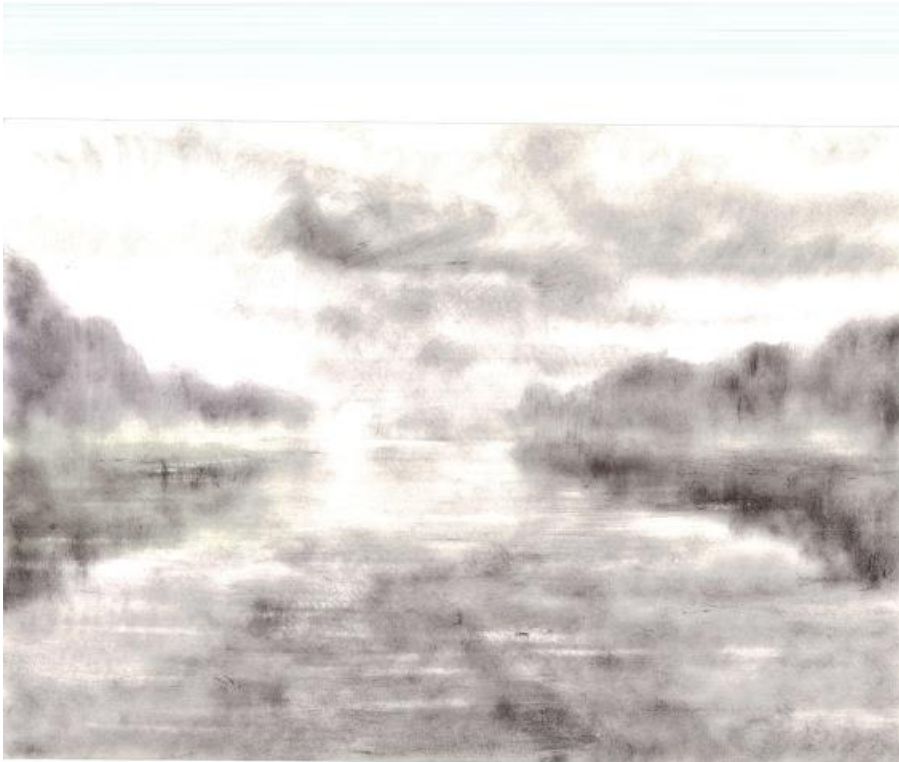
А еще Николай Петрович заметил, что если слегка постукивать по черенку или тихонько перебирать прутья кончиками пальцев, как перебирают струны мандолины, то грабли начинают издавать мелодичные звуки. Так Николай Петрович начал использовать грабли как музыкальный инструмент. Тихими летними вечерами он любил перед сном поиграть на граблях, выводя нежные, убаюкивающие мелодии. Да подчас и засыпал с граблями в руках. И тогда ему снились странные романтические сны, в которых он был молодым и красивым, и его сопровождали молодые и красивые девушки в летних легких одеждах, всегда на лугу среди сочной травы и ярких цветов, где Николай Петрович и занимался с ними любовью.

Теперь граблям было не место в темной кладовке, и Николай Петрович хранил их в своей комнате, между кроватью и журнальным столиком. Казалось, грабли оценили такое к ним отношение и по вечерам издаваемые ими звуки все больше становились похожими на нежный голос, какой могли бы иметь девушки из снов Николая Петровича.

И надо же было такому случиться, что как-то в субботу появился давнишний приятель, которому было скучно и который хотел выпить. Они сидели за журнальным столиком, вспоминали веселое молодое время, пили и разговаривали. Николай Петрович не мог не похвастаться новыми граблями, играл на них мелодии юности и пел вместе с приятелем старые песни. Они напились, приятель ушел за полночь, а Николай Петрович так и уснул с граблями в руках, едва его голова коснулась подушки.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Ночью Николаю Петровичу снилось вообще черт-те что, но утром он все забыл. Проснулся, с удивлением обнаружил в своих руках грабли и хотел поставить их на место. Случайно коснулся прутьев, и грабли нежно и жалобно пропели: «Вот и ночь прошла. Где любимый наш? Ах, что делать нам – мы беременны».



О. Иванов. Рассвет



О. Иванов. Рассвет, поле

ПРОЗА



Баадур Чхатарашвили

(Тбюилиси, Грузия)

MODERATO CANTABILE: УМЕРЕННО И ПЕВУЧЕ

*Юмол пребывает в своем небесном доме
на золотом престоле,
откуда ему видны все дела людские...
Мифология мера*

*Стол был накрыт, и вино играло,
и светловолоса была хозяйка...
Йейтс*

*При благосклонном молчании луны...
Вергилий*

...А как доподлинно известно, под безмятежным отсветом златорогой спутницы ночной ничто не ново, ибо история, которую я нынче расскажу, как будто бы перенесена из солнечной Тосканы на сумеречный русский Север с разрывом временным в шесть сотен лет: «Декамерон» бессмертен, дамы и господа!

1. Место

От вепсов, от Мальгоры, по лесам, меж болот сбегают к Волге две резвые речушки – Раса и Умора.

Там, где сосны и ели, там, где еще можно набрести в чащобе на затаившиеся от беспощадного топора дровосека шершавые дубы, там Умора кольцом оборачивается кругом густого ольховника, а у озера, что жадно выпивает струи Расы, стоит городок: уцелевший через лихолетье набегов прежний кремль, да с былых достатков – добротный лабаз. Рядышком бывшая гимназия: колоннада, резной фриз – при последнем императоре наследник именитых мануфактурщиков расстарался. Чуть поодаль сама – скончавшаяся в перестройку – мануфактура. Окрест – сбегаящие к озерной глади ряды вросших в землю избушек, за ними – привокзальная площадь с непрсыхающей и незамерзающей даже в самые лютые морозы зловонной лужей. Сразу за шпалами разбросаны по кочковатой пустоши тронутые коростой пятиэтажки. А дальше уже и край болота, и над подступившими к самым стенам зыбкими топами – порченным зубом, шаткий под порывами верховой заверти, оцетинившийся дымниками времянок короб малосемейки.

2. Время

В этом обиталище я и взял внаем келью, когда с болота потянуло последней влагой, сгнула мошकारа и пропахший прелью и осенним грибом, еще вчера полный шумной жизни лес затих в предчувствии скорого снега. Пришли звонкие черные ночи; ночи, когда смущенные безлуньем воют в тоске собаки и зеленым светляком мерцает в подлеске недобрый волчий глаз. Горожане, прибрав в тепло дары скудных дачных наделов, готовились зимовать. Детишки с пустыря перебрались в парадные, в темные коридоры коммуналок.

За день до Покрова прилетела с Волги белогривая крутелица, студеная, злая – сразу промерзли худые стены, ногам стало больно ступать по простывшему, хрусткому полу.

3. Быт

Отошли те времена, когда работяги приносили с промысла живые деньги: теперь мужики табунами валили в присутствие, садились на пособие. Бабы шли в челночницы – кормить домочадцев. Исчезли привычные ряженка и кефир, принаравливались к буржуйскому йогурту. Хлеб взамен буханок стали выпекать безвкусными батонами. Поплохела водка. Упали в цене гробы – спрос сделался большой, оттого и подешевели.

4. Кров

В малосемейке коридоры в пятьдесят шагов, десять рядов один над другим. Лифт давно умер, по ступеням весь день нескончаемый людской поток: вверх – строго по стеночке, вниз – вдоль разбитых перил. В коридорах глядят друг на друга обтянутые траурным дерматином хлипкие двери, и еле различимые в потемках дети, неслышно переступая валяной обувкой, затевают безмолвные игры. Тепла не хватает, и тогда в ночи обитатели согреваются короткими объятиями, и сквозь бетон стен и потолков проникает из ячейки в ячейку жалобный плач кроватных пружин.

5. Соседи

Таких, с которыми я состоял в приятельных отношениях, насчитывалось две пары, проживавшие: первая (более зрелых лет) – дверь в дверь со мной, вторая (только-только оперившиеся желторотики) – в следующей за моей, покорной всем ветрам угловой клетушке.

Фронтальные: она – из тех пышнотелых, нахально-красивых, за которыми нужен строгий догляд; он – гладкий, щекастый, с безусым ликом скопца, за фотографическое сходство с убиенным флавианцами императором-обжорой окрещенный мною Вителлием (не обижался). Несмотря на царящую разруху, бездетная пара отнюдь не бедствовала: толстяк, бывший снабженец почившей мануфактуры, проторил дорожку в польский город Лодзь, на выдавшем виды жигуленке тягал от пшеков мебель – тысяча шестьсот верст по разбитым дорогам, через бандитские блокпосты, через беспределивших гаишников. На одноосном прицепе доставлял за раз диванную тройку либо кухонный гарнитур. С оттепели и до первого снега успевал сделать пять-шесть ездов, после каждой неделю-другую поправлял утомленный дорожными страстями рассудок и вновь катил: Смоленск – Барановичи – Брест... Обстановку с руками отрывали уже точечно проклюнувшиеся в городе новые русские. Хоть накладные расходы от раза к разу умножались, но к холодам у супругов собирался приличный, суливший сытую зимовку прибыток...

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

Угловые: она – анемичная, страдавшая нескончаемой ангиной, мигренями и бессонницей, оттого склонная к истерическим припадкам; он – смазливый, увертливый, с гибкими в запястьях ручонками, убегающим от собеседника взглядом, общительный до назойливости. Знал с полдюжины умных слов, кропал стишки разной степени неумелости и при каждом удобном случае декламировал убогие эти вирши, вгоняя в тоску подневольных слушателей. Мученики терпели надругательство из низкопоклонства, ибо Кобелек (опять же моими стараниями приставшее погоняло) в силу служебного положения – а трудился он экспедитором угнездившегося в области регионального отростка торговавшей горячительными напитками столичной конторы – был приближен к властям и водил дружбу с главарями смотрящей за городом бандитской ватаги.

Ушлый малец, экспедируя напитки от своей шарашки, параллельно приторговывал копеечной водкой сомнительного происхождения – спрос был бешеный, отпускал он поллитровку по цене хлебного батона, одна незадача – воспротивились подобной коммерции монополизировавшие реализацию общедоступного алкоголя будочники армяне, пообещали гаеру за обвал цены на паленку суровую расправу.

Однако сосед оказался не лыком шит: на микрорайон заявили крышевавшие городскую торговлю Дрон и Котеля, побили будочников до членовредительства, вдребезги разнесли пару ларьков и выставили ультиматум: дотемна торгуют своим бухлом, после и до утра тем, что будут получать от Кобелька и по назначенной им цене, имея с продаж десятипроцентный навар.

Как говорят в народе, против лома нет приема – армяне после нововведения приуныли, но покорились, а Кобелек, наоборот, расцвел и ходил гоголем.

Ко мне оба семейства испытывали нежнейшие чувства – из-за удивительной нерадивости городских управленцев в утопавшем в лесах местечке дров было не достать, у меня же на хозяйстве топорщились горбылем штабеля обрезков. В промерзшее стойло возвращался я обычно среди ночи, отсюда – договоренность: по воскресным дням поставлялся в наши хоромы недельный запас топлива на всех, а Вителлий с Кобельком попеременно протапливали комнатку к моему приходу. Так и жили; у Вителлия чуть ли не каждый вечер затевались премилые журфиксы – Кобелек изощрялся: усмирив снотворным недужливую супругницу, потчевал соседей изысканными напитками. Морозы крепчали, ночи становились длиннее, завирухи злее – Юмол ярился...

6. Действо

Николин день. К сумеркам раскричался красногрудый снегирь-пересмешник. До зубной боли, до пупырей по запрятанной под семью одежками коже верещит бензопила. Наконец – тишина: свалены неохватные ели и обрубленные их лапы стелются по усыпанному корьем насту остро пахнущим ковром. Черной стеной наползает ночь, месяц угольком мигает над остриями будущих жертв. В лунном мареве повергнутый лапник отбрасывает причудливые короткие тени – будто бы униженные ветви пытаются отползти, укрыться за грозно встопорщенным можжевельным кустом. Хлопотливая случилась неделя, суматошливая: работягам для поднятия духа штоф спирта, ведро кипятка в радиатор, и, примяв рылом «бобика» непокорный яловец, на просеку – айда в тепло, на постой.

Ночная езда по замерзшим кочкарникам совсем не в радость, но каждая колея где-нибудь да заканчивается: светало, в тусклом свете фар обозначилось родное логовище. Уже в разоренном парадном послышались свидетельствующие о ссоре, скандале и вероятном мордобитии крики и бранные слова, что для коммуны было не в новость, но, карабкаясь по

заледенелым ступеням, заподозрил я: события разворачивались на нашем этаже, мало того, казалось, вопли доносились с места проживания дружной триады. И я не ошибся: свернув в коридор, различил в мельтешащих лучах разномастных фонариков толпу любопытствующих, протискивавшихся сквозь скопище стражей правопорядка, и влекомого последними, облаченного в одни только цветастые трусы Вителлия. Следом, простоволосая и босая, в наспех накинутом на округлости махровом халате, семенила предпринимавшая попытки задрапировать муженька одеялом зазноба задержанного, однако тот движением мощных плеч покров сбрасывал и старался на ходу лягнуть дражайшую половину да вдобавок безостановочно поливал ее отборной бранью.

За авансценой пара преторианцев вламывалась в кобелькову конурку, из-за двери которой сквозь общий гвалт пробивался обреченный клочок предположительно удушаемого существа. Фантасмагория длилась минуту-другую: дверь наконец взломали, Кобелька, почему-то обернутого в простыню, уволокли вслед за Вителлием, полузадушенную женушку бутлегера увезла неотложка, подруга мебельщика с места происшествия под шумок улизнула, продрогшие обитатели богадельни растворились во мраке...

Мне ничего не оставалось, как отпереть собственную дверь, подбросить дров в остывавшую уже печурку, поставить на огонь чайник и для успокоения смущенной случившимся нервной системы принять стопку анисовой.

На огонек заглянул милицейский лейтенант, попросил подсобить – предстояло ему опечатать жилища фигурантов – и испросил разрешения воспользоваться моей жилплощадью для опроса свидетелей.

Один-единственный очевидец, проживавший во второй угловой камерке, непьющий и оттого вечно хмурый электрик близлежащей пекарни поведал, что, возвращаясь со смены, наткнулся на устремившегося диким скоком в свое жилье абсолютно голого Кобелька, при этом из распахнутой двери мебельного семейства слышались топотня и треск побоев. Медлить он не стал, побежал в ближайший опорный пункт за подмогой, когда же вернулся с опричниками, вооруженный кухонным ножом Вителлий ломился к соседу, обещая прикончить осквернителя супружеского ложа мелкими ударами.

Разгадку образовавшегося казуса поведал мне вечером следующего дня тот самый, оказавшийся нашим околотошным, лейтенант, что учинил в моем присутствии допрос единственному свидетелю потасовки. Призвав меня в понятия при снятии печати с двери вино-водочной квартирки – нужно было снести в предварилочку какую-нибудь одежонку для так и пребывавшего при одной простыне фигуранта, – поделился, что добился прояснения обстоятельств заварушки, прищемив пребывавшую после нервического припадка в лечебнице благоверную незадачливого душителя, которая, собственно, и оказалась главным устроителем разыгравшегося трагифарса.

Вновь навесив печати, мы уединились в моем пристанище, я выставил литр анисовой и весь обратился в слух. Привожу рассказ участкового с сохранением авторской лексики и эмоционального фона.

– Слышь, грузин, думал, заплутаю, уж больно закомыристая история: мужики среди ночи скачут в чем мать родила, сопляк жинку удавить норовит, Витька – это которого ты на заграничный манер обзываешь – свою мордует, после с тесаком мечется, и все, заметь, в молчанку играют, да и свидетелей, считай, нет...

Поначалу я грешным делом решил, что они, кабельного насмотревшись, группенсек затеяли и чего-то при этом не поделили, но не складывалось – мебельщик-то ревнивый хуже арапа: как в ездку, так мамашу в дом вселяет за ненаглядной присматривать... После прикинул: раз мелкий от Витьки голышом драпанул, значит шмотье он где-то там, на двадцати

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

квадратных метрах забыл. Обнюхал всю нору – из мужского только Витькин размер, разве что трусы-ласточки на тощую задницу в разоренной постели нашел, получалось – торгош на место действия без штанов проник...

На столе бутылки недопитые – коньяк, сухое, я их в пакет – и в аптеку, что возле лабаза, там теща моя провизором. Сую ей пузыри, говорю: определяй, родная, чего там есть постороннего, дело особой важности разбираю!.. Она в смех: это, говорит, с Витькиной хаты? Весь город уже потешается... Плеснула вина в колбу, выпарила до порошка, остудила, кислоты капнула – сразу пожелтело что твой лимон. Димедрол, говорит, или какой его родственник, больше я тебе с моей кухней ничего сказать не могу. А мне больше и не надо, сгреб пузыри и бегом в больничку.

Недодушенная поначалу в несознанку ушла: ничего, мол, не знаю, спала, ворвался, набросился, наверное, спяну... Тут я ей тару предъявил, пригрозил, что дактилоскописта вызову, пальчики ейные скатаем, но тогда уже делу ход придется давать. Она и потекла, колотья стала, да с такой ненавистью: жало выставила, яд так и капает. Если бы слова убивать могли, заимели бы мы тотчас парочку жмуриков... Интересная у тебя водка: лекарством отдает, а согревает лучше бани, и голова при этом ясная.

В общем, так, любовь там разыгралась нешуточная с плотским уклоном: сморчок запал на Витькину бабу – и с полной взаимностью, но любовь – она уестествления организма требует, а свиданку голубкам обустроить негде. Витька как отъездился, дома засел, у пацаненка хворающая мозгоедка на госпитальном положении, на дворе мороз да вьюга, не перепихнешься в ближнем лесочке на скорую руку. Думали у тебя, ты же им ключ доверил, чтоб кочегарили, да боязно: считай, под самым носом у ревнивца.

Вот тогда-то щенок и сообразил: снотворного в доме хоть жопой жри, выпивки – залейся; стал он, как болезнь свою таблетками усыпит, к соседям наведываться, да не с пустыми руками. И затеялась у них веселая жизнь.

Что они там чуть не каждый вечер гужбанили – весь околоток знал и завидовал, а вот насчет того, что при живом муже еще и развратничали, учитывая Витькин буйный нор, и подумать никто не мог. А дело просто делалось: ревнивец еще при снабженческой своей биографии к качественным напиткам пристрастился, водкой брезговал, коньяк ему подавай, вот крысенок ему и таскал – то «Плиску», то армянский, только наперед добавлял в пойло шприцом димедрол разведенного. Сам же с любодейкой винишком баловались. Тебя в расчет не принимали – по занятости заглядывал ты на погулянки нечасто, да если и заходил, то со своей аптечной, всяк знает: другой ты не употребляешь... А ведь хороша, зараза, нацеди-ка еще стопарик...

Ну, дальше и объяснять-то нечего: попьют, попоют, разомлеют – угощальщик восвоится, хозяйева в койку, а через полчаса, как Витьку беспробудный сон сморит, красавица дверь отмыкает, сосед внутрь проникает, и чем они после занимались – догадывайся сам.

А теперь смотри: стерва эта, вечно больная, прознала в конце концов про ночные отлучки муженька – может, доброхот какой донес, а может, сама вычислила – и задумала черное дело. Водочный король, вечерком заявившись, ужинал, после спускался к будочникам – глянуть, как торговля идет, а покончив с делами, страдальцу лекарствами поил, и как засыпала, так сразу в гости. Вчера около сумерек, когда салажонок отправился армян инспектировать, отмстительница и заправила винишко снотворным, да не пожалела лекарства, хорошо, не очоурились любовнички.

Теперь займемся реконструкцией событий: думаю, на рассвете Витю сушняк одолел, проснулся – ну как со сна не тиснуть милку за бочок, – протянул руку и взамен жаркого тела

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

нащупал что-то совсем другое. Остальное ты сам видел. Слушай, ведь вправду хороша твоя водочка, легче дышится после нее. Дорогая?

– Если болгарскую брать, то почти по цене обычной, а греческая вдвое дороже. Ты мне вот чего скажи: что теперь с этими негодниками будет?

– А ничего не будет: жертв нет, членовредительства нет, материального ущерба движимому и недвижимому – нет. Что их, за блядки да мордобой под статью подводить? Тогда за похожесть полгорода пересажать придется. Предъявит мне Витька живую беглянку, отпущу вахлаков и дело закрою, а меж собой пусть сами разбираются...

7. Coda

Так и вышло: другим утром Вителлий отконвоировал к родным стенам схоронившуюся у родичей шаловливую спутницу дней своих нелегких, подверг ее телесной экзекуции – вопли распутницы у стен древнего кремля слышны были – и замкнулся с ней в «великой схиме».

Кобелька никто не видел, разве что глубокой ночью различил я сквозь сон шелест осторожных шагов, скрип дверных петель, и вновь кто-то прокрался мимо моего порога вспять.

А на утро я бежал от промерзших стен обители блаженных к русской печи в избу бабы Клавы, оплатив постой казенной саженью смолистых дровишек...

О ПОЛЬЗЕ НАГЛЯДНОЙ АГИТАЦИИ

Наглядная агитация – вид средств агитации, состоящий из печатной, реже – рисованной продукции.
Юридический словарь

В далеком «социалистическом вчера» толковые книжки приходилось добывать у барыг, подписки на многотомники и вожделенную «Иностранку» – через допущенных к лимитам чинуш, стародавние издания – у алчных букинистов. Однако слуга ваш покорный не брезговал и щедротами «Книготорга», ибо скооперировавшиеся с перекупщиками жулики-товароведы избытком интеллекта обычно не отличались и, изымая из легального оборота ходовой товар, порой пропускали на прилавки вполне годное чтиво.

Году этак в семидесятом (прошлого века, естественно), разгребая пласты разложенной на прилавке политеховской книжной лавки «макулатуры», наткнулся я на книжку в мягкой обложке: Алехо Карпентьер – имя мне незнакомое, что удивило, ибо читателем я себя мнил уже тертым. «Потерянные следы». Роман. Издательство «Прогресс». Заглянул в предисловие: «...прогрессивный кубинский писатель, атташе по культуре посольства Кубы в Париже».

С творчеством Хосе Марти я знаком еще не был, «Сон кубинских негров» Гарсиа Лорки, как и творчество самого «кубинского негра»¹⁸, хоть и сталинского лауреата, позитивных эмоций не вызывало. Куба ассоциировалась с весьма романтической, но отнюдь не поэтичной фигурой сурового команданте, так что вожделения обладать вышеназванным романом я не ощутил, но – смутила обложка, вернее, оформление оной: стилизованное под гравюру черно-белое изображение пышной флоры, сквозь листву которой проглядывали обнаженные округлости не

¹⁸ Николас Гильен.

Московский BAZAR № 1 (36) 2021 г.

менее пышнотелой фемины... Визуал победил, и, набрав в тощем студенческом кармане что-то около двух рублей мелочью, направился я к кассе.

Шедевр великолепного Алехо Карпентьера-и-Вальмонта я проглотил за ночь, при этом после первых же страниц визуал уступил позицию дискрету – проза кубинца действовала на молодые извилины как выдержанное вино: обволакивала сознание, рассеивала мысли, одновременно – возбуждала. Карпентьер оказался гиперэротичен каждой фразой, каждой строкой, каждым абзацем. Что добавить? К утру середьш мой был раздавлен, уничтожен; отдышавшись, пришлось сызнава начинать его построение, и только отошел я от потрясения, как почтальон принес свежий номер «Иностранки» – в оглавлении среди прочего значилось: Габриэль Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества»...

Не скажу, что магический реализм являлся для меня тогдашним новым блюдом – пятитомник Гоголя был зачитан до дыр, да и с кудесником Гофманом состоял я в близком знакомстве. Уже ходили по рукам «продвинутой» молодежи альбомы репродукций Дали, уже издавали – хоть и с опаской – отдельные рассказы Кафки, но кружевные, барочные и одновременно жесткие, как выстрелы, словеса латиноамериканцев смущали неокрепшую мою душу сильнее самой изысканной наркоты. Началось медленное погружение в бездонный омут: романтик-некрофил Хуан Рульфо; волюнтарист Фуэнтес; до боли пронзительный Отеро Сильва; сулящий неожиданные откровения, утонченно-развратный Варгас Льоса; буднично-мистичный Бийо Касарес; изящно заумствующий, беспощадный Кортасар; ожививший тени пращуров Астуриас; воинствующий бунтарь Сабато... Короче говоря, вся многоликая когорта творцов – полнокровных, жаждущих титанических страстей и напивавших пьянящим словом, поспешавших жить и создавать новый, дерзкий уклад этой жизни, – и колоссальный массив их поэзии, от пока еще недопонятого, опередившего бег времени Рубена Дарио до преисполненного горечи всезнания Пабло Неруды. И, наконец, разгадавший все тайны мироздания, и оттого бесконечно печальный Борхес...

Омут этот алчен, он не отдает утопленников, ибо он для них – пожизненный лицей строжайших правил обучения и последующего служения ему же...

В завершение сего путаного текста – ремарка, позаимствованная у последнего мечтателя современности: «Единственное, что надо делать писателям, которые считают себя членами “мафии” магического реализма, – это просто верить в реальность, не пытаясь ее объяснить. Пусть ее объясняют критики, ученые, социологи и кто там еще...» (Габриэль Хосе де ла Конкордиа «Габо» Гарсиа Маркес).



О. Иванов. Сумерки

ПРОЗА

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)



ШУРКА

Ленинград, январь 1942 г.

Петрович уже двое суток замерзал на голом матрасе, накрывшись пледом, бушлатом и пальто. Хорошо хоть, что ноги были обуты в неснимаемые старые валенки. Квартира стояла пустая и стылая. Последнее чучело головы кабана днями распотрошили и съели. Соседи давно не появлялись, а кого-то, видать, уже отвезли. Одолевал голод и холод, но воспоминания все же не давали заснуть:

«Хорошо, что жена с дочкой нынче где-то там, за Уралом. А мы уж тут с Шуркой как-нибудь доживем... Правда, как дожить на одну пайку хлеба?»

Петрович слышал у своего уха тяжелое дыхание волка, лежащего рядом, и нервные подергивания его лап радовали: «Жив Шурка! Видать, что-то свое чует».

Вспомнилось, как лет пятнадцать назад, приехав под Красноярск поохотиться на кабана, выпросил этого махонького волчонка у охотников, убивших волчицу. Привез в Ленинград. Сашенька, дочурка, назвала его Шуркой.

Петрович открыл глаза. Рядом с матрасом лежала неотоваренная за два дня хлебная карточка. Очень хотелось есть и пить, но сил подняться уже не было. Кидало в дрему. Но воспоминания не отпускали.

«В сороковом году полетел с Шуркой в его места, под Красноярск. Стоял январь. Снег по колено. Местные охотники устроили гон на кабана с собаками. Попросили меня не пускать Шурку с собаками – разгонит всех. Оставил его на привязи у базы. Охотников с собаками отвезли подальше километров на десять. Пошли искать кабаньи следы. Кручусь в кустах с двустволкой. Смотрю, ломая кусты, на меня несется секач с огромными клыками, щетина дыбом, уши торчком, а мимо пронесется невесть откуда-то появившийся Шурка и бросается сзади на него. Я с испугу выстрелил дуплетом кабана в голову, и он замертво осел на снег.

Спас мне жизнь тогда Шурка... Сорвался с привязи, почуяв беду.

И я в обиду его не дам. Ведь он людям верит, а они его убьют с голодухи».

Глаза Петровича были полузакрыты. Голод и холод отступили.

Так и нашли их двоих спустя несколько дней, уснувших навсегда в счастливых воспоминаниях...

ПУБЛИЦИСТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

*Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН – ЗЕРКАЛО ПРОШЛОГО, В КОТОРОМ ОТРАЖАЕТСЯ БУДУЩЕЕ



Мысль о том, что история человечества развивается по спирали, уже давно стала шаблоном, и многие прибегают к ней, просто как к устойчивому выражению. Между тем в ней заложен довольно глубокий смысл, понять который можно благодаря исторической литературе. Ведь произведения данного жанра это не просто интересный рассказ о делах давно минувших лет, это зеркало, в отражении которого можно разглядеть будущее. Ярким доказательство этого можно считать роман Лиона Фейхтвангера «Лже-Нерон».

История создания

Великий немецкий писатель часто обращался к исторической тематике. Согласно официальной версии, даже идея «Лже-Нерона» родилась у него в процессе работы над другим историческим произведением – так называемой «Иудейской эпопеей». Это большая трилогия об Иосифе Флавии, историке, политике и военачальнике римской Иудеи первого века нашей эры. По признанию самого Фейхтвангера, поначалу это была лишь туманная задумка и со временем он даже стал забывать о ней. Так что, может быть, «Лже-Нерон» так и не появился бы на свет, но вскоре события на родине писателя подтолкнули его к тому, чтобы взяться за работу всерьез.

Толчком этим стал приход к власти Гитлера. Будучи гражданином Германии и евреем по происхождению, Фейхтвангер решил покинуть страну и обосновался во Франции. Там он и начал работу над новым романом, поставив перед собой совершенно новаторскую для того времени цель. Писатель задумал на примере реальных исторических событий, происходивших почти две тысячи лет назад, предсказать судьбу только что созданного Третьего рейха. В итоге «Лже-Нерон» увидел свет в 1936 году. Это был период максимального расцвета фашистских идей в Германии, и многим читателям тогда показалось что параллели, приведенные автором, притянуты за уши и не имеют ничего общего с реальностью.

Сюжет

В основу романа положены реальные события в одной из восточных провинций Рима. Через несколько лет после смерти печально известного Нерона в Малой Азии началось восстание. Возглавил его якобы сам император, который выжил благодаря счастливой случайности. На самом деле это был самозванец – некий Теренций Мáксим. В силу объективных причин (тяжелое экономическое положение, кризис политической системы и т. д.) на какое-то время мятежник обрел популярность в народе, а его движение получило поддержку местных политиков и военных. Однако восстание быстро сошло на нет – присланные из Рима войска разбили бунтовщиков, а самозванца схватили и казнили.

Роман начинается с того, что некие римские политики задумывают повернуть небольшую интригу, для которой им нужен человек, способный на время изобразить покойного императора. Ему отводится роль шута, он должен стать просто ширмой, за которой сильные мира сего будут обстригать свои делишки. Поначалу все так и происходит. Но дальше события выходят из-под контроля, и ничтожный клоун начинает искренне верить в собственное величие. И теперь уже свита, что совсем недавно без труда играла короля, становится его жертвой, ужасаясь тому, какого кровожадного монстра она взрастила. Что-то напоминает, не правда ли?

Исторические параллели

По мере развития сюжета становится совершенно очевидно, что Фейхтвангер ставит знак равенства между самозванцем Теренцием и Адольфом Гитлером. Писатель ярко рисует неожиданный взлет главного героя от полной неизвестности к практически безграничной власти. И то, как Теренций ведет себя, оказавшись на ее вершине, доказывает его полную несостоятельность как большого политика. Но трагедия данного персонажа как раз в том, что со временем к нему приходит полная уверенность в собственной избранности. Бывший мелкий горшечник уже не сомневается, что высшие силы возложили на него важнейшую историческую миссию. Все это, безусловно, роднит героя романа с Адольфом Гитлером.

Взглянув на роман под таким углом, можно заметить одну интересную закономерность. Описанные события далекой древности в точности повторяют путь Гитлера. Судите сами.

1. В романе поводом для восстания стало наводнение в Апомее, которое устроили сторонники Теренция, обвинив местную христианскую общину. Это явная параллель с поджогом Рейхстага 27 февраля 1933 года, в котором обвинили немецких коммунистов.
2. Дальше Лже-Нерон устраивает показательный суд над христианским пророком Патмосом, что повторяет суд над болгарским коммунистом Димитровым, который проходил в сентябре-декабре 1933 года в Лейпциге.
3. Пользуясь этой ситуацией, сторонники Лже-Нерона устраивают «неделю ножей и кинжалов», а в 1934–1935 гг. по всей Германии прокатилась волна фашистских погромов. Тут можно отметить, что и повстанцы Лже-Нерона, и нацисты Германии в ходе указанных событий показательно сжигали на площадях книги идеологических противников. Интересный штрих.
4. На следующем этапе уже новые сторонники Теренция устраивают массовую резню, в ходе которой уничтожают старых приверженцев самозванца, фактически приведших его к власти. В истории фашистской Германии тоже есть похожая страница – так

называемая «ночь длинных ножей», то есть массовое убийство недовольных штурмовиков Рэма 30 июня 1934 года.

5. И, наконец, убийство римского лейтенанта Люция, который отказался признать в Теренции императора и хотел разоблачить его, совпадает с убийством немецкого генерала Шлейхера, который был невероятно популярен среди немецких военных и намеревался составить оппозицию малоизвестному Гитлеру.

Рядом с Теренцием, реальной исторической личностью, в романе действуют также вымышленные персонажи. В них Фейхтвангер воплощает образы реальных людей из ближайшего окружения Гитлера и немецкого общества в целом. Например, обиженный центральной римской властью, сосланный в далекую провинцию полковник Фронтон. Он олицетворяет всех немецких военных. После поражения в Первой мировой войне обычные солдаты, которые, по сути, просто сражались за родину, оказались в положении всеми презираемых людей. Часто их даже не брали на нормальную работу, ссылаясь именно на армейское прошлое. Поэтому в приходе к власти фашистов поначалу они увидели шанс вернуть прежнее уважение к армии, а потому не задумываясь оказали Гитлеру поддержку, о чем в последствии многие пожалели. Литературный полковник Фронтон проходит в романе точно такой же путь.

В образе неугомонного подстрекателя Требона видно явное сходство с Герингом, который в гитлеровской Германии считался главным идеологом «наступательной войны ради расширения жизненного пространства Третьего рейха». Есть в романе и образ Геббельса – озлобленный на всех и вся, бывший раб Кнопс, который на страницах произведения почти дословно повторяет изречения своего прототипа, например в одном из эпизодов Кнопс произносит: «Чем вранье наглее, тем скорее в него поверят».

Также в некоторых персонажах можно обнаружить сходство с политиками ведущих стран старой Европы той эпохи. Это прожженный интриган Варрон, цари соседних владений Филипп и Маллук. Они видят в восстании Теренция возможность получить мелкие сиюминутные выгоды для себя лично и не думают о чудовищных последствиях для миллионов простых людей.

Прошлое – зеркало будущего

Таким образом, в романе очень много достаточно явных параллелей, которые автор провел с одной только целью. Историческим романом «Лже-Нерон» Фейхтвангер предрекал Гитлеру такой же скорый и бесславный конец, который постиг самозванного императора горшечника Теренция. Напомню, что на дворе тогда был 1936 год. Третий рейх лишь набирал силу и подходил к пику могущества. Но великий писатель уже тогда знал, чем все это кончится. И это неудивительно, ведь история человечества развивается по спирали и чтобы предвидеть будущее, нужно всего лишь взглянуть в прошлое.

ПОЭЗИЯ

Юлия Сорокина

(МОССАЛИТ, Москва)



Бабушке

Что за жизнь моя собачья?
То кусаюсь, то скулю.
Не дождутся – не заплачу.
Отыграю, отлюблю.

Отболит мое сердечко
И отмается душа –
Я присяду на крылечко,
Надышаться не спеша

Этим яблочным туманом,
Этой дымкой костровой.
Позову, но снова мама
Не узнает голос мой.

И уткнусь, чтоб не заплакать,
В ситец кофточки простой.
Я, как старая собака,
Охраняю дом пустой.

Стою

На виражах, на рубежах,
На одиночестве падений,
На полуслове, на ножах,
На полутоне, полутени,

На островке, на волоске,
На невозможности покоя,
На полустанке, налегке,
На ожиданье бестолковом,

На колеях, на расстанях,
На крике, брошенном в пустыню,
На тонком льду, на полыньях,
Твердя единственное имя,

Стою. Стою. И как идти?
Ведь с каждым шагом взгляд твой
строже.
Но коль даешь ты мне пути,
То дай и сил пройти их, боже.

Октябри

Такие нынче октябри,
Такая нынче наша осень,
Что все в костре ее горит,
Как будто не было и вовсе

Ни майских гроз, ни облаков,
Ни звезд на низком небосклоне.
Забыты томики стихов
На пыльной полке в старом доме.

В том доме, запертом на ключ,
Закрыты ставнями все окна:
Не прокрадется солнца луч,
Чтобы согреть приют холодный.

А летом было так светло
И от объятий нежных жарко.
Но все разбито, как стекло,
И ничего уже не жалко.

А дом стоит – и значит, жить.
И значит, набираться силы.
Калитку до весны закрыть
И позабыть о том, что было.

Что от осколков след рубцом,
Что боль безжалостно клыкаста.
Листва засыпала крыльцо,
И звездами упали астры..



Ты забудешь

Ты забудешь его. На губах твоих лето остынет,
И осенние сумерки, кутаясь в тонкую шаль,
Не дадут прокричать, не дадут прошептать его имя,
И на сердце не ляжет прощального взгляда печаль.

Ты забудешь. Дожди за тебя отпоют и отплачут.
И, застыв силуэтом в погасшем, вечернем окне,
Ты в промокшую осень монетку швырнешь, словно сдачу,
Забирая свое, а чужого не нужно тебе.

Ты однажды поймешь, что разлуку уже не измерить,
И в холодные омуты вдруг оборвется душа.
«Ты забудешь, забудешь», – твержу, и мне надо поверить,
Что могу без него, что жива, что умею дышать.

Со мной

Все, кто мои – со мной.
Все мои – за меня
Крепкой стоят стеной –
Здесь, до последнего дня.

Здесь, в этой жизни земной,
Не подпускают страх.
Ангелы за спиной –
Крыльев моих размах,

Огненный солнца лик,
Знамя моих вершин,
Силы живой родник,
Стражи моей души.

Даже когда темно,
Даже касаясь дна,
Знаю: мои со мной.
Знаю: я не одна.

Медведь

Мчит скорый поезд. За окном
Мир кажется немым и странным.
Все звуки вдруг исчезли в нем,
Лишь ложечка звенит в стакане.

А за окном снега, снега,
Как меховое покрывало,
От нас скрывают берега
И темень вод под коркой талой.

Как будто ставни – на засов,
Закрыли от чужого ока
Суровость хвойную лесов
И пустоту полей широких.

И где-то там, устав реветь,
Нахохлив сгорбленную спину,
Сугробом белым спит медведь,
Дыханьем согревая зиму.

ПОЭЗИЯ

Александр Сухих

(МОССАЛИТ, Москва)



Февральские перепады

Оттепель и дождь, морозец к ночи...
Сучьев ледяная паутина.
От наплывов ветра уходить не хочешь,
слушаешь, вживаешься в картины...

Веток колокольчиво звучанье,
липнет холодок к лицу по-свойски,
радужно-хрустальное мерцанье,
в свете фонаря – кругами – блески...

Господи! – ежеминутно счастье:
видеть, ощущать, молчать и слышать...

Не отдам ни мига, ни – ненастья,
ни ворон, дерущихся на крыше,
ни себя, со сбивчивым дыханьем,
ни ее, что ждет за дверью дома...

Звуки и движения стихают –
чудного безвременья истома...

Не отдам... А спросит ли та бездна
с пастью, что в готовности разъята?..

Чувствую, что жизнь не бесполезна,
объяснить не в силах – непонятна...

Осенняя бескрайняя...

В березовой аллее полудикой,
где летнее тепло себя хранит,
утрами старичок коляску в бликах
ведет через лучи, на солнца вид...

Там веток колыханье малосильно,
а воздуха растительная снедь
так сгущена, что отливает синью:
не верите? – придите посмотреть!..

...Проснусь. Квартирка мамы. Отпуск длинен.
В распахнутом окне один сюжет:
Младенец на руках. Единство линий.
И купольный над ними вьется Свет!

Кровиночка – в пеленках белоснежных...

В наивной отрешенности Творца –
седой старик, распахнутый безбрежно!..
Жаль, он не видит своего лица:
в нем – чудо человеческого Начала,
в нем – райское блаженство Бытия!
Он что-то говорит, поет, качает...

И кажется, в пеленках – это я...

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Старость в деревне

Японский сонет-рэнга

дом, в опахалах ветвей
майского полдня.

Клен у забора
спилен, но стебель у пня
выпростал листья.

Дремлет старик на скамье.
Яблоня сыплет
в руки ему лепестки.
...Пульс – на запястье.

Ночевка в рыбацком домике

Вода обмякла в камнях.
Речной туман тягуч –
не вхожи в щели ставней
ни тень, ни звук, ни луч...
Утихший лес расслаблен –
навеивает сны.
На крыше зреют капли –
последние – весны...

Прогретый дом ответно
знакомится со мной:
в трубе, пугая тщетно,
вздыхает домовой;
играют доски, стены
скрипучий менуэт...
Рыбак – приятель верный
сопит весне вослед.
Часы не в такт ритмичны –
вне музыки тепла –
размеренно безличны,
поточны их дела...

И шорохами – мысли,
да ответ из печи
на стенке с коромыслом
невнятно различим...
Роса,
извилист берег,
блесны натяжный свист...

О!.. Это не измерить –
ты сам себе артист!

соприкосновение

*Бабочки – это души не родившихся детей.
Если на ладонь твою сядет бабочка, значит
Бог благосклонен к тебе.*
Суеверия

Цветом тень слепа,
радуги дитя,
душ, небес избранница –
бабочка-посланница...

Ты другому знак
иль ко мне, сердечная?...
Звон травинки – встречена;
крыл раскрыла флаг.

Наклонюсь и тающей
потянусь рукой,
окунусь в мерцающий
холодок – покой.

Лапками-пушинками
пальцы щекоча,
проскользнет, как льдинкою,
на ладонь, шутя, –
радуги дитя...

Приготовление

И в радужном мерцанье мотылька,
прозрачно-неземного,
почувствую гонца издалека,
где голосом зовется слово
и длится; где дается камертон,
чтоб фальшь изъять из звука...
Там пребывание – извечный сон
и душ безвинная порука.

О зрительно мечтаемый покой
в потусторонней воле, –
разителен ты с жизнью типовой,
растресканной от боли,
разорванной на тысячи химер,
изъеденной грехами...

И взгляды притягаемы наверх –
там небо приближается...

за нами

ПОЭЗИЯ

Евгений Хоренко

(Барнаул)



Случится ночь бессонной непоседой
и выпадет опять из всех систем.
Заняться чем-то... Вдоль нечетких стен
пройти на кухню, чай допить последний,
втащив за следом собственную тень,
жаль, что плохой из тени собеседник.

И выйти, чтоб узнать, как дышит ночь,
как туча пополам луну поделит,
как тишина под крыльями пядениц
поймет, что стала полной тишиной.
И снова не избавиться от тени,
пока не повернешься к ней спиной.

Свой мир вверяя хрупкой тишине,
застывшей на границе света с темным,
вернуться в дом, но чая больше нет,
сорваться бы из этих душных комнат
безудержно, призывно, неумно
до самой звонкой из твоих планет.

Опущены ресницы. Даль чиста –
в стране закрытых глаз иные дали.
Ты ждешь меня и влажно губы даришь,
прижавшись и на цыпочки привстав...

У счастья – очертания твои.
И такт и радость пульса на пределе,
когда, обнявшись, мы губами делим
одну большую нежность на двоих.

Улетим

Если долго-предолго встречать восток,
можно все разглядеть и даже более.
Можно выкричать в небо немой восторг,
эхо будет солнечное и голубое.

Так бывает, радость, покой и свет
раскачают в сердце счастливый маятник,
и приходит ясность, что смерти нет,
есть свобода, свобода есть, понимаете?

И когда на востоке взойдет любовь,
и вернется все, чем с тобой дышали мы,
взяв с собой наше небо и наш прибой,
улетим на земном, только нашем шаре.

Время пошло

Не заметно время – и нет нигде,
и повсюду, сколько ни уезжай.
Ничего не жаль мне в моей нужде,
и всего чертовски, до смерти жаль.
Незаметно время пошло к тому,
что пора задуматься, чем дышал,
не когда всплывал, а когда тонул,
провожая взглядом прохожий шанс,
оттолкнуться, выплыть к живой воде
и смотреть, как смерть возвращают вдаль...
Боже, если дал мне любовь людей,
то, пожалуйста, время ответить дай.

Уходящему

Не увидеть тебя в незнакомом окне...
 Небо булькало в лужи, струилось по стеклам,
 недокурный день шел на запад, на нет,
 в незнакомом окне отражение мокло...

Унося непогоду в пустых рукавах,
 первой певчей звезде дул воскресную ветер.
 Кто-то бросил спешить, кто-то ждать уставал...
 День, прощаясь, прощал, не стыдясь своей
 смерти.

На пороге страны, оглянувшись, затих.
 Я побрел по листве – желтым летним осколкам.
 Как ни пробуй, но тень не удержишь в горсти...
 Двух смертей не бывает, бывает хоть сколько.

Я дерево

За камнем, что дорогу делит натрое,
 нетронутый покой нездешних рос.
 Быть может, там живет твоя синастрия...
 Тебе туда. Иди, а я прирос.

Прирос к своей земле корнями намертво
 с тех пор, как песни сделались ничьи.
 Быть может, путеводным станет камень твой,
 иди, живи, а я неизлечим.

Шаги стихают... тихо... тише тихого,
 все ближе невозвратная черта.
 Быть может, было правильным окликнуть бы,
 да только у меня давно нет рта.

Вспоминай

Труд в сто томов оказался легко листаем,
 ждали прописки внутри меня Каин с Каем,
 хватит пролистывать, выжжен я. Страх окалин –
 верный заслон от их цепких и длинных рук.
 Пуд алогизма в подкорке таких историй.
 Взгляд выхолащивать, ста постранично вторить?
 Вдоль берегов замерзающих акваторий
 вместе дойти до ручных категорий «друг»?

Мы так устроены, все у нас либо – либо,
 Шаг не туда – «пли» командуем всем калибрам.
 Грустно и холодно... Вечер. Давай, Ван Клиберн,
 пластикой пальцев и нот успокой продром.
 Шанс у надежды не схлынуть, не съехать кровле,
 нет, не увидим, как в гавань заходит
 «Кромвель»,
 Только смотрящим доверится алый промельк.
 Столик в каюте. Свеча. И сто первый том.

Мы ли решаем? А может, как лягут кости?
 Нам ничего или всё, как придумал Остин.
 Треть капитанов шутя забывают мостик,
 если всерьез штормит, а земля щедра.
 Если уютна земля, а штормит с апреля,
 надо им ветер, когда паруса сопрели?
 Сколько ни думай слова, что когда-то грели,
 их все труднее сказать без ненужных драм.

Время не водопадно, а боль не кратна,
 здорово, что не кратна, я даже рад, но
 нет перешедших реку туда – обратно,
 кинувшим этот берег легко на том.
 Труд в сто томов оказался не морем – полем.
 Перелистали и каждый до корки понят.
 Но перестанем ли мы хоть когда-то помнить?
 Вечер. Ван Клиберн. Закрыт сто последний том.

ПОЭЗИЯ

Елена Павлова

(Москва)



Наверно, повезло

Сегодня суеты немного не хватило,
Часы спешат вперед на несколько минут.
Когда-то нам судьба с тобой определила
Единый на двоих троллейбусный маршрут.
Мы вместе так давно, но нет причин для
скуки.
У нас с тобой одни проблемы и мечты,
А ты по-детски спишь, сложив под щеку
руки,
И если рядом я, тогда спокоен ты.
Нам есть о чем молчать, оставив разговоры,
И просто так до слез смеяться целый час,
Умеем погасить искрящиеся споры,
Друг друга понимать по выраженью глаз.
А если за окном дождливое ненастье,
На сердце все равно уютно и тепло.
Я жизнь благодарю за маленькое счастье,
Не знаю почему, наверно, повезло.
Как долго нам пришлось среди чужих
скитаться,
И, чтобы никогда потом не сожалеть,
Мы будем перед сном, как навсегда
прощаться,
Сиюминутно все, рискуем не успеть.

Мне не хватает моря и песка

Мне не хватает моря и песка,
Повсюду проникающего с ветром,
Причала трещин, что еще заметней,
Когда их лижет бурная волна.
Виденья затонувших кораблей –
Возможно, ими правил Одиссей,

А может, аргонатов смелых тени?
В ракушечнике скользкие ступени,
Кружки медуз, серебряный косяк,
Тягучим эхом птичьего голоса.
Кромсают покрывало синевы
Дельфиных тел агатовые спины,
Я уйду вниз головой в пучину.
Мне не хватает этой тишины...

Двое под зонтом

Эти двое на вокзале
Обнимались под зонтом.
Обнимались и молчали,
Оставляя на потом
Те слова, что не сказали,
То, что сделать не смогли,
Что друг другу обещали,
То, что не уберегли...
Дождик лил ему на плечи,
А морщина меж бровей
В этот неизбежный вечер
Его делала мудрей.
Словно сдерживая силу,
Он никак не уходил.
Я давно тебя простила,
Я уже тебя простил...
Шум промокшего перрона,
Белый дым от сигарет,
Передернулись вагоны,
Семафор – зеленый свет.
Счастье тихо растворялось
Грустным ликом за окном,
Одиночество осталось
Силуэтом под зонтом...

Любите то, что близко и реально...

Как трудно без романтики прожить,
Не чувствуя, не ведая, не зная,
Что можно так безудержно любить,
Шагнув за круг очерченного края.
А без тепла протянутой руки,
Надежного плеча и сердца друга,
Как в бурное течение реки –
С разбегу без спасательного круга.
Как тяжело, когда уходят те,
Кто был опорой, каменной стеною,
Остаться на переднем рубеже,
А кто моложе – за твоей спиной.
Ответы на вопросы неважны,
Пусть не узнают главные секреты
Бегущие участники судьбы,
Придуманной когда-то эстафеты.
И по утрам, оценивая жизнь,
Чтоб не скучать от суеты банальной,
Оставьте неземные миражи,
Любите то, что близко и реально...



О. Иванов. Без названия

ПОЭЗИЯ

Ирина Савинова

(Краснодар)



Неудачный шопинг

Облака распугивая в лужах, бороздила грязи рытвин-стрит,
 Холод обжигал меня снаружи, а дешевый кофе – изнутри.
 Был настрой подножной жижи гаже: в душу подсыпала лишний шлак
 Горечь от последней распродажи – было все, а Счастья не нашла.
 В «уцененке» – Гордости с избытком, но с фальшивкой вылетишь в трубу.
 Видела Любовь с приличной скидкой. Брать не стала – вдруг она бэ у?
 Очередь стояла за Талантом... но – Облом: «За мной не занимать!»
 Радость и Достаток – без гарантий. Что ж, купила Горе от ума:
 Пусть смотрелось сморщенным и хилым – ценник вызывал блаженный транс,
 Но у касс Фортуне нагрубилась и послала к черту редкий Шанс...

Шла не чуя ног. Душила жаба, полный мрак маячил впереди...
 Встречный предложил, поправив шляпу:
 – Может, вас до дома проводить?
 – И зайти появится причина? А потом не выгнать из гостей!
 Ужин, приготовленный мужчине, может стать и завтраком в постель!
 После на жилплощадь будут виды: всякий плут прибрать чужое скор...

Чудик в шляпе кашлянул с обидой, исчезая в дымке городской...
 Горе тяжелело, как ни странно... Но товар уже почти родной!
 И, шурша пакетом из «Ашана», гордо понесла его домой.
 Некто растворился в сером мире – и теперь ищи его свищи...

Сидя с Одиночеством в квартире, сгрызть готова локти по хрящи!
 Как тут в оправданьях ни упорствуй, а плоды самой и пожинать.
 Мысли воробьиной стайкой порскнут – и опять зашепчет тишина...
 Грог не греет – больше опьяняет, добавляя горечи в груди.
 И, лицом тарелку заполняя, Совесть пробубнила: «Не будить...»
 Стало так легко и необидно: стервой показалась? Ерунда!

Из бутылки вылезла Ехидность, лихо эйфории наподдав:
 – Ой, голуба, хватит мучить разум (ладно скроен, да не ладно сшит!),
 Стерва – не ругательство ни разу, стерва – состояние души!
 Поздно по несбыточному хныкать, Счастье у судьбы – особый лот.
 Ты его искала по бутикам, а оно по улице брело...

На Привозе

– Гражданин с кошелкой, ходьте до прилавка! Щас на холодец вам взвешу требухи!
 Шо купить хотите? Шлепанцы и плавки? Лучше глаз положьте прям на рыбу фиш!
 Чем вам барабуля пахнет, интересно? Срочно заберите взад свои слова!
 Если крепко спите, то свои процессы, знаете, как сложно кон-тро-ли-ро-вать?!

Ай, да перестаньте! Хоть я не в обиде, потактичней мысли выразить могли!
 Шо вы тут, болезный, хотите увидеть? Што ли, покусился заграничный сплин?
 Нет, не сплин, а язва? Как финал гастрита? С ней бороться можно – знает и верблюду.
 Скушный вид снимайте, на меня смотрите – я своим товаром вас развеселю!

Или стыдно сделать? Как это – не важно? Гражданин, проходите вот сюда смелей
 И в лоток погляньте, это – ум говяжий, а без установки стоит сто рублей!
 Синеньких возьмете? К плавкам будут кстати! Хоть на сковородку, хоть пихнете внутрь!
 Это вам не хрущик начихал на скатерть, это лишний повод на пляжу блеснуть!

С черной полосой мне ныть не надо снова, вы ж таки не вечный – кончится она!
 Шоб вы с вашей язвой были мне здоровы! И не проедала лысину жена!
 Может, дать веревку? Мало ль как бывает... Вешаться не надо! Есть и мыло, но
 Коль труссы повесить – будет бельевая, а белье подсохнет – слазите в окно!

Как к кому? Хотя бы думайте немножко, таки безрассудства требуют ума!
 Вот представьте только: вы – к жене в окошко с романтичным видом, с рыбою в зубах!
 Тут за тетю Соню вам расскажет каждый, не благодарите, хватит – миль пардон!
 Мне таки спасибо скажете однажды – вот, берите язве перец и лимон.

Не смешите фрукты, я вас умоляю! Огурец возьмите и банан жене.
 Так она спросила: «Шо ты позволяешь?» Срочно позволяйте много больше с ней!
 Шоб зазноба ваша завздохала томно, и под утро стала сломана кровать –
 Мед с орехом грецким, в нем эффект любовный, за который можно разве помечтать!

Шо с меня хотите? Разменять сто баксов? Нет! Но благодарна вам за комплимент!
 Язву лучше ночью полечите лаской – сельдерей настроит нужный инструмент.
 Шо, не надо сдачи? Как же это мило! Таки дальше тоже радовайте глаз!
 Шоб за вас и язву горе так забыло, шобы не имели астму за оргазм!

Ad libitum

Так меркнут звезды в небесной выси, перерождаясь в астральный шлак,
 Так разум гаснет под гнетом мыслей, когда нам кажется – жизнь прошла.
 Нытье становится ложью честной, без варианта достичь вершин,
 В кругу семейном, настолько тесном, что ты фактически в нем один.
 Как жаль, нет рыбки в угоду «старче», хоть для того, чтоб делиться с ней
 О том, что звезды светили ярче, был сахар слаще, Гольфстрим теплей,
 Влюблялись крепче – до сноса крыши, на людях все же мораль блюли,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Был спирт ядреней и градус выше, длиннее юбки, круглей нули.
 «Куда мир катится?» – ты вздыхаешь, в душе не веря, что это так.
 Мир катят те, у кого хватает ума и сил на подобный акт.
 Доход по совести разделили, согласно значимости побед:
 Катящим – слава, тебе – делирий. Завидуй, глядя тоскливо вслед.
 Молочных рек в берегах кисельных в помине нет, ожиданиям – крах.
 Хоть все становится параллельно, но бесит счастье в чужих глазах.
 Тому, кто долго ушами хлопал, не даст фортуна повторный ход.
 Ты превращаешься в мизантропа, на пьедестал вознося ИМХО.
 Злословить можешь над чем угодно, трудней идя на контакт с людьми.
 Все раздражает: народ, погода, налоги, цены и сводки СМИ,
 А также слухи, что солнце гаснет. Успех других учащает пульс.
 Но выбор сделан. В финале ясно: всю жизнь ты прятался в скорлупу.
 И запоздало в смятении жутком вдруг понимаешь, глотая ком,
 Что птица счастья – всего лишь «утка». Обман и судно – как два в одном...

Под Новый год...

Посвящается 131-й отдельной мотострелковой бригаде под командованием полковника И. А. Савина (Героя России – посмертно), погибшей при штурме Грозного в ночь с 31 декабря 1994 года на 1 января 1995 года (г. Майкоп)

...под новый год мандарины с елкой давно не в радость. А память жжет...

...из люка воздух морозно-колкий, в прицеле снайперском взгляд чужой,
 зажаты танки в ущельях улиц, высотки – скалами, не свернешь.
 Тела безжалостно жалят пули, броню – осколки, как масло – нож.
 А ты в смертельных застенках заперт, где каждый камень снарядом взрыт,
 не президент поздравляет – снайпер, а вместо боя курантов – взрыв.

Развеян морок штабных иллюзий в плену огня и бетонных стен:
 нектаром боги, упившись в зюю, в реале режутся в World of Tanks.
 А воздух густ от тревог-волнений: когда же в Грозный войска войдут?
 Во имя рапорта к дню рождения¹⁹ твоей бригаде гореть в аду...
 Тут каждый выстрел блуждает эхом, стремясь в провалы домов залечь,
 С поганой связью опять помехи, эфир пронзает чужая речь,
 А перехват для врагов нетруден: «Брат! Алик, ты отводи ребят!
 Потом приедешь и гостем будешь. Иначе – буду в тебя стрелять...»
 И пулемет захлебнется лаем...

Безмолвен Бог и молчит Аллах,
 когда Вселенная застывает в остекленевших людских глазах...
 Везенье – выжить в горящем Грозном, когда на помощь надежды нет,
 Ты не стыдился, роняя слезы на ярко-красный горячий снег.

Сердечный пепел стряхнуть непросто, проходит время, но боль растет – ты каждый раз под салют и тосты сгораешь в танке на Новый год...

¹⁹ Высшее армейское руководство хотело сделать подарок к дню рождения министра обороны Павла Грачева (1 января), отрапортовав о взятии Грозного в 1995 году.

Я жить продолжаю дальше

«Не верь, не проси, не бойся!» – триада на все моменты,
В театре абсурда каждый ведущую роль найдет:
Сегодня – коварный Клавдий (увы, но не перманентно!),
А завтра ты – бедный Йорик, покорно пойдешь «в расход».

Измена в сюжете пьесы? Мне корчиться в муках тихо?
Сейчас! Накрахмалю стринги, чтоб «горе» принарядить...
В эпоху фанатов селфи остались орфеи в мифах –
Увы, не спешат, как раньше, на выручку эвридик.

Я жить продолжаю дальше с намереньем не сдаваться –
Судьбу не связать на спицах, добавив в раппорт успех...
А чтоб о «потом» не думать – есть крепче гранита панцирь,
В котором удобно прятать эмоции ото всех.

Когда я в таком кевларе – пробить оборону нечем,
Под маской шута комфортно – с ней заново жить учусь.
А все, что сломить не может, нас делает только крепче,
Повешено «Welcome nаfig!» над дверью глубоких чувств.

Сегодня я – Коломбина, на слезы не трачу силы
И верю, что птица счастья окошко мое найдет.
Раз внутренний стержень – это зудящее в попе шило,
Пинок от судьбы считаю намеком шагнуть вперед...



О. Иванов. Река

ПОЭЗИЯ

Сергей Балиев

(Ирбит, Свердловская обл.)



Не уходит из сердца весна, хоть убей.
Докажи, что не врет календарь.
И в холодную осень пою о тебе,
позабыв, что давно не в ладах.

Все мне кажется – тесный мирок осветив,
два созвездия в небе сплелись.
И продолжится жизнь, и подхвачен мотив –
тихим шепотом из-за кулис...

Яблоко

упаду переспелым яблоком,
покачусь по зеленым травам.
надо мною дрозды и зяблики
славословить начнут исправно.
зашумят-подпоют кустарники,
и всплакнет на дорогу ива.
встрепенутся шипы татарника,
опереньем тряхнет крапива.
зазвенят родники-источники,
и болотная ухнет жижа.
червоточинки, червоточинки
поторопят – быстрее и ниже...

кто там ласковый, кто там бережный
ждет в грядущем – забудет в прошлом?
и, сорвавшись с крутого берега,
поплыву говорливым плесом.
под туманами, вместе с зорями,
неосознанно и попутно,
между бликами и узорами,
вслед за солнцем на жар полудня.
в бесконечной реке – потерю,
позабывший о том, кем создан,
по течению, по течению
все быстрее, все ближе к звездам...

только вечером, поздним вечером,
лишь накроет меня закатом,
вдруг припомню родную веточку,
ту, с которой упал когда-то...

Страна дорог

Под радугой вольготно разлеглась
страна дорог, ушедших в никуда,
где спрятаны от любопытных глаз
покинутые всеми города.
Где, заплутав в старинных языках,
все принимаешь сердцем – не умом,
шагая от восхода на закат
и звонким днем, и в сумраке немом.
Где черемша душистей, чем имбирь,
и трогательней сакуры ветла,
где согревают снежную Сибирь
зеленые таежные ветра.
Давно пора сердечко подлечить,
найти в росе начало всех путей.
Поют ручьи, и реки, и ключи,
зовет страна находок и потерь...

Ангел в дороге

Ангела тебе в дорогу, милая моя.
Пусть хранит и укрывает, а меня уволь.
Все пути к тебе закрыты, не горит маяк.
Ясно все, простая гамма – до, ре, ми, фа, соль...
Ангела тебе в дорогу, чтоб всегда везло,
Пусть хранит от скучных песен, стережет багаж.
С ангелом – надежда, вера, белое крыло...
А со мной – любовь всего лишь, выбор небогат...
Ангела тебе на трассах, в небе, на морях,
пусть хранит и укрывает... до, ре, ми, фа, соль...
и в Париже, и в Майами, милая моя,
и еще, конечно, в этой... в Буркина-Фасо...

Берега

Берега заповедных рек.
 Тот – в камнях, а тот – песчан.
 Первозданность из века в век.
 И реликтовая печаль.
 Реки-стрелы и серпантин –
 то стремниной, то чуть дыша.
 Здесь сливаются все пути
 из реальности в чудеса.
 Здесь и радость, и злой разбег
 прорываются сквозь туман.
 Справа высится оберег,
 слева стелется талисман.
 Солнце спряталось под фатой
 из серебряных облаков.
 И скользит над водой фантом –
 отпечатком былых веков.
 Наваждение? Химера? Жизнь –
 та, что спрятана за спиной?
 Полустертые миражи.
 Строчка в книжице записной...

Миражи

Моя печаль за тридевять земель,
 где сосен не касались провода,
 где птица так доверчива и зверь,
 и рыбу не пугают невода.
 Там реки раскидали рукава
 от тысячи серебряных одежд.
 Там где-то заблудился караван
 моих признаний, песен и надежд.
 Порой весенней, рано поутру,
 шагну в забытый Богом уголок.
 Оставлю все и прошлое сотру,
 И постараюсь вымолить залог.
 Но травы словно вытоптаны – кем?
 Но стража и пытлива, и строга.
 Урочище исповедальных тем
 укрыла безучастная тайга...
 Устанет день слоняться по двору,
 не в силах заглянуть за миражи.
 Устанет ночь склоняться на ветру
 над залежами драгоценных жил.
 Ты опоздал, мне скажут, не спеши,
 притормозили грешные года.
 Моя печаль покоится в глуши,
 где плачет неиспитая вода...

В ночи

Написанное на роду ни вспомнить, ни забыть.
 Опять ищу, опять бреду по прихотям судьбы.
 Жизнь холодна, крута, груба, покой затерян в ней.
 Молотит снежная крупа по отблескам в окне.
 Какого черта я, скажи, созвучия искал?
 Свистят ветра, зовут в Кизи, в Тибет и на Байкал.
 Там успокоюсь, там – пойму, что счастья не украсть.
 Но вновь пою свою тюрьму до самого утра.
 Бутылка темного стекла – приманка слабакам.
 Глоток вина (но не тепла) отравую – в бокал.
 И одиночество, мой друг, пустынную звездой
 вновь процарапывает круг над бездной ледяной.
 Ах, этот жуткий колорит магических зеркал!
 Ни выбраться, ни отмолить Кизи, Тибет, Байкал.
 В ночи осенней свет зачах, лишь отблески в окне.
 И снова в холоде зачат стих, что сгорит в огне.
 И вновь блуждаю по судьбе – какой Байкал?
 На кой Тибет?
 Я не скучаю по тебе – я умираю по тебе...

Небеса

Смотри, я построил пути в небеса –
 из бурных ночей и упреков вослед,
 из строчек, которые я написал
 во снах наяву и полетах во сне;
 из ярких признаний и страстных измен,
 глухих тупиков и сквозных анфилад,
 сплошной безнадеги, сплошных перемен,
 имен, наказаний, знамен и наград;
 из хижин, дворцов, шалашей и берлог,
 из песен, что вовсе не с теми пропел,
 открытий, которые не уберег.
 Куда торопился, чего не успел?
 Построил, дурак, и застыл на валу,
 как будто и впрямь дни мои сочтены.
 Кирпич, известняк и случайный валун –
 лоскутное месиво вместо стены!..
 Конечно, приятней, когда все – ажур,
 все четко и ладно – к ступени ступень.
 Пожалуй, немного еще погожу.
 Смотри на меня – впереди новый день...

ПОЭЗИЯ

Сергей Ворошилов

(Петрозаводск)



Если ночь тиха

В синь рассвета крошит осень
медные гроши,
на бору копытят лоси
мерзлый мох в тиши,
пахнет ведьминым настоем
клюквенная марь,
на сосне срывает хвою
друг болот – глухарь.
Тишина вокруг – до дрожи,
кружит первый снег.
Кто-то птицу потревожил...
Зверь ли, человек?
И кому сейчас не спится,
чей шуршащий шаг?
Вижу, нет – не зверь, не птица,
на тропе – лешак.
Нелюдима нынче нечисть,
ускользнуть спешит
прочь от взглядов человеческих,
хоронясь в глуши.
Мы давно знакомы с лешим,
не творит он зла.
Знаю, держит путь, сердечный,
утром от села.
Бают люди, ходит леший,
если ночь тиха,
на свиданье к бабе грешной...
Кто не без греха?

Домик в деревне

Продается домик в деревне,
деревянный, довольно древний,
был построен еще при деде.
По окрестностям здесь на мопеде
я с сестренкой гонял за малиной,

здесь по речке катался на льдинах
(разливалась река в половодье).
Точка. Дом продается сегодня.
Вот и дожил я до разлуки
с тем, что помнит дедовы руки.
Продается, что было с нами:
летний день, когда пахло блинами
и вареньем из земляники;
мамин смех и ребячьи крики;
зимний вечер, поношенный ватник –
на скрипящем от ран самокате
мчусь я с горки, а рядом собака...
Помню школу и с другом драку,
и ее, что жила по соседству...
Продается кусочек детства.

Берег

Пью воздух в пору листопада
взамен лекарства от врача.
И на привале – крепкий чай
вприкуску с пряною прохладой.
Смотрю, как лес роняет тайну,
и та кружится над тропой.
А я гребу листву стопой...
Стопа – как лодка, что с шуршаньем
плывет по морю сквозь шугу
на незнакомый берег лихо.
В душе покой: светло и тихо,
Ведь я на отчем берегу.
И мил мне простенький мотив,
что выдают с ветвей синицы.
Хлебаю чай. «Привет вам, птицы,
понятен ваш речитатив».
К весне забудутся потери:
и куцый день, и голый лес,
и плач гусей из-под небес,
летающих на далекий берег.

Подарю избушку

Подарю избушку на реке таежной.
 Затерялась речка средь лесов-болот.
 Там весной токует мошник²⁰ осторожный,
 прославляя в песне розовый восход.
 Подарю в придачу с журавлями небо,
 свежий запах сосен, звонкую зарю.
 Я в угодьях этих лет десятков не был,
 нет красивей места, правду говорю.
 Подарю избушку за возможность снова
 старый бор послушать там, на берегу.
 Что быть может чище, чем лесное слово?..
 Все, что нашептал он, в сердце берегу.
 Вам открою тайны, покажу местечки,
 поделюсь, чем знаю, сидя у огня...
 Только помогите слезть с проклятой печки,
 подхватите, братцы, под руки меня.
 Вы простите деда... Что нагнал тоску я.
 Но заветной тропкой грежу втихаря.
 Подарю избушку – пусть душа взликует
 в час, когда услышу песню глухаря.

На Сямозере

Отживает век избушка,
 разломачен мох седой:
 будто дряхлая старушка
 наклонилась над водой.
 Лунным утром,
 скрипнув дверью,
 в лес шагну,
 как в явный сон:
 слышен шум над Сямозерьем²¹,
 шепоток со всех сторон.
 Станный говор лезет в ухо...
 То не рысь зовет котят,
 не гнусавит копалуха²²,
 опекая глухарят,
 и не ухаает неясить
 в заболоченном бору –

²⁰ Мошник (сев.) – глухарь.

²¹ Сямозеро – озеро в южной Карелии, по одной из версий название связано с жившими здесь в древности саамами.

²² Копалуха (сев.) – глухарка.

это леший точит лясы,
 встретив Хийси²³ поутру.
 То не пень спит обгорелый,
 не маячат валуны –
 это идолы карелов
 пьют белесый свет луны.
 И летит на берег Сяма,
 отражаясь от воды,
 песня древняя саама
 криком чаячьим с гряды.

На льду Онего

Карельский март.
 Заснеженный урман.
 Несут меня к рыбацкой тайне лыжи.
 Онежское безмолвие все ближе
 скользит ко мне сквозь утренний туман.
 Угрюмый лес в надежде на весну
 чуть слышно дышит под пушистым грузом...
 Иду туда, где окунь толстопузый
 берет взаглот коварную блесну.
 Спешу на лед, в озерную губу,
 где след ночной оставили мне волки.
 Еще верста.
 И вот, кроша осколки,
 лакает воду хищный ледобур.
 Снасть подо льдом, и от тугих рывков
 подрагивает снежная планета...
 Звенит струна.
 Танцуют в искрах света
 десятка два солидных окушков.
 Еще удар! Вот это дикобраз!
 Корона игл!
 Король!
 Посланник радуг!
 Он – цель моя, надежда и награда.
 Он побежден: могуч и лупоглаз.
 Простор и тишь...
 Стихает жар в крови.
 В душе светло от солнышка и снега,
 от щедрости холодного Онего.
 Как славно жить!
 Плыви, дружок, плыви.

²³ Хийси – дух леса в карело-финской мифологии.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)

ВАРЕНЬЕ ИЗ РАЙСКИХ ЯБЛОК

Рис. автора



Глава 1 Начало

Однажды январским утром, очень-очень ранним и очень-очень холодным, Маша проснулась от странного незнакомого чувства. Она открыла глаза, полежала полминутки и, выпростав босые ноги из-под одеяла, вскочила и подбежала к окошку. Двор заливал свет яркого, слепящего январского солнца. Сквозь стекло солнечные лучи искажались и преломлялись, создавая эффект радуги. Во дворе все белым-бело: сугробы, похожие на гигантские горы сливочного мороженого; дорожки, покрытые нетронутым белоснежным полотном снега; деревья, сказочно припудренные инеем и искрящиеся в лучах солнца. Их кроны словно сначала окунули в сахарный сироп, потом в сахарницу, да так и оставили. «Сахаринки» сверкали и мерцали на каждой веточке, на каждом сучке.

– Волшебно! – прошептала девочка и ощутила какое-то щекотание внутри, загадочное и таинственное, как предчувствие неожиданных приключений.



Сунув наспех ноги в тапки, Маша вышла в прихожую и удивилась, что за пределами ее комнаты как-то непривычно тихо от того, что все еще спят. Почему-то в коридор не проникал солнечный свет, и было так темно, будто утро не наступало вовсе, а ночь еще продолжается. Пытаясь не потерять по дороге непослушную левую тапочку, так и норовившую соскочить, девочка подошла к спальне родителей. Тихонько нажав на ручку, чтобы не скрипнула дверь, Маша заглянула в комнату. Папа ритмично посапывал, мама спала тихо, крепко обняв папу, а в ногах у мамы свернулась калачиком кошка Муська. Окно в комнате было темным: ни яркого солнца, ни снежных искр. Только тишина. «Странно», – удивилась Маша.

Прикрыв дверь родительской спальни, она сунула нос в комнату братишки. Антошка раскинулся по кровати, как морская звезда, одеяло почти сползло на пол. Заботливая сестра

бесшумно вынула ноги из тапочек и, босая, на цыпочках подкравшись к брату, поправила одеяло. В комнате Антошки тоже была крошечная темень, только светящийся циферблат часов над кроватью показывал ровно шесть. Маша снова надела тапки и не спеша в задумчивости вернулась к себе. Комнату по-прежнему заливал яркий солнечный свет, даже как будто стал еще ярче!

«Интересно, а что там, на улице?» – пронеслась мысль, и девочка открыла шкаф. Тщательно одевшись, как учила мама, Маша подошла к входной двери. Нерешительно дотронулась пальцами до ручки – она была теплая, но ощущалось легкое прохладное покалывание, словно в ладонку тычется множество тоненьких иголок. Не больно, но странно, как будто руку опустили в газировку. Повернув ручку, девочка вышла на террасу и от неожиданности замерла. Солнечный свет, янтарный и необычайно мерцающий, заливал всю застекленную террасу. Некоторые окна, оформленные витражами, светились особым образом. Проникая сквозь эти цветные стекла, солнечные лучи танцевали на дощатом полу, образуя живой разноцветный орнамент. От такой красоты у девочки даже дыхание перехватило, но через мгновение она решительно открыла дверь террасы и вышла во двор...

Три года назад Маша с родителями и младшим братом переехали из Москвы в этот уютный дом. Небольшой поселок удачно расположился между лесом и рекой, так что летом можно было собирать грибы, ягоды и бегать купаться на речку. Чтобы погулять, больше не нужно спускаться на лифте, достаточно просто распахнуть дверь – и вот перед тобой трава, деревья, птицы и облака. Ну разве не здорово? «Ах! Какой тут воздух!» – часто повторял папа. А и правда, дышалось хорошо. Небольшой сад достался вместе с домом. Одна вишня, две яблони и кусты смородины вдоль забора. В начале лета мама высаживала небольшой огородик и потом каждое утро приносила к столу свежую зелень и даже молоденькие огурчики. Ох как они хрустели!

Вся семья быстро привыкла к дому и к жизни в поселке. Для двухлетнего Антошки папа в первое же лето смастерил качели. Маша в тот же год осенью пошла в местную школу, в первый класс. Хорошая, кстати, школа! И учителя внимательные, и ребята попались дружные. Маме тоже пришлось по душе жизнь за городом. Обычно по утрам мама вставала раньше всех и готовила всем любимые завтраки: пекла Маше оладушки или жарила сырники, варила Антошке кашу, а папе жарила глазунью. Папа завтракал первым и уезжал на работу. Потом подтягивались дети. В кухне пахло папиным кофе и оладьями. Антошка, вечно сонный, долго возился с кашей, прежде чем получал горячие сырники к чаю. А Маше больше всего нравилось варенье из райских яблочек, которое мама давала к оладушкам.

Райские яблоки покупались каждую осень на местном базаре, и мама заготавливала на зиму много-много баночек варенья. Оно было необыкновенным, очень вкусным и удивительно красивым! Маша брала ягодку из блюдца за липкую ножку, поднимала высоко и, прищурившись, смотрела на свет. Прозрачный сироп покрывал яблочко стеклянной оболочкой, и оно выглядело совершенно сказочно. Затем девочка отправляла лакомство в рот и прожевывала без остатка, мама говорила – так полезнее. В общем, завтраки в Машиной семье всегда были замечательными, но привычными. А вот сегодняшнее утро было особенным, странным и очень интересным!

Маша спустилась с крыльца и прошла по свежему снегу, оставляя следы. Это занятие увлекло ее на некоторое время, и девочка натоптала во дворе целый рисунок. Продолжая пинать снег, Маша задрала голову и попыталась определить, откуда светит солнце. Но это оказалось совершенно невозможно. Солнце было везде – и нигде. Оно словно светило из-за неба, как лампочка из-за простыни, растекаясь по всей поверхности. От этого лучи и блики сверкали во всех направлениях.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Маша стала было вспоминать, что им рассказывали в школе на эту тему, но вдруг какой-то звук отвлек ее внимание. Звук раздавался из леса. Туда строго-настрого запрещалось ходить одной! Но это было *такое* солнечное утро, и все вокруг было *таким* радостным и казалось совершенно безопасным, что Маша не раздумывая открыла калитку и пошла на звук.

Большие разлапистые елки, укрытые снегом, напомнили про Новый год и веселый праздник, отчего любопытная девочка, раздвигая ветки, без страха уходила все дальше и дальше вглубь леса. Пошел снег, а странный звук становился все ближе и ближе, делаясь похожим на грустное хныканье ребенка. Крупные снежинки, не падая, кружились в морозном воздухе. Они танцевали, искрясь, словно звали за собой, и Маша послушно отправилась за ними.



Глава 2 Знакомство

Вскоре среди зарослей заснеженного кустарника девочка разглядела едва заметный силуэт – то ли зверь, то ли человек. Существо как будто пряталось и действительно хныкало, горестно вздыхая время от времени. Как ни странно, Маше было ни капельки не страшно, она подошла ближе и тихо, почти шепотом произнесла:

– Бедный зверек! Ему плохо, наверное, может, он замерз?

Девочка осторожно раздвинула густые заросли кустарника. Там сидело странное животное – не то медведь, не то собака. Неуклюжее туловище без хвоста покрывала густая и длинная белая шерсть, четыре толстые лохматые лапы упирались в снег, а на голове притулились маленькие кошачьи ушки, то и дело вздрагивающие. Глаза у чудища были огромные, ярко голубые, очень добрые, из них к маленькому черному носу скатывались крупные слезы. Соскальзывая с носа, они застывали и, превращаясь в сверкающие бусины, падали в снег. Снегу заметно прибавлялось, и казалось, скоро рыдающий незнакомец утонет в сугробе.

– Эй, зверек! – осторожно позвала Маша, – Ты чего плачешь?



Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– А ты чего пристаешь? – нелюбезно буркнул зверек и, страдальчески шумно вздохнув, поинтересовался: – Ты кто?

– Я Маша, – быстро ответила девочка и только в эту секунду поняла, что странный собеседник говорит по-человечески. – Ты разговариваешь? – удивилась она.

– И почему бы мне не разговаривать, скажи на милость? – грустно осведомилось незнакомое существо и склонило голову набок в ожидании ответа.

– Потому что... – растерялась собеседница, – ну, ты же ведь не человек, ты зверек, а звери не разговаривают. Ты, наверное, собачка или медведь? – предположила рассудительная Маша.

– Ну вот, конечно! Чуть что, сразу зверек, собака! – обиделось чудище. – Я Снеговик!

– Снегови-и-ик?! – расхохоталась девочка. – Так он же из снега, круглый, и вместо носа морковка! Какой же ты снеговик?

– Сама ты... круглая, и сама ты с морковкой! – обиделся Снеговик. – Вот все так думают, как ты, потому что нас тысячи лет никто не видел. Вот и придумали люди себе глупости про нас. Лепят снежных баб и снеговиками их кличут. А это неправильно! Снежные бабы, которых из снега катают, это одно, а мы, Снеговики, другое дело! Ну... вот ты слышала о буровиках? Они бурят скважины в земле, вахтовик – несет вахту, дворник метет двор, а охотник – охотится. Про охотников зря вспомнил, не люблю я их, бед от них много. Но ты поняла главное? – Маша кивнула. – Вот и славно! А живем мы в лесу, в норах. У нас теплая и длинная шерсть, чтобы не мерзнуть, а белая она, чтобы незаметными на снегу быть. Мы по лесам ходим и следим за снежным покровом.

– А чего за ним следить-то? – не поняла Маша. – Лежит и лежит себе. Куда он денется?

– Ничего-то ты не понимаешь! Это у вас в городах про снег забыли совсем. А он может исчезнуть по всей земле. И тогда сначала в лесах плохо станет – и растениям и животным, а потом и людям. Но... это долго объяснять. В общем, снег тает и его не хватает, а мы, Снеговики, весь снег восстанавливаем. – И Снеговик опять горестно вздохнул.

– Как это: снег восстанавливаете? – удивилась девочка.

– Как-как – плачем! Слезы наши волшебные, в снег кристаллами падают, и от них сразу много нового снега разрастается. Вот и получается снежно в лесу. Это, в общем, не трудно, даже немного приятно. Дело наше хорошее, да и красиво получается. Щекотно только, нос иногда чешется. – Собеседник поднял толстую мохнатую лапу и почесал переносицу. – Так вот и ходим каждый день по округе, следим за порядком. А ты думала, почему в лесу снега всегда больше, чем в городах? Это Снеговики наплакали!

– Понятно, – пробормотала Маша, которая вообще-то ничего толком и не поняла. Но она была хорошо воспитана, поэтому не стала переспрашивать. Но звучало странно: как это слезы могут пользу приносить? Раньше Маша считала, что плачут от обиды или от боли. В общем, когда плохое что-то случается. А так вот, плакать для пользы, чтобы другим хорошо было, это уж совсем необычно.

Девочка минутку помолчала, размышляя, но, не вытерпев, все же спросила:

– Но если вам плакать положено для дела, тогда почему ты так огорчен? Может, тебя кто-то обидел? Если это соседские мальчишки, уж я им задам!

– Да нет, – опустил голову Снеговик, – мальчишки тут ни при чем... – Прижав маленькие ушки, он опять шумно вздохнул, поковырял лапой снег и, словно решившись на что-то, сказал: – Пойдем! Я тебе все покажу и расскажу!

Быстро развернувшись, Снеговик неожиданно направился вглубь леса, оставляя за собой глубокие следы.

– Не отставай! – крикнул он, не оборачиваясь.

Маша поспешила вслед за новым знакомцем. Немного обескураженная и одновременно увлеченная загадочными чудесами, она бежала за Снеговиком, позабыв о холоде, времени и доме.

Снег все усиливался, прибавляя высоты сугробам, а странная парочка молча брела среди деревьев. Маша больше ни о чем не спрашивала, потому что не была уверена, удобно ли задавать вопросы на ходу. А их накопилось немало. Куртка и шапочка покрылись снегом, но Маша не мерзла, она сосредоточилась на том, чтобы не забыть все, о чем хотела расспросить нового знакомого. А он молчал, потому что... Никто не знает, почему он молчал. Разгребая лапами снег, странное существо упорно двигалось к цели, известной только ему одному. Они шли и шли, забираясь все глубже в лес. Маша уже начала было беспокоиться, не заблудились ли они. Но в этот самый момент Снеговик резко остановился. Так резко и неожиданно, что девочка, потеряв равновесие, уткнулась в его теплую шерсть. От нее пахло, как от любимого мамино свитера – уютом и радостью. Маше вдруг страшно захотелось домой! Но признаться в этом было неловко. К тому же не ко времени, ведь через мгновение ее спутник повернул голову и заявил:

– Мы пришли!

– Куда?

– Ко мне, разумеется, – пояснил Снеговик. – Видишь эту поляну?

Девочка шагнула вперед и огляделась. А ведь и правда, они вышли на небольшую поляну, размером с Машин двор, ну или чуть больше. Посреди поляны возвышался сугроб, в центре которого, ближе к земле, зияло круглое отверстие. «Нора!» – догадалась Маша. Край отверстия сверкали тысячами искр! А сам сугроб был ровненький, кругленький, словно начерченный циркулем. У основания снежного домика росло дерево, его ветви были голые, как и положено зимой, и полностью покрытые инеем. Те самые «сахаринки» мерцали всеми цветами радуги, переливаясь в лучах солнца, с трудом проникавшего в лесную глушь.

– Невероятно красиво! – воскликнула Маша и улыбнулась. Подойдя ближе, она заметила странные темные пятнышки под деревом. Наклонилась и присмотрелась. Сморщенные и покрытые инеем, то тут, то там на снегу валялись засушенные плоды крошечных яблок. На некоторых торчали чудом сохранившиеся черенки, покрытые льдом и превратившиеся в сосульки.

– Да это же райские яблоки, как в мамином варенье! – удивленно подняла брови Маша.

– Да, это райское дерево! – в свою очередь удивился Снеговик. – А ты откуда это знаешь?

– Так моя мама каждую осень варит варенье из этих яблочек. Очень вкусное, мое любимое! – засмеялась девочка.

Если у вас есть фантазия и воображение, то вы, безусловно, поверите, что в этот момент на мохнатой физиономии Снеговика появилось выражение растерянности, смешанной с радостью и деловитой серьезностью.

– Значит, не все потеряно, – загадочно произнес он и снова почесал лапой переносицу. – Добро пожаловать, проходи, и я все тебе расскажу! – Он лапой подтолкнул девочку к входу в нору: – Давай за мной! – и, одним прыжком залетев в нору, исчез из виду. Маша последовала за ним.

Глава 3 Рассказ Снеговика

В норе оказалось довольно просторно. И называть норой это помещение, наверное, не совсем правильно. Нора была похожа скорее на длинный белый коридор изо льда и снега, идущий вглубь и вниз. По сторонам в стенах виднелись четыре двери, тоже ледяные. Почему-то Маше не было холодно, несмотря на снег и лед кругом. Снеговик толкнул лапой одну из дверей.

– Заходи, присаживайся.

Комната внутри выглядела очень уютно. Большая лежанка расположилась в углу, напротив нее камин – ледяной, разумеется. В камине, посверкивая вылетающими искрами, горел голубовато-синий огонь. От него не исходило тепла, но появлялось неожиданное чувство радости и покоя. Рядом с лежанкой низкий столик, уставленный маленькими мисочками, наполненными горками каких-то вкусняшек. Разноцветные кусочки, похожие на лукум, цукаты и леденцы, покрытые не то инеем, не то сахарной пудрой, выглядели аппетитно. В прозрачном кувшине ярко светился оранжевый напиток с лимонно-желтыми пузырьками. «Лимонад» – вспомнилось девочке вкусное слово. Она забралась на лежанку и, поджав ноги, приготовилась слушать. Хозяин берлоги подвинул лапой мисочку с аппетитными сладостями поближе к гостю. Затем, немного по-кошачьи утопав свое местечко, сам уселся рядом.

– Ну, слушай. Давным-давно, много тысячелетий назад, великий владыка всего существующего создал правила, по которым надлежало жить и которые необходимо соблюдать. Их было много, этих правил. И касались они и людей, и невидимых для человека существ. Одно из важных правил касалось нас, Снеговиков. Мир ведь состоит из воды по большей части...

– О! Я знаю, – невежливо перебила Маша, – мы в школе проходили! Учительница сказала, что больше семидесяти процентов...

– Не перебивай! – неожиданно грозно рявкнул лохматый собеседник. – Во-первых, это невежливо, во-вторых, так мы нес скоро доберемся до главного. А у нас мало времени.

– Почему мало? – опять влезла с вопросом девочка.

Снеговик нахмурил пушистые брови, или что там у него было вместо них, и очень выразительно посмотрел на Машу. Она от смущения набила рот лукумом и, молча пережевывая лакомство, приготовилась слушать. Рассказчик продолжил:

– Гм, гм. Так вот, мир состоит из воды – в основном. И все звери, птицы, люди и растения, не говоря уже про рыб, не могут обходиться без воды. Мы все просто погибнем, если ее лишимся. Потому в мире есть снег, а где нет снега, есть дождь, туман, реки и океаны, родники и подземные течения. Растения насыщают воздух кислородом и нуждаются в воде, без воды им не выжить. За водой на планете следит множество волшебных существ, они помогают сохранить драгоценную влагу.

За снегом поручили ухаживать нам, Снеговикам. С глубокой осени, с первого снега и до весны, мы днями и ночами плачем, сохраняя и преумножая снег в лесах. Падая на снег, наши слезинки разбиваются на миллионы осколков и превращаются в миллионы снежинок. Каждый Снеговик охраняет только ему вверенный участок леса, диаметром примерно десять километров. Но это по-вашему, по-человечески. А по-нашему называется *снэкруг*, круглый участок в форме снежинки. И вот такие огромные снежинки, как мозаика, соединяются друг с другом по всей земле. И в каждом снэкруге свой Снеговик за порядком следит. У каждого из нас есть свое дерево около норы. Это райское дерево, самое-самое первое, первее некуда.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Оно обладает невероятно длинными корнями, раскинувшимися на весь снэкруг глубоко под землей. Именно благодаря волшебной силе этой яблони слезы наши, падая и соединяясь с этой силой, превращаются в снег. Но если и этого недостаточно, мы посылаем сигнал и появляются Снежные эльфы. Они раскрывают над снэкругом порталы в хранилище, и тогда начинается снегопад.

А еще у райского дерева одна важная особенность есть. Каждую весну Снеговикам ложатся спать до осени, ведь весной и летом землю питают дожди и реки. А пока мы спим в норе, дерево насыщает нас особой энергией, живительной магией, позволяющей «плакать» с октября до следующей весны. Вот почему, роняя слезы, мы улыбаемся, ведь это доброе дело.

– Но сегодня ты сильно грустил, – заметила Маша.

– Да, это так, просто у всей нашей планеты есть враг, и он сейчас очень силен. Его зовут Огненный дэв. Он живет глубоко в сердце планеты, среди лавы и огня. Только иногда ему случается вырваться наружу через жерла вулканов, и дэв старается уничтожить как можно больше территорий, залить лавой и засыпать пеплом, чтобы потом долго ничего не росло на этом месте и жизнь ушла оттуда, исчезла насовсем. Порой огненному врагу удается все же завладеть большими землями, и там становится жарко и сухо. От невыносимых условий гибнут люди и звери, ведь на многие километры нет ни одного источника воды. Ты же знаешь о таких гиблых местах?

– Да! Это пустыни, мы на географии проходили, – обрадовалась своей осведомленности Маша.

– Ну вот, дэв хочет всю землю превратить в пустыню, лишит воды. Совсем.

– Но тогда все умрут! – испугалась девочка.

– Именно так, к сожалению. Видишь ли, Маша, обычно мы не показываемся людям, нам это запрещено. И хотя мы сдерживаем врага уже много тысяч лет, в редких случаях нам все-таки требуется помощь. Если дэв нападет на снэкруг и снеговик не сможет вовремя защитить свой лес, то погибнет райское дерево. А это значит, что весной Снеговик ляжет спать и больше никогда не проснется. Без энергии дерева мы умираем. А без нас погибнут и наши Снежные эльфы. И тогда все кончится очень плохо, девочка... Вот в такой момент нам и нужен помощник. Но только дети могут помочь, особенные дети, не лишённые веры и фантазии, с очень чистой и доброй душой! Ведь дэв боится чистой детской души. Она для дэва – как отравка, оружие. Такая душа все может! Но мы не имеем права искать или просить, такие дети приходят сами, случайно. Вот как ты. И у нас появляется надежда, потому что есть Спасатель! Ты хочешь помочь?

– Я хочу помочь! А как? – встревожилась слушательница.

– На мой снэкруг уже напал дэв, неделю назад в лесу появилась огненная трещина. Вдоль этой трещины обуглились ели и сосны. Гибнут белки и лисы и другие животные и птицы, просто пробегая или пролетая мимо. Падают и сгорают заживо, жар из провала затягивает их. В теплый сезон, пока мы, Снеговикам, спим, от таких провалов случаются лесные пожары. Зимой-то мы их закапываем. У меня есть друзья, копатели, по-вашему – мыши, а по-нашему – Милютки. Они очень храбрый народец! Отличные помощники, самоотверженные и дружные. Но сейчас даже они не справляются. Ты все сама увидишь Маша. Ты готова?

Завороженная рассказом и очень встревоженная, девочка быстро вскочила с лежанки и принялась натягивать рукавички.

– Конечно готова! Еще как готова! Только...

– Что? – спросил Снеговик.

– Мои родители, наверное, ищут меня. Волноваться будут и переживать... – встревожилась Маша



– Не волнуйся, милая, время тут по-другому течет. Когда у нас день да ночь оборот сделают, у вас только час пройдет. Так что тебя нет всего минут пять. Ну, пойдём!

Они вышли из норы и двинулись еще глубже в лес.

Глава 4

Спасательная операция

Идти пришлось довольно долго. Поначалу почти ничего не было видно вокруг из-за обильного снегопада. Но вскоре, засыпав деревья до макушек, снегопад прекратился. Ельник стал почти непроходимым, и Снеговика, который прокладывал в глубоком снегу тропинку, все время осыпало упавшим с веток снегом. Мохнатая спина стала похожа на сугроб. Маша двигалась за проводником по его следам, но она уже немного устала и поэтому тихонько спросила:

– Мы скоро придем?

– Уже почти пришли, смотри, нас встречают, – махнул лапой Снеговик.

Прямо к ним из-за огромного дуба выскочили несколько мышат. Они выглядели весьма странно. Первый нацепил на голову кожаную шлем-шапку и очки, как у летчиков, только очень маленькие. «Где он это взял, интересно?» – подумала Маша. Второй мышонок почему-то забинтовал лапки. Третий и четвертый накрепко сцепились длинными хвостами да так, в



цепке, и бежали по снегу. За этими четверыми прискакали еще четверо: косоглазый, пара с детскими совками в лапках и один хромоножка. Когда все приблизились, Маша разглядела, что у сцепившихся мышей хвосты и вовсе связаны узлом! «Что это они?» – усмехнулась девочка, а вслух произнесла:

– Здравствуйте, маленькие! Какие вы хорошенькие!

– Мы не хорошенькие! Мы – воины-копатели! – басом возмущился обладатель шапки и взмахнул лапкой. Все мыши хором издали пронзительный писк, видимо, боевой клич.

– Знакомься, Маша, это Милютки, те самые копатели, – представил их Снеговик. – Тот, что в шапке – Хмурый, он старший. С остальными потом познакомишься. Ребята, это Маша, наша Спасательница. Ну что, как там обстановка? Совсем худо?



– Мы делаем все, что в наших силах, друг, ты же знаешь, – вздохнул Хмурый, – уже и эльфы снегом сверху сыпали-сыпали – не получается. Сильный провал, огня много, Рыжий вон лапы обжег, – и мышонок указал на забинтованного. Маша присмотрелась: у того и правда между ушей торчал рыжий хохолок.

– Близняшки трудятся третью ночь без отдыха, у них уже совки оплавилась, – продолжил докладывать Хмурый, – Толстый вчера ногу бревном придавил, хромает теперь, но все равно копает. Быстрый и Шустрый ничего вроде, еще бодрые.

Мышата с завязанными хвостами радостно запрыгали.

– Мы не сдадимся! – звонко пропищали они. – Ура Снеговик! Ура Спасательнице!

Все Милютки хором снова пропели что-то невнятное. Снеговик почесал нос и довольным голосом призвал:

– Друзья, давайте к делу!

– Быстрый, Шустрый, – распорядился Хмурый, – возьмите двоих на подмогу – и пулей к дуплу. Притащите Спасательнице лопату! Живо!

Четверо мышат ускакали за лопатой, а все остальные во главе со Снеговиком отправились к месту сражения. По дороге Маша получала важные наставления от мышат:

– Ты ничего не бойся, хотя будет страшно! И горячо, как в адском огне! – напутствовал девочку Рыжий. – Я обжег лапки из-за того, что копал зажмурившись.

– Это потому, сто ты трусиска! – шепеляво задразнил Рыжего косоглазый мышонок, – а мне совсем не страшно! Я осень рад тебе, наса Спасательниса Маса! Я Зоркий!

– Ты уверен? – не подумав, лягнула та.

– Это его зовут так – Зоркий, – пояснил Рыжий.

– А-а, извини, Зоркий, я не хотела тебя обидеть, – смутилась Маша.

– Нисево, я привыксий, – заулыбался Милютка.

Впереди Снеговик и Хмурый обсуждали что-то вполголоса. Остальные Милютки сновали меж деревьев, то отставая, то опережая своих предводителей. Между тем вся компания почувствовала, что стало тепло. Все остановились. Вокруг почти исчез снег, земля то и дело чернела проталинами. Близко стоящие елки топорщились обгорелыми ветками. Иголок на них не было и в помине, а стволы обуглились. Впереди за небольшим пригорком зияла огненная полоса в земле длиной метров пять. Если бы не знать всей правды, можно было бы прищуриться и представить, что это садится солнце, такой слепяще-яркой была эта трещина. Вокруг этого зловещего провала суетилось множество Милюток. Маша не сразу заметила их, покрытых пеплом и золой, на фоне темневшей земли. Мышата рыли землю, непрерывно закидывая ее в трещину. Но пламя то и дело вырывалось наружу, обжигая лапки, носы и хвосты бедных отважных малышей. Из глубины провала слышался рык или вой, от которого по спине у девочки побежали мурашки. Вдруг сзади, почти налетев на Машину ногу, примчались Шустрый и Быстрый с лопатой.

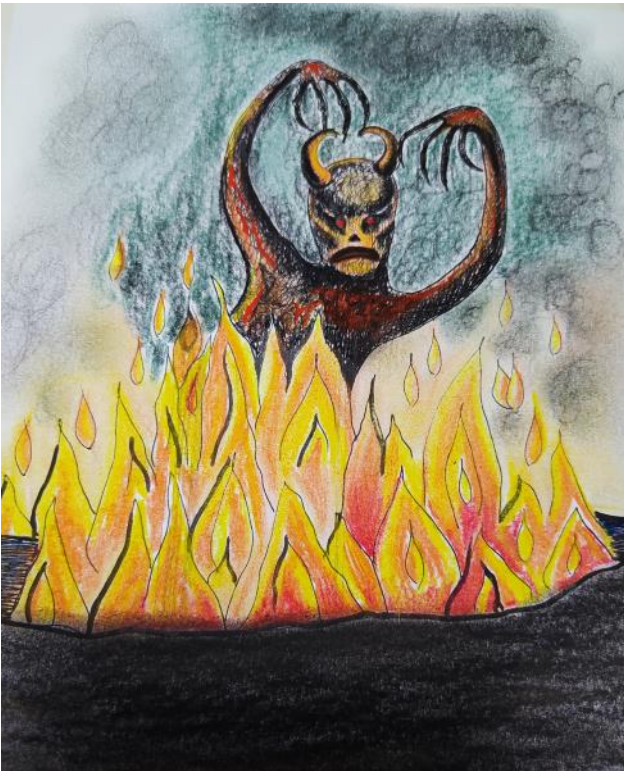
– Вот! Успели! – хором отпартовали они.

– Маша, – серьезно и с тревогой в голосе произнес Снеговик, – тебе понадобится вся твоя храбрость и вера в добро. Не переставай копать, как бы ни было страшно или больно. Дэв ждет твоей ошибки, слабости или трусости, тогда он одержит победу и нам всем конец. Ты наша надежда. Вперед, девочка!

Милютки кинулись к провалу, Маша тоже подбежала вместе со всеми и изо всех сил принялась закапывать трещину. Снеговик почесал нос, и слезы полились ручьем. Разбиваясь о землю, разлетаясь снежными брызгами, драгоценные слезинки почти сразу исчезали, таяли от невыносимого жара, идущего из трещины. Но Снеговик продолжал плакать. Высоко над макушками деревьев кружили Снежные эльфы. Маленькие и изящные, словно стрекозы с прозрачными крылышками, они образовали большую белую воронку в небе. Она кружилась так быстро, что почти слилась с внезапно начавшимся снегопадом.

Трещина пылала адским огнем, сопровождающимся чудовищным воем. Все дружно работали, не замечая усталости. Час за часом они закапывали страшный провал, сопротивляясь врагу, чтобы спасти землю, свой дом и семьи. Никто даже не заметил, как настала ночь, но битва не прекращалась. Наоборот, пламя разгорелось сильнее, из провала стали появляться языки огня, похожие на руки со скрюченными пальцами. Казалось, скоро появится сам Огненный дэв. Некоторые Милютки лежали без сил недалеко от трещины и тяжело дышали. У Рыжего загорелись бинты на лапках, и он жалобно пищал. Маша бросилась спасать его, она отнесла несчастного пострадавшего Снеговика. Тот присыпал обгоревшие лапки свежим снегом, и Рыжий перестал плакать, в отличие от Снеговика. Мохнатый предводитель лил слезы из последних сил, пытаясь преодолеть сопротивление пламени. Девочка вернулась к работе и копала, копала, кидая землю в провал. На другой стороне трещины, сцепленные в связке, синхронно рыли землю Шустрый и Быстрый. Маша поняла: связанные хвосты не давали им упасть! «Ай, умнички! Вот сообразительные малыши», – промелькнула мысль.

Внезапно дыра в земле стала чернеть, и всем показалось, что огонь отступил и победа близка. Но, к всеобщему ужасу, они ошиблись. Из трещины вылезал Огненный дэв! Он был огромен! Его рогатая голова и все тело были покрыты черной коростой гари, золы и пепла. Короста все время трескалась, и из трещин лилась густая лава. Огромные руки дэва были невозможно длинными, а на пальцах сверкали стальные когти. Когтями дэв раздирал землю, и трещина становилась шире. Он рычал и хохотал, вызывая дрожь в земле. Его маленькие, горящие красным глаза буквально парализовали Машу и всех Милюток.



На секунду время остановилось. Но сверху призывно запели Снежные эльфы, и прилетел северный ветер, с метелью и вьюгой. Они принесли облегчение и немного уняли невыносимый жар, идущий из-под земли. Все спасатели очнулись и снова кинулись в сражение. Это была битва не на жизнь, а на смерть! Не только для лесных обитателей, но и для дэва тоже. Все заметили, что, приближаясь к девочке, враг явно слабел. Но он нырнул в провал и, напившись огнем, с новой силой поднимался вверх, возвышаясь над всеми злобным джинном. Маша втыкала лопату в землю так ловко, будто делала это всегда. Комья летели в огонь, но силы были на исходе. Дэв хитрил, он старался обессилить и убить всех Милюток и эльфов, избегая приближаться к человеческому дитя.

Рассвет оповестил всех о начале нового дня. Возможно, где-то за лесом, далеко от места сражения, кто-то и радовался утренним лучам. Но тут, в чащобе, озаренной светом пожара, длился и длился бой. Машины ладони стерлись до крови, пот лился градом. Она устала и была черна от сажи. Мышата, те, что еще оставались в силах, копали не щадя лапок и обожженных хвостов. Остальные валялись без сознания вокруг меж деревьев. Мельком девочка увидела Близняшек в грязной луже. Бедняжки лежали, закрыв глазки, но так и не выпустили из лапок оплавленные совочки. Толстый полз к Снеговика, его ушки были сильно обожжены.

Стараясь не заплакать, девочка закусил губу и копала не останавливаясь. Она чувствовала, как закипает в ней боль за обиженных малышей, за беду, что угрожает всему живому, за маму, папу и младшего братишку. Эти мысли прибавили ей сил. Рядом, буквально плечом к пле... к Машиной ноге сражался Хмурый. Он, будто маленький рыцарь, только не в доспехах, а в шапке, отбивался от языков пламени. Маленькой лопаткой мышонок швырял комья мокрой земли в проем и в дэва. Внезапно дэв захрипел, взвился вверх, обдавая всех раскаленной волной. Хмурый отлетел и ударился о дерево, да так и затих. Дэв снова взвыл, затем ринулся вниз, прямо к Маше, и зарычал ей прямо в лицо:

– Как ты смеешь, человеческое отродье, воевать со мной?! Покорись мне! Или я уничтожу всех: твоих близких, друзей! Всех на этой мокрой планете! У-у-у!

Маша возмутилась и рассердилась. А еще она вдруг перестала бояться, потому что у дэва так противно пахло из пасти! «Наверное, он никогда не чистил зубы», – подумала девочка и засмеялась. Демон неожиданно смутился:

– Почему ты смеешься, глупый человечиска?

– Может, я и глупая, может, я и маленькая, а вот тебе надо рот прополоскать. Ты никакой не страшный, ты *вонючка!*

И Маша со всей силы стукнула дэва лопатой по рогам! Раздался такой оглушительный звон, что все, кто мог, закрыли ушки лапками. А дэв схватился за рога и, то ли от боли, то ли от унижения, взвыв громче прежнего в последний раз, рухнул в провал и исчез.

Глава 5 Прощание

В тишине, медленно кружась, оседали на землю вперемешку последние частички пепла и снежинки, что сыпали щедрые Снежные эльфы. Огонь потух, трещина постепенно покрывалась снегом. Грязные, обессиленные, но живые и счастливые, Милютки постепенно приходили в себя. Снеговик старательно ронял слезы, но было отчетливо видно, что он улыбается. Вечерело. Солнце медленно сползло за деревья, и лес погружался в снежный покой.

– Пойдем, Машунь, переночуешь у меня в норе. А завтра утречком провожу тебя домой!
– ласково позвал Снеговик.

– Да, – вздохнула Маша, – пойдем, только попрощаюсь с малышами.

Она присела на корточки и расставила ладошки в стороны. Хмурый деловито пожал Машин большой палец и, как настоящий рыцарь, сказал:

– Никогда не забуду тебя, Спасательница! Для меня было большой честью сражаться с тобой вместе! Спасибо тебе!

– Я рада была помочь, – улыбнулась девочка, – но все-таки интересно, Хмурый, где ты раздобыл все эти маленькие вещи? Шапку, очки и лопатку? Расскажешь?

Мышонок смущенно засопел:

– Ну... выбросил кто-то старых кукол, от них это, ну я и взял...

Совсем засмутившись, маленький рыцарь кивнул и отошел в сторону. Прощаться с Машей пришли все: и Толстый, хромой уже на обе ноги, и Близняшки, и Рыжий с новыми бинтами на лапках. Протискиваясь поближе к Спасательнице, нетерпеливо толкались Шустрый и Быстрый, удивительно бодрые. Все обнимались и благодарили Машу.

– А где Зоркий? – заволновалась девочка.

– Не беспокойся Спасательница, со мной все харасо! Сто со мной мозет слутисса?

И Зоркий, прыгнув на ладонь к девочке, обнял ее за палец и весело подмигнул. Та рассмеялась.

Наобнимавшись вдоволь с Милютками, Маша и Снеговик отправились к норе. Сначала Снеговик показал девочке хрустальную комнату, в которой он проводит те месяцы, когда спит. Потом склад сладостей и комнату со шкатулками, где хранились запасные слезы. Мало ли что! После друзья, а они стали настоящими друзьями, вернулись в комнату с лежанкой. Подкрепившись как следует, они уютно устроились и проспали до первых лучей солнца.

Утром Маша почувствовала себя так же бодро, как в то утро, когда она только пришла в лес. За ночь, проведенную в норе, следы пепла и земли на одежде и руках волшебным образом исчезли. Она вновь выглядела опрятно и свежо. Снеговик тоже повеселел, суетился, собираясь провожать гостью. И вдруг неожиданно для себя Маша предложила:

– А знаешь что, пойдем к нам домой, завтракать! Мы тебя угостим оладушками и вареньем из райских яблок!

– Оладушками? Вареньем? А какие они, оладушки и варенье? – заинтересовался Снеговик.

– Пойдем, вот и узнаешь! Тебе понравится! – И Маша, обняв друга за пушистую шею, чмокнула его в кожаный черный нос.

Когда они вошли в калитку, в доме уже никто не спал. Антошка как ни в чем не бывало возился во дворе, строя из снега крепость и пытаясь поселить в ней кошку Муську. Муська не соглашалась и пыталась удрать. А в доме мама и папа стояли у окна и громко разговаривали.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– ...два часа ее нет! Мы же весь дом обыскали, и на чердаке тоже проверили. А вдруг она в лес ушла и заблудилась?! – услышала Маша мамин взволнованный голос.

– Если что, можно МЧС вызвать. Но подожди паниковать, может, она у соседей... – успокаивал маму папа, – ведь не маленькая, девять лет уже.

И тут родители посмотрели в окно. Дочь стояла во дворе, растерянно глядя на них, одной рукой она обнимала странную большую белую собаку, другой махала им. Что тут было! Родители кинулись во двор, мама плакала, папа ругался! Все обнимали друг друга! Антошка, не понимая происходящего, бросил свое занятие и, подбежав, запустил обе ладошки в пушистую шерсть Снеговика.

– Собачка! Хорошая! – радовался малыш.

Ну, тут Маше пришлось все родителям и рассказать по порядку: про солнце, про снег, Снеговика и его слезы-кристаллы. Мама и папа очень удивились поначалу, но они были добрыми, вежливыми и очень понимающими родителями. Поэтому вскоре все вместе пошли завтракать. Снеговик с удовольствием ел оладьи с вареньем из райских яблок и запивал все ароматным сладким чаем. А Маша рассказывала про сражение, про друзей Милюток и Снежных эльфов. Все очень смеялись, вспоминая страшного дэва, поверженного ударом лопаты. Затем серьезно обсуждали снежный покров в лесу и проблемы лесных жителей. Снеговика, по его словам, все «очень-преочень» понравилось: и варенье, и радушный прием, и веселый завтрак. Он был невероятно доволен и долго благодарил. Потом пришла пора прощаться. Семья долго стояла у калитки, глядя вслед удаляющейся пушистой спине. Антошка махал рукой, а Маша немного всплакнула. Она ведь не знала, когда снова увидит пушистого друга...

Солнечный луч разбудил Машу, она потянулась, откинула одеяло и подбежала к окну. Двор заливал свет яркого, слепящего январского солнца. Сквозь стекло солнечные лучи искажались и преломлялись, создавая эффект радуги. Во дворе все белым-бело: сугробы, похожие на гигантские горы сливочного мороженого; дорожки, покрытые нетронутым белоснежным полотном снега; деревья, сказочно припудренные и искрящиеся в лучах солнца. Их кроны словно окунули в сахарный сироп, потом в сахарницу, да так и оставили. «Сахаринки» сверкали и мерцали на каждой веточке, на каждом сучке.

– Волшебно! – прошептала девочка и ощутила какое-то щекотание внутри, странно знакомое, будто она не могла вспомнить что-то очень важное. Маша закрыла глаза, сосредоточилась... и вспомнила! Вспомнила лес, Снеговика и всё-всё, что было потом. Маша распахнула дверь и помчалась на кухню. Мама жарила сырники.

– Дочь, садись завтракать. Умойся только сначала.

– Мам, ты же помнишь Снеговика?

– Того, что в саду стоит? – удивилась женщина. – Разумеется! Вон он, почти растаял.

– Да нет же, мам! Вчера, из леса, который плакал! Ты что, забыла? – воскликнула Маша

– Дочь, ты не заболела? – заволновалась мама.

– Не может быть! Не может быть, чтобы это был сон! – Маша схватила куртку, сунула ноги в сапоги и пулей выскочила на террасу.

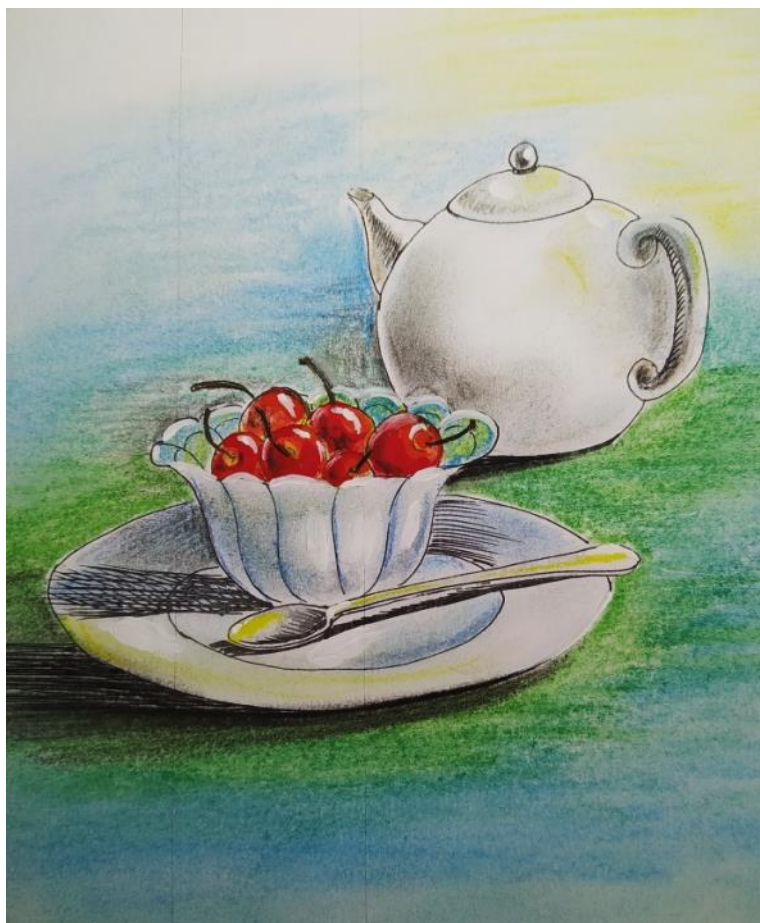
– Маша, оденься! Куда ты раздетая? – крикнула вслед мама.

Маша стояла у витражного окна и, роняя слезы, наблюдала, как переливаются в цветных стеклах солнечные лучи, оставляя зайчиков на дощатом полу. Одна горькая слезинка упала, разбившись о доски, и Маше показалось, что крошечные брызги разлетелись по террасе цветными осколками. Это снова напомнило о потерянном друге, и, тяжело вздохнув, девочка перевела взгляд за окно, во двор. Там, среди миллионов снежных искр, она увидела

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

переливы сверкающей бусины под деревом, и еще одну дальше у калитки, и за калиткой. То тут, то там, отражаясь от солнечных лучей, вспыхивали и гасли отсветы на снегу.

Маша вытерла слезы и улыбнулась. Она не знала, когда снова увидит пушистого друга. Но она точно знала одно: если в лесу много снега, значит все хорошо и Снеговик где-то рядом. И может быть, они еще встретятся и переживут множество интереснейших приключений. А потом Снеговик придет в гости, чтобы снова всем вместе пить ароматный чай с вареньем из райских яблок.



ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Марина Шапошникова
(Астрахань)



СТИХИ для ДЕТЕЙ

Вверх тормашками кармашки

Дружно, словно по свистку,
Все сбежались к турнику.
Кувырок за кувырком –
Стало всё вокруг вверх дном.
У Егора и Наташки
Вверх тормашками кармашки.
У Арины, Оли, Пашки
Вверх тормашками кудряшки.
Вверх тормашками ромашки,
Солнце, облако, букашки.

Электронный дневник

Электронный мой дневник
К папе в ноутбук проник.
Выдал главный мой секрет
Вездесущий интернет.
Наказал меня в итоге
За оценки папа строгий.
И пока дневник на сайте,
Не до отдыха мне, знайте.

Полосатая мечта

Бывает мечта полосатой,
Пушистой, смешной и усатой.
Мяучит, бежит спозаранку,
Прося у хозяев сметанку.
Мурлычет она очень сладко,
Тогда не нужны шоколадка,
Прыжки летом в речку с тарзанки,
Зимой – горы снега и санки.
Щеки она нежно касается,
Но жалко, что редко сбывается.

Крепышград

Летом в нашем Крепышграде
Детвора – как в шоколаде,
И от солнышка веснушки
У Андрея и Катюшки.
Малыши зимой, весной
Обливаются водой!
Ловко скачут по дорожке –
Укрепляют стопы, ножки.
Не страшны им скарлатина,
Грипп, ветрянка и ангина.
Каждый в городке – крепыш.
Дружно скажем хвори:
«Кыш!»

Письмо родителям

Взрослые, без паники!
Шлём с письмом вам смайлики.
Паутина интернета –
Как отдельная планета,
Привлекла ужасно нас,
Мы вернёмся через час.
Чтобы принимать глицин
И сердиться – нет причин.
Если что, мы в интернете,
Не скучайте.
Ваши дети.



Поглотитель конфет

На кухне скучал одинокий буфет,
Но всё изменил поглотитель конфет.
Не тронул он чашки, тарелки и ложки,
Зато съел ириски без всякой делёжки!
Затем проглотил в шоколаде зефир,
Устроив из сладостей маленький пир.
В буфете оставил лишь булку витую,
Три фантика, крошки, коробку пустую.

Соседству такому буфет был не рад:
Пропал из него весь цветной мармелад,
Исчезли халва, со сгущённой печенье,
Грильяж, пастила, леденцы и варенье.
Но чтобы сладёна проникнуть не смог,
Закрылся буфет на огро-о-омный замок...
Батончик, фруктовым сиропом облитый,
Драже, карамель – под надёжной защитой!

Муха, комарик и оса

Жужжит муха:
– Жи-жи-ж-ж-жи,
Для гостей пеку корж-ж-жи.
Ей в ответ комарик:
– С-с-с, –
Я летал сегодня в лес,
Там набрал с листа росы,
Заварю чай для осы.
Гостя прилетела в дом,
Собрались все за столом.
Говорит оса друзьям:
– Я летала по полям,
Дегустируя нектар,
Как бывалый кулинар.
А в обед у стрекоз-з-зы
Схоронилась от гроз-з-зы.
Зажужжала мушка вслед:
– Но какой прок от диет?
Я сейчас свой хоботок

Опустила бы в медок!
Выпили друзья весь чай,
Пожужжали невзначай.

Колыбельная

Спи, сыночек,
сладко-сладко,
Привезет тебе лошадка
Из таинственной страны
В золотой повозке сны.
Тишина клубочком пряжи
У твоей кровати ляжет.
Ночь заглянет к нам в окошко,
Сыпля звезды из лукошка.
А луна – лимона корка,
Охранять нас будет зорко.
Засыпай, а я спою
Баю-
баюшки-
баю.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Лопатина
(Омск)



Колька и вороненок

История эта зародилась еще в восьмидесятих годах. Был у меня друг Колька, веселый, а какой выдумщик! Иногда такое он навьдумывает, что и сам потом путается, было это или не было вовсе. Любили мы с ним бродить по лесной березовой роще: красота вокруг, воздух чистый, а птиц – видимо-невидимо. Вдруг смотрим: воронье гнездо кто-то разорил, все яйца побил, лишь одно целехоньким осталось. Колька его взял и к отцу в голубятню пристроил. Григорий Павлович и подумать не мог, что сын такое отчудит.

Отец у Кольки строгим был, всем от него доставалось, одного Кольку жалел, младшенький потому что, вот и разбаловал. А когда ему дорогая голубка черного вороненка вылупила вместо племенного голубя, вот уж он рассерчал-то... Думали, Кольке точно достанется, а нет, и тут пожалел, отдал вороненка и сказал:

– Раз взял, значит сам за ним и ухаживай. Пора за свои поступки ответ нести. А если не выкормишь птенца, накажу! Мы в ответе перед нашими братьями меньшими, тем более черный ворон славится большим умом и сообразительностью. Верным другом тебе будет, если ты его, конечно, вырастишь.

– Конечно, выращу, зря ты во мне, отец, сомневаешься. Он будет самым сильным и красивым вороном! Я его Гришкой назову, как моего одноклассника, который задирается. Пусть знает, как меня и моих друзей доставать, – радостно ответил Колька. Уж очень он боялся, что его строго накажут за такой проступок, а тут, можно сказать, легко отделался.

Так и появился у Кольки новый друг, Гришка. Красивая птичка получилась, вся как смоль черная-черная, перья на солнце всеми цветами радуги сияют. А умный какой, разговаривать по-человечьи умел. Какое слово услышит, тут же его повторяет. Выдавал Кольку по-страшному, хоть и любил его больше всех. Птица же, что с нее взять, у них мозги совсем по-другому работают, не как у людей.

Вот как-то Колька, вместо того чтоб домой идти уроки делать, решил все сугробы большие возле школы облазить. Зима тогда суровая выдалась, долгая, а снега навалило выше человеческого роста. Одноклассники Кольке кричали, что провалится, только он, как всегда, никого слушать не хотел. Залез в самую глубь и провалился по пояс. Выбраться самостоятельно не может, кричит на всю округу, помощи просит. Его Гришка услышал, стал кричать не птичьим голосом, за друга беспокоиться.

Одноклассники жались над птичкой и пришли на выручку Кольке, только достали его без одного валенка. Сколько ни пытались ребята извлечь его из-под снега, ничего у них не получалось. Расплакался Колька: как босым домой возвращаться, ведь зима на улице, кругом снег. Кто его умным назовет? И дома появиться в таком виде стыдно, отец только что новые валенки ему приобрел. А одноклассники нет чтобы пособолезновать, наоборот, потешаться над ним стали.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Ха-ха-ха! Колька в сугробе застрял и обувь растерял! Колька – растеряшка, мокрая рубашка!

Запомнил ворон эти слова и, пока Колька придумывал новую выдумку, все отцу и донес. Приходит он домой, а отец хмурый сидит, недовольно на сына посматривает, усы на палец накручивает.

– Ну, что скажешь? Где валенок посеял, почему босой домой явился? – сердито спросил Григорий Павлович.

– Папа, ты мне не поверишь. Только уроки закончились, я быстрее домой пошел. А тут целая стая бродячих собак набежала, да давай меня за валенки грызть. Самый большой пес валенок с меня стянул, я пытался его догнать, но ты же сам знаешь, собаки быстрее людей бегают. Я покричал, заплакал, а делать нечего, пришлось так домой воротиться. Я ж в чем виноват? – пожал плечами Колька.

– Вот же выдумщик! И не стыдно тебе? Быстро надевай валенки брата и пошли твой сугроб проверять, там, где ты по пояс провалился, – качая головой, раздраженно пробормотал отец.

– А ты откуда все знаешь? – испугано поинтересовался Колька, переобуваясь на ходу.

– Мне положено все обо всем знать. Ну а ты за свой обман на неделю вместо брата матери в хлеву помогать будешь. И только попробуй отлынивать, накажу! – пригрозил Григорий Павлович.

– Но, папа?

– Я все сказал, в другой раз знать будешь, как отца обманывать.

Так у Кольки вся неделя в делах и прошла. Но, к сожалению, так ничему его и не научила.

Двойка

Получил как-то Колька двойку за четверть по математике, много уроков прогулял и на важную контрольную не явился. Наша учительница, Валентина Яковлевна, даже не думая двойку ему выставила, такую огромную, на весь дневник, чтоб всем она издалека видна была. Да к тому же замечаниями весь дневник красной пастой исписала, чтоб родители вразумили ребенка. К учебе, так сказать, любовь ему привили. Испугался Колька такой красочный дневник домой нести, да и выкинул его по дороге в большую канаву. А вороненок всегда друга возле школы на верхушке старого дуба поджидал, увидел, что тот дневник выбросил, подлетел, достал из канавы да довольный домой его и притащил. Как назло, Григорию Павловичу первому дневник на глаза попался. Как же он бранился... Хорошо, Колька, как всегда, домой после школы не торопился. Воротился, когда отец уже поостыл маленько, и понять не может, почему все на него недовольно посматривают. Лишь один вороненок весело клювом пощелкивает, в глаза заискивающе поглядывает.

– Ну, что у вас опять приключилось? Неужто старший брат Борис что-то учинил? – спросил ничего не подозревающий Колька.

– А что я сразу? В отличие от тебя, у меня за четверть все оценки положительные, – с обидой произнес брат.

– Вам уже Валентина Яковлевна все донесла? Да она на меня с первого класса взъелась. Не понимаю, почему она мне двойку поставила, – стараясь оправдаться, испуганно залепетал Колька.

– А может, потому что ты прогуливал и уроки не учил? – спросила негодуя мама.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Она и это вам рассказала? – округлил глаза Колька.

– Да нет, дневник твой нам все поведал, весь краснотой рябит, – недовольно произнес папа.

– Не может такого быть, я его далеко от дома выбросил. Как вы его нашли? – покраснел от стыда Колька.

– Неважно. Пока двойку не исправишь, не видать тебе на день рождения велосипеда, – строго ответил Григорий Павлович, не выдавая ни о чем не подозревавшего ворона, который бережно проводил клювом по своим черным как ночь перьям, сидя у него на плече.

Вот так и пришлось бедному Кольке, вместо того чтоб на каникулах отдыхать, двойку исправлять. Валентина Яковлевна заставила весь курс повторять, пока он математику на твердую четверку знать не стал. С тех пор он больше ни одного урока не пропустил, так как сильно велосипед ему нужен был.

Футбол

Попросила мама Кольки, Тамара Васильевна, за утятами присмотреть. Они только недавно вылупились, маленькие такие, пушистые. Сначала ему по вкусу это занятие пришлось, но хватило его ненадолго. Захотел он с ребятами в футбол поиграть, да и оставил маленьких утят одних на улице без присмотра. Сороки тут же налетели да всех и покрали. Как только ворон их ни отгонял, все без толку: один справиться с пятью сороками не смог, очень они хитрыми да настырными оказались. Пришел Колька, а утят нет. Кричал, по двору бегал, так их и не нашел. На ворона недовольно косится, что тот их проворонил.

– Нельзя на тебя, Гришка, положиться, я думал ты меня выручишь, за утятами присмотришь. Что я теперь маме скажу?

А ворон будто все понимает, себя виноватым чувствует. К Кольке подлетел и тереться об его щеку стал, чтоб друг на него больше не серчал.

– Ладно, как всегда, что-нибудь придумаю. Что с тебя взять, куриная у тебя голова.

Взял Колька палку и стал медвежьи лапы рисовать. Вороненок смотрит, ничего понять не может, что вновь его друг задумал. Пришла мама и спрашивает, куда Колька утят дел. Он расплакался, на следы рукой показывает:

– Я, как ты мне сказала, утят хорошо стерег. С большой ответственностью к такому делу подошел, но меня медведь опередил. Зашел к нам в усадьбу как к себе домой, нагреб в свои лапы утят и в лес убежал. Я за ним в погоню бросился. Медведь, хоть и выглядит неуклюже, а весьма проворным оказался. Ничего я, мам, сделать не смог, утят жалко, конечно.

– А откуда здесь медведю взяться? – понимая, что сын ее обманывает, решила она преподать ему урок.

– Наверно, из зоопарка сбежал, а может, в здешних рощах завелся. Мне откуда знать? – пожал плечами Колька.

– Вот как узнаешь, откуда медведь взялся, так и сядешь с нами за стол пирог рыбный есть. А пока не узнал, думай, куда утята наши делись, – недовольно ответила Тамара Васильевна.

Походил Колька, побродил, так ничего умного в голову и не пришло. Совестно ему стало, что родителей подвел, да еще и наврал. Домой стыдно возвращаться, да нужно. Пришлось ему во всем сознаваться, да поздно: пирог был уже весь съеден.

Огород

Хоть и любил Колька лето, но больно много мороки на этот период приходилось. Огород прополоть нужно, животине воды с колодца натаскать. Но ему лень самому полоть было, взял с собой ворона и давай показывать, как сорняки правильно выдергивать. Ворон сообразительный оказался, тут же принялся повторять за другом. Смотрит Колька, слишком долго им вдвоем полоть придется, поиграть вдоволь с ребятами так и не получится. Задумал он на подмогу куриц привести. А они, обрадованные, на зеленую молодую травку налетели и почище комбайна все исклевали: не только сорняки, а и новую рассаду, которую недавно Тамара Васильевна высадила.

Испугался Колька, за голову схватился, не знает, что и придумать. А ворон доволен, что с делами справился, понять не может, что это Колька такой расстроенный. Возле него летает, каркает, поиграть с ним хочет.

– Уйди, Гришка, видишь, что ты понаделал со своими птичьими сородичами! А мне теперь отвечать придется. Опять накажут, нескоро я мячик с ребятами попинаю. Ох и достанется теперь мне. Нет, надо что-то срочно придумать.

Пришла Тамара Васильевна на огород работу сына принимать и диву дается. Колька весь огород сам вскопал, но ни рассады не осталось, ни сорняков. Не знает, бедная, что и делать. Похвалить бы за работу сына надо, да язык не поворачивается. Где теперь новую рассаду брать, чем огород засаживать? Хорошо, что все это время за Колькой баба Поля наблюдала. Она рассаду принесла, у нее лишняя оставалась, но только с одним условием: Колька сам ее высадит, без чьей-либо помощи. Чтоб в другой раз с большей ответственностью к делу подходил, ни на кого надеялся. Ведь лень до добра никогда не доводит.

Котлован

Сколько Кольке ни говорили на котлован без взрослых не ходить, все напрасно. Собрался он с соседской ребятней на водоем, удочку из дома прихватил и скорее побежал, пока никто из домочадцев не заметил. А за ним и Гришка последовал, довольный, что его Колька с собой взял. Но радовался не долго: Колька, хоть не умел и плавать, в воду полез и не заметил, что далеко от берега отошел. Испугался и давай орать на всю округу:

– Помогите, тону! Прощай, мамка, прощай, папка, вот так не станет у вас сына!

Рыбаки услышали его вопли, не мешкая Кольку из воды достали да уму разуму учить начали. А тем временем бедный Гришка с криком о помощи домой полетел, переполох устроил. Родители вне себя от ужаса побежали к котловану, а там Колька довольнехонький загорает, с рыбаками уху на костре готовит, чай из самовара попивает. Увидел родителей и остолбенел. «Ой, что сейчас будет!» – подумал про себя.

– Ну и как это понимать? Бедный ворон чуть не охрип, пока до нас долетел. Ты не представляешь, что с твоей матерью творилось, мы думали, ты утонул. Зачем ты на котлован без спроса пошел? Как бы мы жили без тебя, если бы что-нибудь с тобой случилось?

– Вот, значит, кто меня все это время сдает. Гришка! Завел на свою голову птичку, от гибели, можно сказать, спас, выкормил, а он...

– Да он самый верный и надежный друг, который никогда ни за что тебя не предаст. Но раз ты его дружбой не дорожишь, мы его в зоопарк определим, ему там даже лучше будет, ты

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

же такой безответственный. На тебя совсем нельзя положиться! – разочарованно произнес отец.

– Папа, не надо его отдавать. Я обещаю исправиться и вас слушаться. Только не отдавайте его, – заплакал Колька.

Но Григорий Павлович ничего не ответил. Колька всю дорогу просил родителей пожалеть Гришку, не отдавать в зоопарк, ведь там ему без Кольки одиноко будет и страшно.

Как ни странно, после этого дня Кольку как подменили. Он стал хорошо учиться и помогать родителям, у него появилось много друзей. Вы не поверите, прошло больше двадцати лет, а у Кольки до сих пор тот вороненок живет, только он вырос и стал вороном, крупным и упитанным.

Ведь дружба – это на всю жизнь, и не важно, человек рядом с тобой или пернатый товарищ.



О. Иванов. Золото

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Творческий семейный подряд Александровых-Строковских (Королёв)



В этом номере в гостях у «Московского BAZARa» творческий коллектив семьи Александровых-Строковских из города Королёв Московской области. Творчество стало для них семейным подрядом, здесь стихи пишут все от мала до велика.

Елена Анатольевна Александрова, мама. Профессиональный художник, поэт, журналист, педагог, член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России, Международного художественного фонда. Она не только сочиняет стихи, но и делает иллюстрации.

Головастик-сладкоежка

Однажды Головастик
Задумался: «Зачем
Нужны на свете сласти,
Когда я их не ем?»
И начал есть без счёта
Халву и мармелад,
Конфеты и компоты,
Но скоро стал не рад:
Ведь Головастик вскорости
Так от сладостей ослаб,
Что перестал совсем расти,
Остался он без лап...

Происшествие

К нам синица залетала,
Все углы пересчитала,
Прозвенела нам: «Весна!»
И вспорхнула из окна...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Максим Александров, 26 лет. Окончил колледж кино, телевидения и мультимедиа ВГИК, сейчас студент третьего курса ГИТР (кинооператорское отделение). Стихотворение «Лесовичок» написал, когда ему было 6 лет.

Лесовичок

Как-то раз Лесовичок
Зацепился за сучок.
Он висит и еле дышит,
Он зовёт – никто не слышит...
Хорошо, что тут Медведь
Шёл колоды посмотреть!
Отцепил Лесовика,
Успокоил, дал медка.
Отдохнул Лесовичок,
Поглядел на свой сучок,
Почесался, покряхтел
И об этом песню спел!



О Мурке, валенках и колдунах

Мама чешет щёткой Мурку.
А у Мурки нашей шкурка –
Пышная, пушистая, мягкая и нежная.
Недовольна очень Мурка белоснежная:
Воет, целит когтем в глаз,
фыркает, мяучит...
Мама добрая у нас,
что же кошку мучит?
Ну а мама – хохотать:
«Ах защитник маленький!
Если Мурку не чесать,
скоро станет валенком!»
Валенок – сапог такой,
у сестрёнки видел...
Может быть, волшебник зло
кошку так обидел?
Мама объясняет: «Мурку
мы вычёсывать должны,
А не то в пушистой шкурке
заведутся колтуны!»
Колдуны?! Как в страшной сказке?
Да, совсем нехорошо...
Со стола не без опаски
взял я частый гребешок.



Рис. Е. Александровой



Данил Александров учится в 3 классе.

Увлекается пением (солирует в школьном коллективе), керамикой, рисованием, филолидией (коллекционирует конфетные фантики).

Снежный дом

Вот и солнце светит ярко,
Нам не холодно, а жарко:
Мы скатали снежный ком,
Будем строить снежный дом!

Дом построен! Все в снегу!
Очень хочется чайку...
Завтра слепим новый дом.
...Не судьба: весна кругом!



Лена Строковская, 7 лет.

Увлекается керамикой, лепкой, рисованием. Готовится к поступлению в школу.

О собачке чихуахуа, Ляле и радуге

Мы всё утро не гуляли,
И собачка наша Ляля
Грустно убрела под стол:
Дождик на всём свете шёл...
Дождь прошёл, и чихуашка,
Дверь оставив нараспашку,
Полетела на луга,
Где повисла ра-ду-га!



Рис. Лены Строковской

Сарафанчик

Сарафанчик-сарафан!
 У него большой карман:
 Уместились две лошадки
 И четыре шоколадки!
 Мне купили чупа-чупс,
 Я от радости кричу!
 Он огромный, как арбуз,
 Я им с братом поделюсь.
 Ели-ели, еле-еле,
 Еле съели в две недели...
 А потом у брата – уп! –
 Вылетел молочный зуб!
 Чупсов больше мне не надо:
 Дайте лучше шоколада!



Рис. Лены Стрковой

Мария Александрова, 21 год. Окончила Техникум технологии и дизайна Технологического университета им. А. А. Леонова (г. Королёв), факультет дизайна среды, увлекается живописью, керамикой, играет на барабанах.

Стихотворение «Бородино» написала в 6 классе.

Эхо Бородино

Это было давным-давно...
 Только в поле под Бородино
 До сих пор живёт странное эхо:
 И на смех откликается смехом,
 И на крик откликается криком,
 Но как спросишь его о великом,
 Спросишь так: «Кто разбил здесь французов?»
 Эхо сразу ответит: «Кутузов!»
 Это было давным-давно,
 Только эхо под Бородино
 Помнит, как деды нынешних дедов
 В битве нашу добыли победу...

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королев)



ГОЛЛАНДИЯ. ЗАНДВОРТ

Часть 1. Страна, подчинившая себе море

Начну описание своего путешествия по Голландии со знакомства с родственниками моего мужа. Вера, сестра моего мужа, замужем за голландцем Диреком и живет уже много лет с семьей в городе Зандворте.

Благодаря этому подарку судьбы я была в Голландии несколько раз, можно сказать, исколесила многие ее города и регионы. От посещения каждой из стран, где мне посчастливилось побывать (Польша, Германия, Норвегия, Франция), оставалось по-своему незабываемое, восторженное впечатление. В Голландию же можно ехать не только путешествовать, но и отдыхать на море.

Очень интересен и своеобразен быт этой страны. Здесь и благодать деревенских пейзажей с пасущимися ухоженными коровами, и красота сохранившихся городов – шедевров средневековой архитектуры с величественными соборами, ратушами, площадями, купеческими домами... И все это соседствует с современными зданиями. Здесь свободные нравы уживаются с искренним почитанием конституционной монархии. Любознательные и открытые голландцы принимают все таким, как оно есть, не отвергая и не осуждая ни одно проявление жизни. В истории этой страны не соперничают старина и современность, уместно всё, но неизменными остаются улыбки доброжелательных и спокойных людей.



Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Не совсем правильно Нидерланды называть Голландией. Голландия (Южная и Северная) – это только две из двенадцати Нидерландских провинций. В 1795 году Голландия вошла в состав Франции, что значительно подорвало ее былое могущество. После свержения Наполеона в 1815 году Голландия преобразуется в Королевство Нидерландов, но еще долго будет восстанавливаться ее пришедший в упадок экономический потенциал. Избежав участия в первой мировой войне, Нидерланды подверглись варварскому завоеванию фашистской Германией (1940) и лишь в мае 1945 года добились свободы. В послевоенные годы страна осталась одним из наиболее процветающих и стабильных государств мира, несмотря на то что утратила свои колонии.

Обожаю эту страну, отстоявшую сушу у моря. Нидерланды, что означает «низкие земли», более чем наполовину расположены ниже уровня моря: ниже, чем любая другая европейская страна. Земля здесь в буквальном смысле создана самими людьми. Местная поговорка гласит: «Бог создал море, а голландцы берега». Более чем тысячелетняя борьба с морем за территорию научила голландцев трудолюбию и изобретательности: береговая линия защищена от морских вод дюнами и дамбами – восьмым чудом света.

Знаменитые ветряные мельницы откачивают воду во время приливов. «Все в твоих руках» – истина, исповедуемая этими сильными и самостоятельными людьми, стремящимися обустроить свой быт. Самую большую дамбу-великан Afsluitijk (недалеко от Зандворта) длиной 32 км начали строить в 1918 году, а последний камень уложили 28 мая 1932 года.



Одежда голландцев



Дамба



Дамба Afsluitijk

по ней проносится 15 тыс. машин в день,
а через открывающиеся ворота проходят корабли и яхты

Дамба Afsluitijk



Кломпы на витрине



Мельницы

Люди, жившие у моря, считали, что защитились от бурь и наводнений. Однако в ночь на 1 февраля 1953 года в Северном море случился сильнейший шторм, скорость ветра временами достигала 144 километров в час, и дамбу прорвало. Сильное наводнение унесло жизни 1835 человек, 200 тысяч стали бездомными за одну ночь. Жутковатое это ощущение, когда удаляешься в море по этой стреле, да еще когда ветер (он здесь хозяин!) так и норовит отыскать потаенные щелочки в авто, чтобы свирепым свистом заявить о себе.

На протяжении веков люди боролись за сушу, и немалый вклад в это трудное дело внесли ветряные мельницы (ветряки).

В середине XVI века была изобретена первая мельница. Она перекачивала воду на более высокий уровень. Это изобретение оказалось находкой в борьбе человека со стихией. Теперь, соорудив дамбу вокруг озера, люди могли откачивать из него воду и культивировать землю. К XVIII веку этих мер уже было недостаточно. Дамбы стали строить вокруг пастбищ, создавая таким образом резервуары, куда ветряки могли бы сбрасывать лишнюю воду.

Голландия считается страной тюльпанов, мельниц, сыров и фестивалей.



Сырдельный цех



Голландия – страна тюльпанов

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Из болотистой местности голландцы создали плодородную почву и вырастили на ней чудесные тюльпаны.

Плантации и оранжереи этих луковичных цветов, покоровших весь мир, радуют глаз круглый год. С марта по июнь толпы многочисленных туристов устремляются на выставку «Фестиваль тюльпанов» в знаменитый парк цветов Кененхоф (в тридцати километрах от Амстердама), чтобы полюбоваться красотой творения рук человеческих. Здесь очаровывает ажурное переплетение экзотически расположенных клумб с ярким разноцветьем всевозможных форм любимых цветов. Площадь более чем 17500 гектаров, вдоль голландского побережья от Катвэйк до Ден Хелдер, покрыта многоцветным ковром. Цветущую поверхность разнообразят розы, орхидеи и великое множество различных зеленых насаждений, названия которых невозможно ни запомнить, ни перечислить.

Хочу еще немного рассказать о традиционной обуви в Нидерландах – клопенах.

Изначально они были обувью для простолюдинов. Ботинки могли позволить себе только богатые люди. Люди, работающие на земле, ими еще пользуются. В клопенах теплее и суше, нежели в резиновых сапогах. Раньше клопены были частью традиционного народного костюма. По ним можно было определить, откуда человек родом. На острове Маркен жених вырезал клопены для своей невесты, их надевали только в день свадьбы и потом уже не носили. В этом местечке (да и во многих уголках Нидерландов) есть мастерские, где для туристов демонстрируется производство клопенов. На наших глазах мастера из кусочка дерева умело выдалбливают и шлифуют эту обувь. И все это за 10–15 минут. Затем клопены красочно оформляются и выставляются на витрины для продажи туристам.

Вот так вкратце, в общих чертах, о Голландии. Можно рассказывать восторженно и долго... Но мне еще предстоит поделиться с вами своими впечатлениями об этой уникальной маленькой и очень *большой* стране.

Особо запечатлевшиеся события мне поначалу так и хотелось выплеснуть в стихах. Но в них обо всем не скажешь.

Зандворт (Zandvoort) – маленький курортный городок на побережье Северного моря. Находится он в 30 километрах от Амстердама, столицы Голландии.

Дирек (как и многие зандвортцы) работает в Амстердаме, до которого по автобану добирается на машине за 15–20 минут. Можно и на электричке за полчаса.



Я в клопенах





Идем на пляж

Удивительная чистота моря, живописная природа, приятный мягкий климат и сервис прельщают не только местное население, но и туристов из различных европейских и азиатских стран, буквально оккупирующих летом гостиницы и кемпинги, рестораны и кафе, магазины и бульвары... Наземным транспортом в городе местные жители и туристы пользуются редко. Спешащее местное население передвигается на велосипедах. Уж такого количества велосипедов, как в Голландии, вы, пожалуй, не увидите нигде! Туристы тоже берут велосипеды напрокат, но в основном все гуляют. Весь пляжный сезон в городе (особенно по вечерам) гремят оркестры. Здесь популярны джаз-фестивали. Рок-группы со своими звонкими музыкальными инструментами (трубами, тарелками, барабанами) начиная со второй половины дня (здесь поздно ложатся и поздно просыпаются) шествуют по пляжу, гремя музыкой. А ближе к полуночи вся публика перемещается в центр городка на массовое развлечение.

Не каждый отважится купаться в прохладном море (все же Северное!), но пляжи с желтовато-серебристым песком усыпаны шезлонгами-лежаками с разомлевыми под солнцем туристами. При первом посещения пляжа мы были шокированы видом вольготно расположившихся отдыхающих без одежды, без купальников. Конечно, далеко не все туристы позволяют себе такую вольность (особенно азиаты). Пестрели и бикини, чуть прикрывающие части тела. Может быть, по этой причине, мой муж, не большой любитель прохладной воды, чуть освоившись на пляже, спешил в море. Но адаптация прошла быстро. Уже через пару дней мы чувствовали себя уютно, затерявшись в массе разноцветных тел.

В наши планы не входило ежедневно подставлять сжигающим лучам свои телеса. По программе, соответствующей распорядку хозяев, был расписан почти каждый день. В чужом государстве без знания языка самостоятельно далеко не уедешь. Хотя при повторном посещении многих мест, мы (с помощью карты) уже ориентировались сами. Хотелось как можно больше путешествовать и узнавать об этой чудесной стране.

Продолжение следует.



Зандворт

Zandvoort

Голландия. Город курортный

Зандворт.

Сюда отдыхать приезжает народ.
Холодное море и солнечный пляж,
Для многих туристов –

привычный вояж

Французы и немцы, американцы,
Испанцы, поляки и итальянцы,
И русский, и турок здесь, и эфиоп...

Всей Евро и Азии –

калейдоскоп.

Зандворт –

уютный, зеленый, неспешный –

Ночами становится

адам кромешным:

Здесь – джаз-фестиваль...

Там рок-группа *ревет...*

Заезжий народ бурным ритмом живет.

А с вечера в центре, всю ночь напролет,
Под звонкие джазы танцует народ!
Кругом мишура, серпантин, конфетти,
Очистки, пакеты...

Не встать, не пройти.

Однако, замечу, что утречком ранним
По улицам чистым идут горожане.

Ну, всё. Объявляю антракт, господа!

Назавтра – разгрузочный день –

Амстердам.

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2021